

Наталия Барабаш

Адажио
на асфальте

Москва
АКАДЕМИКА
2011

УДК 882
ББК 84(2Рос—Рус)6-5
Б24

*В оформлении книги использована графика
Пабло Пикассо*

С Т И Х И
2005-2011

ISBN 978-5-4225-0035-2

© Н.А. Барабаш, 2011

ДОРОГАМИ ЛЮБВИ

Книга стихов Наталии Барабаш «Адажио на асфальте» открывает читателю новые грани ее поэтического таланта: пронзительную лиричность, удивительную открытость и яркую метафоричность СЛОВА. Поэт ведет непрекращающийся диалог с читателем о любви, о времени и о вечности. Порой это разное видение событий прошлого, в женском и в мужском вариантах. Иногда — сознательное подражание известной поэтической манере или словесно-театральной традиции, будь то стихи Лорки или Цветаевой, пьесы Шекспира или Чехова. Но, главное, это диалог равноправных участников спора. И здесь не столь важно, кто воображаемый собеседник, — так покоряет сердца доверительная и проникновенная интонация автора.

Поэтическое пространство этой книги зачастую наполнено таким чарующим ощущением свободы и восторга перед радостью бытия, которое порой напоминает мировосприятие героя ранней есенинской лирики:

Что мне небо за лесами,
Что мне реки и поля? —
Я плыву над небесами,
И не надо мне руля.

Мир то сужается до минимального личного пространства, то расширяется до безграничности Вселенной: «Звезды слагают печальную песню, // Мир уже спит, я лечу в поднебесье». Со временем тоже происходят удивительные метаморфозы: о конкретном, земном времени читателю напоминают точные, почти протокольные даты написания стихотворений, но в этом поэтическом мире есть и другое время, не привязанное к реальным событиям, — время, в котором существует своя система координат: «час астральный» предстает проекцией вечности, здесь нет принципиальной разницы между столетием («И вот прошло сто лет — мы все про все забыли...» или «Мой прерванный полет продлится дольше века»), неделей или часом.

Лирический герой — назовем его так, поскольку в стихах солирует то мужской, то женский голос, — находится в постоянной рефлексии. «Кто я? Каков я?» — на эти вопросы постоянно находят все новые и новые ответы. И это не маски, это не личины, а, скорее, разные ипостаси творческой личности: странник, бродяга, Стенька Разин, поэт, артист, возлюбленный, влюбленный, отвергнутый, ушедший в вечность, вернувшийся: «Я — горький терпкий мед, что тает при дыханье, // Я — бело-снежный лед, и сам я без сознания // Я — обгоревший дом, что век стоит без крыши...». Попытки самоопределения приводят к обостренным парадоксам мышления:

Я — двуглавый орел, что летит в поднебесье,
Я — натянутый лук тетивы,
Я — веселая иволга в синем полесье,
Шорох нежной пожухлой листвы.

И поэтому такого героя волнуют сугубо экзистенциальные вопросы: «Что смерть? Дыханье, возглас, дух?» или «Ну, кто мне скажет, что такое жизнь и в чем ее основа?» Обретения и потери, утраты и находки, заблуждения и прозрения — из этих противоречий и состоит его бытие во времени и в вечности. Душевный мир лирического героя раскрывается во многом и благодаря графике Пикассо, сопровождающей книгу. Каждый ее раздел, названный автором образно и поэтично, предваряет рисунок художника.

Мотив странничества в поэтическом мире этой книги удивительно сочетается с темой Дома — несомненной ценностью в мире лирического героя. Разрушение Дома воспринимается как утрата дорогого, близкого человека:

Пустыми стенами и гнутыми полами
Стоит он, неживой, и бос, и гол.
Как страшно наблюдать его кончину:
Проржавленный замок, отсутствие трупы...

Горечь расставания с Домом подчеркнута наглядными вещными деталями, которые обнажают глубинные пласты коллективного бессознательного: в мифопоэтических представлениях многих

народов дом уподобляется живому существу. Вспомним, как, прощаясь с избой, обреченной на гибель техническим прогрессом, героиня распутинского «Прощания с Матерой», простая деревенская женщина, совершает своеобразный похоронный ритуал.

Однако утраты лирического героя связаны не только с темой дома. Хотя многие стихотворения лишены автобиографической конкретности и точной привязки к событиям в жизни автора, стихотворение, написанное «На смерть Александра Абдулова», имеет трагическую фактическую основу. Это в буквальном смысле крик души, квинтэссенция нервного напряжения, что выливается в не заданные автором вопросы: «Почему? За что? Как нам жить дальше?» И хотя это стихотворение напоминает монолог человека, захлебывающегося слезами, оно богато как внутренними («нет тела, нет дела»), так и традиционными, «внешними» рифмами. Смена повествовательных планов подчеркнута сменой способов рифмовки. Стихотворение заканчивается воображаемым диалогом ее адресата с жизнью: «Жизнь, ты помнишь меня? // Погляди: я — счастливчик». Трагизм утраты в заключительных строках смягчается аллюзией на широко известную когда-то песню «Я люблю тебя, жизнь!»

Потеря близкого по духу человека впоследствии вызовет у лирического героя всплески пессимизма: «О, Господи, ну чем питаюсь я? // Огрызками грехов и сплетен!» Преодолеть этот

пессимизм способна только любовь, которая возвышает и унижает, исцеляет раны и убивает, возрождает к новой жизни и заставляет страдать, — лирический герой проходит все стадии любви, приобретая бесценный духовный опыт. Именно любовь, синоним самой жизни («Я в этой жизни жил, а, может быть, и не был, // И лишь хочу любви, что вскроет мою суть»), и задает высокую лирическую ноту этой книги.

Вообще, о любви, одной из вечных тем в мировой литературе, писать исключительно сложно — неизбежен диалог с предшественниками, которые обладают громадным авторитетом. Сложно писать после Шекспира, Петрарки, Гете, Пушкина, Ахматовой, Цветаевой, Лорки... Сложно, но нужно, ибо тема неисчерпаема. Свою ноту вносит в эту тему и Наталия Барабаш. В ее произведениях, и поэтических, и прозаических, любовь многолика. Но очень часто это чувство соединяется с элегическими мотивами лирической грусти:

Это когда-то я любил,
А нынче все пурга одолевает
И время потихоньку застигает
Мой старый дом, и лодку, и судьбу.

Элегический модус определяет минорную тональность цикла «Престранности любви», но не исчерпывает его содержания. Расставание любящих сердец неизбежно, но не вечно: существует иная, поэтическая, реальность, где возможно всё:

новые встречи и новые потери, удачи и неудачи — словом, всё то, что неотделимо от нашего каждодневного бытия. Утрата способности любить воспринимается в поэтическом мире Наталии Барабаш как высшее зло: «Я вознесусь и упаду, как птица, // И больше не смогу влюбиться...» За бытовым планом, приметам времени, вырисовывается глубокий философский план: «Расстанемся, рассыплем жизнь в осколки, // Расставим меты, словно на руках наколки, // И захлебнемся в черед обычных будней...»

Подчеркнутая чувственность («Подражание Лорке») сменяется драматической отрешенностью («Я не умру и вечно буду жить...»), восторг — сожалением, радость — грустью. Да разве это не сама ЛЮБОВЬ, такая сложная и прекрасная в каждом своем проявлении? Задача раскрыть ее сущность, расшифровать ее таинственные знаки недостижима в целом, но эта задача решается в пределах конкретного стихотворения. На мой взгляд, автор ее достиг, в чем и заключается секрет пленительности поэтического слова Наталии Барабаш. Надеюсь, что читатель этой книги, разгадав спрятанные в ней поэтические намеки и аллюзии, так же испытает глубокое эстетическое наслаждение.

*Ольга Крюкова,
доктор филологических наук*

Расстрел — и в далмки

* * *

Не знаю. Как быть, я не знаю.
Я лишь одно понимаю:
Что не могу без тебя.
Я знаю, я твердо и ясно знаю,
Что никогда не узнаю,
Как называть мне тебя.
И слышу, отчетливо слышу,
Как солнце садится за крышу,
И я опускаю глаза.
Затем беспрестанно вижу,
Как ветер спускается в нишу
И как очарован простор.
Я слышу. Я вижу. Я ближе
К тому очертанию свыше,
Что мне начертил Пифагор.
Но где ты?
И есть ли дыханье?
Любви и мечты придыханье
Моих фиолетовых гор?
Откликнись! Я жду, я надеюсь,
Что в старости в небе согреюсь,
И навещу и увижу
Надежды веселый заслон.

20 мая 2005г.

* * *

Провозглашаю нелюбовь и безрассудство,
Презрение и громы всех богов.
Слагаю гимн греху и НЕискусству
И ненавижу сахарный покров.

Я проклинаю ночь за то, что слишком ясно
Горят на небе синих две звезды,
Что ждал тебя всегда и все напрасно,
Что был в твоём плену, когда светила ты.

Я не люблю ни день, ни утро,
В забвении плыву по черноте реки,
Хоть вижу свет, но в темноте и смутно.
И не протягиваю к солнцу две руки.

Я славлю ложь, безумство, безнадежность,
Когда запасливым, слащавеньким словцом
Стремлюсь бесовство смуты уничтожить
И навсегда остаться молодым.

Но день тревожит, солнце утром всходит,
И я робею перед пеною воды,
И злонамеренье в глухую тьму уходит,
И я стою на кромке у беды.

И не шагаю в пустословье перелетов,
Где нет ни отблеска, ни тени колдовства,
Я жду весну, когда на пик излетов
Взлечу и я при свете волшебства.

22 мая 2005 года

* * *

Признаюсь, я с тобою несвободен.
Я не смею сказать при народе,
Что плыву в голубом небосводе
И ветром спасен.

Сознаюсь, я на летнем восходе
Ухожу в дальневетренный полдень
И боюсь, что уже не угоден
Зимней вишне, растущей в саду.

Ухожу. Зеленеет природа,
Отыщу свой источник у рода,
Где очаг просветлеет у входа
И сожмет, как обрыв на краю.

23 мая 2005 года

* * *

Лишь шорохи колеблют ночь,
Лишь звезды освещают небо,
Наверное, уже не превозмочь
Ту ложь, что составляет небыль.

И я томлюсь тишайшим днем
И не могу не видеть солнца,
И ночью не забыться сном,
Не выплакать любовь до донца.

А утром не наступит тишина
И шорохи не пресекут молчанье,
И я не знаю, что такое вышина,
Коль в высоте не найдено признание.

И я ловлю веселое словцо,
Оно переворачивает душу,
И примеряю желтое кольцо,
Из моря бед осматриваю сушу.

И понимаю — вот он, мой восход,
Из мрака дня и безутешной ночи,
Смотрю на звезд неумолимый ход
И знаю, жить так нету мочи.

И вот тогда безмолвно выхожу,
Сажусь в тени безлунного пригорка,
И песню о любви тихонько завожу,
И думаю, ты ждешь меня в каморке,

Где очищались от земных тревог,
Где солнце звездам преграждало доступ
К одной из самых неземных дорог,
Где слышалась любви веселой поступь.

26 мая 2005 года. (1-е)

* * *

Звенит веселая вода в ручье,
И капли брызжут вверх.
Лежит рука на дорогом плече,
В какую бездну ты меня поверг?

Как выгорели, сдались берега
Когда-то возлелеянной земли!
Что делать? память такова,
Как хочешь, ну а прошлому внемли!

Ты слышишь, как тревожен звук
Невесть откуда взявшейся весны?
Не стоит множить боль утихших мук,
А лучше видеть зачарованные сны.

Пойдем, пройдемся по привычным берегам,
Смотри, как зазвенели голоса!
А ты мне так же бесконечно дорога,
Нам вечность начертали небеса.

26 мая 2005 года (2-е)

* * *

Ни звука, только тишина поет вокруг,
И лунный вечер освещает землю,
И солнце очертило круг,
И этой тишине я внемлю.

Простор разлит от берега до неба,
Звучит свирель за треснувшим стеклом,
И попевает в огороде репа,
И ты тихонькоходишь в дом.

Смотрю, как поседели кудри
Твоих, когда-то вьющихся волос,
Но нипочем столпившиеся будни,
Коль в образ твой я по макушку врос.

Останешься мечтой, реальностью, сонетом,
Зеленой вишенкой в моем саду,
И я останусь век поэтом,
И вновь с ума тебя сведу.

26 мая 2005 года (3-е)

* * *

И воспаряет мысль легко и вдохновенно,
Прозрачность суеты сгребает все вокруг,
Спешу любить навек самозабвенно
И не сводить печаль в печальный круг.

И мысль тревожится, волнуясь, отлетая,
К высокой чистоте святых надежд,
И я иду к тебе, веселая, нагая,
Не веря в новизну струящихся одежд.

И солнце ждет все так же одержимо,
Стремится овладеть и телом, и мечтой,
А ты надменно устремляешься все мимо,
И не дано мне быть ни словом, ни судьбой.

А только той потерянной крестьянкой,
Что ждет самозабвенно у ворот,
Угроишь жизнь неверием и пьянкой
И не увидишь на взаимность поворот.

Приговори меня своей великой силой
И взглядом из-под спущенных бровей.
Навек останусь и судьбой, и милой,
Хоть нам не слить волнующих кровей.

9 августа 2005 года (1-е)

* * *

Пишу взахлеб о неразумной власти,
О силе, что скрутила в узела,
Беру на выбор неумность страсти,
Которую в мгновение ты смела.

Я нищ и стар, и горе поседело,
И не подняться на Тянь-Шанский перевал,
Оставляю волю, злость, поступки, дело
И вспомню, как когда-то поживал.

Как искры слез кружились в хороводе
Сплошных сливных струй вокруг меня,
Так озарялась ты в желтеющем восходе,
И фейерверк был пулей вокруг меня.

Остановись и оглянись прилюдно,
Откройся небесам и всем простым делам,
Вокруг меня — темно и многолюдно,
И я иду навстречу куполам.

Ну разомкни свои стесненные объятия,
Останься иволгой на берегу реки,
Придет пора священного зачатья,
И я взлечу, гаданьям вопреки.

9 августа 2005 года (2-е)

* * *

И грянул бой, и разомкнулись руки,
И в храме прозвенел прощальный звон,
И в небо высоко я простираю руки,
И собираюсь незаметно выйти вон.

Но гром гремит, становится страшнее,
Вокруг летят обломки образов,
Я, может быть, и мог бы стать умнее,
Но ты закрыла двери на засов.

Кричали небеса и громко, и завидно,
И мир, казалось, покачнулся и застыл,
И было бесконечно больно и обидно,
Что абрис леса стал несправедно уныл.

Но птицы разговелись своим пеньем,
И свет на перекрестке дня застыл,
Ну не хвались своим шальным умением
Повсюду находить бронированный тыл.

Ты — вечно молода и не подвластна вьюге,
Что тщетно теревит забитое окно,
Здесь нет меня и нет на сердце муки,
И только безразличие к судьбе одно.

9 августа 2005 года (3-е)

* * *

Я просыпаюсь и тихо взлетаю,
Потом опять засыпаю
И снова, и снова не знаю,
Как скоро придёт апрель.

Но забирает в объятья мигрень,
И ветер тревожит опавшие листья,
И никому в этой жизни не слышно,
Как тихо поёт соловей.

Однако прощенье ненастья
Затянет ледком безучастья,
И станет стенать об участье,
И смолкнет под утро.

Звенит, заводит дождем перламутра
Иссиняя поступь природы,
И, спотыкаясь, спеша ей в угоду,
Я горестно жду принародно
Небесного соучастья.

Однако не светит на небе мне счастья,
Идет по песку, увязает в песчинках
Тень горести, что по крупинкам
Отыскивает чернь серебра.

Опора моя — вся из гл,а,
И все же, однако,
И тень не светла,
И выткано горе до дна,
И горлинка сникнет безвестной
На поле пуховом из мха.
Все — да!
И все же

Ведет по зеленой дорожке,
Сплетая осины сережки,
Веселая ерунда.
Вон — ее море, орда!
Только море — без дна.

23 ноября 2005 года (1-ое)

* * *

И явственны, и выпуклы черты
Того творенья, что тревожит душу.

В нем снова проступаешь только ты,
И я зову тебя сквозь мглу и стужу.

Я столько лет в преддверии весны,
Она же все обходит стороною,

И берега любви — что розы у сосны —
Никак не встретятся одна с другою.

И поздними ночами просыпаясь,
Я жду тебя, как мартовской звезды,

Их много на небе, и, тихо рассыпаясь,
Они летят себе, не ведая, где ты.

А ты все озаренья ждешь и ненавидишь зиму
И мартовского звездопада не зовешь.

Однако жизнь по-прежнему шагает где-то мимо,
А ты все так же горько слезы льешь.

Ну, перестань томиться межсезонной хмарью,
Откройся солнцу и взгляни в окно,

Поддайся человеческому званью,
Ведь прожит день и длятся ночи все равно.

23 ноября 2005 года (2-е)

* * *

Падают звезды, как гроздь граната.
Мир уже спит. Разве я виновата?
В их бесконечно высоком полете
Мир уже спит, моя жизнь на излете.
Звезды слагают печальную песню,
Мир уже спит, я лечу в поднебесье.

21 мая 2006 года (1-е)

* * *

Пряный привкус красного граната
Съезживает щеки в злую маску,
На плече лежит рука с агатом,
А душа летит, похожая на сказку.

Прелесть зачерстневшего свиданья
В его скорости и расставанье.
На тебя смотрю я с замираньем:
Ты один, и в этом твое званье.

Ты один, и осень не изгладит
Серые морщинки на лице,
И судьба по шерстке не погладит
И не вспомнит о пропавшем беглеце.

Не смолчит взгрустнувшая природа
О летящих тихо желтых листьях,
И не охнет красота-урода
О синеющих на ветках кистях.

Только смех смутит своим касаньем
И напомнит о зиме пушистым ароматом,
Только звук весны проникнет знаньем
И повиснет гроздьями граната.

21 мая 2006 года (2-е)

* * *

Мир раскололся на две части,
Я беснуюсь и пою,
Не в твоей теперь я власти
И об этом не скорблю.

Не теряю я рассудок,
Не виню судьбу и рок,
Мне в просторе незабудок
Впору выпить терпкий грог.

Я оставляю возлиянья
И отправлюсь налегке,
Отрешусь от прозябанья,
Дом оставляю вдалеке.

И на путь, святой и грешный,
Я покорно помолюсь,
На земле своей безгрешной
Я с восторгом покорюсь.

Что мне небо за лесами,
Что мне реки и поля? —
Я плыву над небесами,
И не надо мне руля.

Мир распался, я в тревоге,
Что скитаюсь по судьбе,
Утеряю на дороге
Даже память о тебе.

И, летая в поднебесье
И безумствуя во снах,
Не услышу я известья
Об истаявших во прах,

О невинных и убитых,
О не сдавшихся в бою,
Тех, чьи души только в скитах,
И не петь где соловью.

И тогда светло заплачу,
Всею жизнью заплачу
За бесценную удачу,
Что была мне по плечу.

За разбуженное море,
Что встревожили вдвоем,
За ниспосланное горе,
Что уже не перейдем.

Всем за все скажу спасибо
И останусь в вышине,
Улечу без крыльев, ибо
Ты возносишься ко мне.

8 августа 2006 года

* * *

Ветхозаветная страница,
Что исстари, из синих грез
Вдруг проступает, как денница,
И радуется до сладких слез.
На ней начертано два слова,
Всего лишь два, но до сих пор
Их прочитать я не готова
И не найду в душе опор,
Чтоб так сподвигли к сопряженью,
И к перемене падежей,
Что я оставила б сомненья
И вмиг лишилась рубежей,
Что стягивает камнем чувства,
Что заставляет не любить,
Им нипочем само искусство
И жить, и чувствовать, творить.
Я в их тисках почти, как птица,
Что тщится пересечь моря,
Как непослушная синица,
Что видит мачту корабля.
А я стремлюсь понять созвучья,
Длину и ритм старинных слов,
Они все стягивают круче,
И не постичь простых основ,
Что означают стройность мира,
И легкую свирель весны,
И пряный аромат эфира,
И смолянистый дух сосны.

Так много и так мало рядом,
Что в толк не взять простую вещь:
Любить отказывает разум,
И только чувства слышат речь.
Слова просты: они о силе
Христовой веры, что порою спит,
Они о благозвучной лире,
Что манит в Гефсиманский скит,
О ясности любого слова,
Поступка, действия, письма,
О дне, когда душа готова
Без понукания, сама
Услышать и понять два слова,
Простых, как жизнь, как пенье птиц
Храни вас Бог, и снова, снова
Я каюсь и склоняюсь ниц.

10 августа 2006 года

* * *

И вот уходит день,
Что прошлым отзовется,
Дома съедает тень,
И лист не колыхнется,
И вагнеровский штиль
Вновь побуждает душу
Сломать привычный стиль
И клятву вдруг нарушить.
О верности судьбе,
О неизменной доле,
И думах о тебе,
Приверженности воле.
И станет день клонить
Застывшую прохладу,
И таять, и любить
Звезду — свою награду.
И улетит тепло
В теплеющую полночь,
И станет вдруг светло,
И подоспеет помощь
Загадочной луны,
Что лужей разольется,
И нагоняет сны,
И над тобой смеется.
И примется летать
Дух своеволья звука,
Тебя мне не догнать —
Поет ночная мука.

11 августа 2006 года

* * *

Нет больше гроз,
Остались только грезы,
Не будет нынче слез,
Их иссушат морозы,

Нет прихотей весны —
А только небо в тучах,
Как встречи холодны
И ты совсем измучен.

Как сладострастен миг
Волшебного безумства,
Что оттеняет лик
Шального вольнодумства.

И мудрость серых глаз
Под стать моим безумствам,
Ах, не коснулся б глаз
Седого вольнодумства,

И только торжество
Седеющего мира
Подскажет, как свезло
И где таится лира,

Где изредка поспев
На игрища разврата,
Идем мы в хилый хлев
И ждем любви возврата.

Но мудрость лишена
Рассудочного знания,
И счастья новизна
Таит одни признанья.

Они так холодны,
Как холоден твой разум,
И все же обожгли
Навек сполна и сразу.

И в ветреных речах,
Что тают тонкой дымкой,
Гляжу, как ты зачах,
Хоть дразнишь скорой ссылкой.

Скажи, когда и где
Найдешь свой дом приюта,
Зачем сидишь в узде?
Поверь, ты — не Иуда!

Ты светлый и смешной
И вечный в жизни странник,
Ты — серый волк лесной
И жалости изгнанник,

Ты прожил столько лет
И все не веришь чуду,
Что верности обет
Убьет в тебе Иуду,

Что, испытав любовь
И приняв постоянство,
Уж не прольется кровь
И возвратится пьянство.

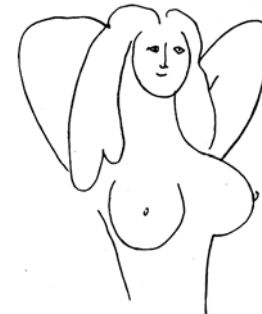
Живи, мой нежный друг,
Застенчивости пленник,
Люблю тебя не вдруг,
Мой верный соплеменник.

12 августа 2006 года (1-е)

* * *

Король и шут — дуэт из разногласья,
Две половины, где царит одна,
Их путь один — бесовское причастье,
И мера власти вся насквозь видна.

12 августа 2006 года (2-е)

* * *

Мне жаль моих воспоминаний
О теплых днях, где жгла любовь,
О прожитых давно свиданьях,
Где слово было в глаз и в бровь.

Мне жаль утраченного чувства
По чистоте прошедших дней,
И губ последнего безумства,
И меры дней, где я — ничей.

Мне жаль так многого, что было
И в памяти, и в вольных снах,
Того, что ты давно забыла,
Закутавшись в тревожный страх.

Но помню, как по узенькой тропинке
Ты тихо в белом платье шла,
Как две застывшие слезинки
Скатились — и настала мгла.

Как в знак любви и расставанья
Ты протянула мне письмо,
Я знал: в нем позднее признание,
Но ветер сжег меня давно.

Меня, пропавшего поэта,
Отпетого, лихого скакуна,
И память бродит, бродит где-то,
И свет стирает сонная луна.

Однако, расставаясь утром
С бравадой старенькой луны,
Я знаю, помню поминутно,
Что есть на свете только ты.

Что солнце пропоет свой опус,
И дождь и ветер стихнут вдруг,
Меня к тебе примчит автобус,
Его водитель — верный друг.

И разом отойдет сомненье,
Запляшут в небе облака,
Мы примем верное решение
И поторопим жизнь слегка.

И расцветут в саду две розы,
Две чайные, что в тихом сне
Мне вечно навевали грезы
О том отпетом скакуне.

Но все уйдет, оставив память
Блуждать, безумствовать, страдать,
Начнут надежды веру славить,
И заалеет благодать.

Мне жаль, что я не смог ответить
Ни чувствам, ни твоим словам,
Что не заметил на рассвете
Бегущую по небесам.

Мне жаль, что я давно наказан
И нелюбовью, и судьбой,
Но путь любви мне не указан,
И я довольствуюсь собой.

Но миг растаявшего лета
Ведет таинственной тропой,
Ты ждешь ли беглого поэта
И веришь, что придет покой?

И я, в надежде на прощенье,
Иду под проливным дождем,
Отбрасываю груз сомненья
И становлюсь судьбы вождем.

19 – 20 августа 2006 года

* * *

Прозрачность осени все спорит с фонарями,
Что по ночам глядят в мое окно.
Обрывки слов с отбитыми краями
Не могут знать, что мне уж все равно

Считать себя пропажей иль подарком,
Делить надежду с горем пополам,
Подкармливать скворцов, что тихо спят под аркой,
И не пенять на жизнь, где сущий тарарам.

Все сброшено ноябрьским причастьем,
И замеревших сумерках, присевших у окна,
Спокойствием луны под символом зачатья,
И струйкой дыма, что взмывает от огня.

Я сжег мосты и перекрыл все реки —
Какая, в сущности, банальная канва
Картины, где всё едут через реку греки
И жизнь сама все так же не нова.

А сам я? Так ли смел, чтоб за тебя бороться,
Не слышать слов молвы, что достигает и спешит?
Судьба, как конь расхристаный, несется,
Да мой наряд, что вовсе не по-царски шит.

А так хотелось в сентябре и в мае
Обнять тебя и унести вдвоем
В тот край, что мы во сне видали
И где за домом снился водоем.

Но осень перекрыла все надежды,
И птицы улетели отдыхать,
Я сгреб свои нецарские одежды
И долго шел, чтоб молча горевать.

Чтоб ровно к маю смог собрать все силы,
Открыть вина и насадить цветы,
Покрасить дом, чтоб в зиму подкосило,
И ждать, что легкой лодочкой качнешься в поле ты.

18 декабря 2006 года

И снится сон...

* * *

Это ангел пролетел.
И ушла тревога,
Знаю, знаю свой удел —
Дальняя дорога.

Это черная гроза
Все быстрее мчится,
Тают, тают небеса,
И всю ночь не спится.

Это шорох облаков
Испугал синицу,
В стаю вечных дураков
Я хочу прибиться.

Это ветер смял траву,
Опалил тоскою,
Волчьих ягод я нарву
И смирюсь с молвою.

И когда придет зима,
Станет стылým город,
Ты ко мне придешь сама —
И исчезнет холод.

И в январской синеве
Расцветут три розы,
Жаль, не жить мне на Неве
Летом и в морозы.

Не смотреть, как кромка льда
Отделяет сушу,
Не жалеть мне никогда
Мировую душу.

А спокойно долго плыть
По реке и в осень
И стараться позабыть,
Как тебя я бросил,

Как беспечные ветра
Навевали грозы,
Как тщедушная ветла
Проливала слезы,

Как тот ангел, что летел
Рядышком со мною,
Отрядил мне мой удел —
Я всегда с тобою.

И в полуночные сны,
Где таятся грезы,
Буду ждать приход весны
И дарить три розы.

31 августа 2006 года

* * *

Я — двуглавый орел, что летит в поднебесье,
Я — натянутый лук тетивы,
Я — веселая иволга в синем полесье,
Шорох нежной пожухлой листвы.

Я — распятая птица, что в небо взлетает
И стремглав возвращается вспять,
И желтеющий снег, что все тает и тает,
Чтоб природа проснулась опять.

Я — могучая высь, что безбрежно и сильно
Устремляет потоки лучей,
Я — лихая стрела, что сегодня бессильна
Знать всю правду, что выстрел ничей.

Я — завядший цветок, что под окнами брошен,
И, распластанный, горько гляжу,
Как по тихим лугам, что всей жизни дороже,
Я в зеленый рассвет ухожу.

Я — лесная капля, что все листья умоет,
Превратит жемчуга в серебро
И на талой траве от опасности скроет
Муравьиных запасов добро.

Я — прожорливый конь, что по воле томится,
Не желая принять седока,
Он летит и летит, и в ночи ему снится
Кобылица, что лижет бока.

Я – светлеющий дух, что совсем испарился,
Стал незряч и почти что незрим,
Я по жизни прошел, низко ей поклонился
И остался навеки один.

1 сентября 2006 года (1-е)

* * *

Я – вислоухий пес, бегущий краем моря,
Сам бес меня не снес, и нет на свете горя.
Я – снежный человек, шагающий по лесу,
И не сыскать вовек лохматого повесу.
Я – светлый, легкий миг
Престранного мгновенья,
И я меняю лик в минуту просветленья.
Я – горький терпкий мед, что тает при дыханье,
Я – белоснежный лед, и сам я без сознанья.
Я – обгоревший дом, что век стоит без крыши,
Читаю сотый том, все сто обгрызли мыши.
Я – белая мука, без тяжести и плеси,
И кажется, слегка, моя судьба без спеси.
И сам я – вечный дуб, судьбе не покоренный,
Смешон, горяч и туп, лишь в чудеса влюбленный.
Я больше не живу, смогу совсем без света,
Живых цветов нарву и превращусь в поэта.
И давний странный лик безликого героя
Вдруг растворится вмиг – и я дождусь отбоя.
И стану горевать на голой серой ветке,
И заскрипит кровать, и раздадут отметки.
И мне поставят пять – не больше и не меньше,
Я стану мирно спать – раскаявшийся грешник.

1 сентября 2006 года (2-е)

* * *

Останется лишь ждать апреля
И сокрушаться о потерях.
И легким сном своим не верить —
Ключ от любви давно потерял.

Отступит белая зима
В снежинках белых винограда,
Лишь притаится у окна.
И в дом вольется дня прохлада.

И в зеленеющий рассвет
Скребущегося тихо мая
Я с дальних гор пришлю привет,
Твоей любви не замечая.

Но ты порвешь оковы сна,
Распустишь слухи о взросленье,
И вспыхнет сизая луна,
Как после долгого похмелья.

И примется торжествовать
Лихая прихоть вдохновенья,
Я буду падать и вставать,
Но не предам свое решенье

Прилюдно отдавать судьбе
И поиски, и отступленья,
И не внимать твоей мольбе,
И не испытывать сомненья.

Я сам — свободы господин,
Ее безумства и рассудка,
Кружусь, не зная дна годин,
А в поле гаснет незабудка.

3 сентября 2006 года

* * *

Так вдохновенно лгать,
Так безраздельно верить,
Надеяться и ждать,
Судьбу свою доверить

Тебе, лихому самозванцу,
Наивному бородачу,
Бродяге-оборванцу —
Ему за все плачу.

А хочется послать
Все прежние союзы
И выволить силки,
По льду не ездить юзом
И вырвать оселки.

Остаться почивать
На задранной постели,
Всю жизнь провспоминать,
Услышать дух сомненья —
И все-таки не спать.

И тающим шагам и веря и не веря,
И разрушая искушение смутой,
Преодолею все свои потери
И буду ждать почти что поминутно.

6 сентября 2006 года

* * *

Я в август не вернусь,
Ведь я уже в апреле,
Я только обернусь —
Ах, как прелестны ели,

Как легкие ветра
Ведут меня по лесу,
Спокойна, холодна,
Сижу и жду повесу.

Тончайшие листы
Все молят о прохладе,
И сожжены мосты,
И места нет на граде.

Я в август не вернусь,
Уже угасло солнце,
Я осени дождусь,
Закрою все оконца,

И стану долго ждать
И богача, и принца,
И нищего считать
Шутом в зеленом ситце.

Я выплыву в апрель,
Где всем дано по царству,
Где легкая капель
Нас приближает к братству

Нетлеющих побед,
И озорства, и воли,
Где нету больше бед,
А только ты — не боле.

7 – 10 сентября 2006 года

* * *

За окном — ташкентский вид:
Тополь, крыши и дугары.
Что ты мелешь, глупый гид,
О присутствии гитары?

Здесь другой, не струнный, лад,
И лозы иное зреньё,
Я тебе совсем не рад,
Не ташкентское цветеньё.

Только пылью тополей
Застилает грохот улиц.
На Садовой — весь Бродвей —
Не увидишь нынче куриц.

К переносице бровей —
Хмурый взгляд, чернее вишни.
Мир давно лишен корней,
И чудес давно не слышно.

Только азиатский дух
Вдруг коснется незаметно —
Это только легкий пух,
Все вокруг — железо-медно.

Синих улиц красота
Менеджментом покорила,
Площадная высота
Незабудки все закрыла.

Так и ходят вдоль ворот,
Где турецкие узбеки
Намечают поворот
От Москвы в Ташкент навеки.

Где от хлопка до ольхи —
Крохотное расстоянье,
Нет кибиток и ракич,
Только дня знаменованье.

Только ноет по ночам,
Сердце, звук воды почуяв,
По арькам и ветлам
Дождь шумит, в степи кочуя.

Только в яростной дали,
Где Туркмения все ближе,
Тают, тают корабли
По Москве-реке к Парижу.

Только легкий летний пух
Оставляет в сердце раны,
И ташкентский вечный дух
Закрепляет снов изьяны.

10 сентября 2006 года

* * *

Мне светят фонари со всех вокзалов
И с пристаней, и с взлетной полосы,
Ты мне не все слова еще сказала,
Хоть выпало несметное количество росы.

И все же свет тускнеющих вокзалов
Таит так много страсти и тоски,
Скажи, в ту ночь ты где заночевала?
И с кем делила памяти тиски?

А я был нем и никому не верил
И так стремился обойти провал,
Который до конца так все и не измерил,
Как и не смог предвидеть, в чем я был профан.

Мне фонари все сказки напептали,
Мне пристани воздвигли пьедестал,
Меня всю жизнь так били и топтали,
Что я забыл, что есть еще наган.

Да, я был пьян на вышке,
И мол остыл, и тусклым стал маяк,
Я позабыл про солнце и про горе
И сам на суше до конца обмяк.

Я был никем, и память вспоминала
Другие годы и другие времена,
Но только ты вчера не ночевала,
И я не верю больше в хитрые слова.

Я все плыву, и память торжествует,
И вижу дальний сероокий скит,
Моя любовь все бьется и бушует,
Хоть ход к ней, нежной, навсегда закрыт.

11 сентября 2006 года (1-е)

* * *

Я вознесусь и упаду, как птица,
И больше не смогу влюбиться,
Я полечу сквозь злое мирозданье,
Сквозь чудо сна и неба предсказанье.

Я буду петь тревожно и бессильно
О той поре, где не было насилья,
Где звезды опускались сквозь туманы
И мы играли роли из романов.

О времени, где не было разлуки,
А лишь в любви сплетались наши руки
И ягоды участливо скрывали
Тела, что ласки обещали.

Я буду петь так громко и так сладко,
Что вспомнишь сразу все мои повадки,
Мои шаги, и вздохи, и прощанье,
Прости, что раздавались обещанья.

Да, я не смог, как все, быть трезвым семьянином,
Я был один – отцом, творцом и сыном,
Я предавал и начинал все снова,
И вновь звучало золотое слово.

Однако я иссяк, не слышу больше лета,
Мне не пристало вечно быть поэтом
И созерцать тот мир, что обрести успели,
Ты спи, и пусть приснятся ели.

11 сентября 2009 года (2-ое).

* * *

Останется одно вранье,
И гордость отмахнется,
Накроет ревом воронье,
Жизнь кровью захлебнется.

Мир примется смешить и петь,
Восславятся соблазны,
И мне накажут умереть,
И отдадут приказы.

Начнет витийствовать, летать
Души пурга и выюга,
И света больше не догнать,
И не услышать Глюка.

Останется принять покой
Что в не покое черном
Прикинется — как никакой —
Не старый и не модный.

Но вот, уж скоро позовут,
И раструбят все трубы,
И имя миру назовут,
И будут слишком грубы.

И я покорно стану ждать,
Когда взмахнет ответчик,
Ни звать не стану, не пенять
На то, как ржет газетчик.

Как катится по мостовой,
Насмешливо кивая,
И ты стоишь, совсем не свой,
И голова — немая.

И вот тогда поймут враги,
И страны, и народы,
Что жизнь, без поля и тайги,
Похожа на уroda,

И вскинется на небеса
Последняя улыбка,
Моя безумная краса —
Как Страдивари скрипка.

«Прощай», — скажу всему вокруг,
Мне ничего не жалко,
Вперед! Я вижу только луг
И на березе — галку!

11 сентября 2006 года (3-е)

* * *

«Сарынь на кичку» — и вздохнуло сердце,
«Сарынь» — и более не подадут,
Играет, бьется траурное скерцо —
Меня на выстрелы в упор ведут.

Толпа зевак все круче нажимает,
Теснее и сильней кольцо,
Вот женщина слезинку утирает,
А мы уже выходим на крыльцо.

А что толпе? — Ей только хлеба, зрелищ,
И вот — пред ней расхристанный стою.
Ну что ты всю дорогу воду в ступе мелешь?
Давай, твоей пиле я подпою.

Возьму высоко, и взорвутся дали,
Раскину руки — вздрогнут небеса,
Как жаль, что сгинут из Рязани
Простые, сплошь земные чудеса.

Я запою такую злую песню,
Что вдруг расступится собравшийся народ.
Я не теперь, я лишь потом воскресну,
И снарядят вокруг храма крестный ход.

Но это уж потом, когда, покинув Землю,
Увижу небо и другие времена.
И только нежной дорогой струне я внемлю
И больше не припшпорию стремяна.

«Сарынь» — по миру пронесется,
«Сарынь на кичку», — скажут вслед за мной,
Я — Стенька Разин, смерть моя несется,
И вокруг меня — разруха и разбой.

12 сентября 2006 года

* * *

Отступила осень,
Спряталось небо.
Ты уходишь
Узкой тропинкой.
Я сплю.

—

Синица больше не сидит на ветке
И солнце не кивает с высоты.
Все спит,
Давно уснули ели,
И зимняя тропа ведет меня назад.

—

Устало время собирать доносы.
Ты вертишься еще, Земля?
Я жду.
Я долго-долго жду.

19 сентября 2006 года

* * *

А я покосы собирать устала,
Я так устала бесконечно ждать,
Веселая находчивость пропала,
И никого мне больше не позвать.

Устала собирать остатки звуков,
Что по лесу зимою шелестят,
Устала все протягивать к вам руки,
Коль ваши — прикоснуться не хотят.

Устала собираться век в дорогу,
Что тянется, как самый длинный след,
Молиться, поклоняться Богу,
Уж если жизнь сама порой во вред.

Устала собираться и клониться,
И ждать беспутного бродягу-чудака.
И в этом времени мне больше не влюбиться
И только ждать на крыше чердака,

Как встанет солнце, день легко займется,
Окажется веселым гомон птиц,
И вот тогда моя душа уймется,
И запою, и вновь сыграю блиц.

И распахнутся створки старых окон,
Нежнейшие ручьи сплуют, как соловьи,
И я не буду повторять, что жизнь — морока,
И засмотрюсь на то, как дышат мура

21 сентября 2006 года (1-е)

* * *

Звезда погасла,
Света больше нет.
И небосклон все выше, выше.
Уехал.
Жду теперь рассвета.

21 сентября 2006 года (2-е)

* * *

Поезд долго все несея куда-то,
Где запретные тени плывут.
Набухают колосья,
Луга аж искрятся,
Я иду —
Значит, есть еще жизнь.

21 сентября 2006 года (3-е)

* * *

Проходит поезд мимо полустанка,
И каждый раз я безнадежно жду.
Светает.
Кажется, сегодня
Изменяют время,
Рельсы не сойдутся.

21 сентября 2006 года (4-е)

* * *

Застыл, недвижим, в океане остров,
Я не доеду никогда к нему.
Я буду ждать.
Ведь может так случится,
Что потекут все реки вспять.

21 сентября 2006 года (5-е)

* * *

Печалится земля, покрытая туманом,
А я тоскую, помня о тебе.
Как быть?
Оставить обман
Или пронзить высоким звуком тишину?

26 сентября 2006 года (1-е)

* * *

Кто прав, не разберет и сам Господь.
Я или ты, иль только наше время?
Не знаю.
Стремлюсь отправиться в полет,
Чтобы задать вопросы Богу.

26 сентября 2006 года (2-е)

* * *

Останусь горевать на крыше чердака
И поступлюсь разумным предсказаньем.
Затихну.
Может быть, и мыши захотят оставить
Сыр свой в мышеловке?

26 сентября 2006 года (3-е)

* * *

Учту все промахи, обиды, предсказанья,
Уйду в ничто и спрячусь, как ручей.
Он все журчит.
И голос твой поет все так же сладко,
Еле слышно.

26 сентября 2006 года (4-е)

* * *

Не появилось в небе точки,
Что вдруг смогла приворожить.
Мне жить?

И долго ли бороться
С наказанием,
Что ты мне каждый день
Сверх меры посылаешь?

26 сентября 2006 года (5-е)

В лодке, плывающей по небу

* * *

Я не в ладу с собою и с судьбой,
Не помню, как зовут меня по имени,
Я слишком околдована тобой
И потеряла счет себе и времени.

Я так неистово, так дьявольски живу,
Что предстаю перед тобою чужестранкой.
Не синих и не луговых цветов нарву,
Закончу спор с тобою перебранкой

И не пойму, когда и где, кому
Ты так стремительно, так истово клянешься?
Какому бесу — так и не пойму —
Все клонишься и от судьбы несешься?

Каким годам, что связывали нас,
Ты отдаешь бывшее предпочтенье?
Для нас обоих даже лунный свет погас,
И больше нет по лунным снам томленья.

А я стою, оболгана тобой
И целым миром, что меня отринул,
Не заморожена ни славой, ни игрой,
А лишь знаменьем, что мне Бог подкинул.

Не пережить тревоги и тоски,
Что намертво схватили за запястья.
Не вижу заалевшие ростки
И не хочу в судьбе твоей участия.

И вовсе не надеясь на мечту,
Спешу забрать свое бывшее слово.
Не верую и никого не чту
И для прощенья Богом — не готова.

Я только собираюсь в дальний путь,
Где незабудки цвет так манит и тревожит.
А ты — как хочешь: будь или не будь —
Моя любовь уж больше не поможет.

Как не поможет старая кровать
Свести бывшей любви свои отметки.
Я никогда не лягу больше спать
И буду ждать воробышком на ветке.

Закутаюсь, сожгу дороги и мосты
И пригублю вина, как ты когда-то.
И буду жечь страницы и листы
И забывать про дорогие даты.

И вот тогда придет священный час,
Когда к расплате окажусь готова,
Любовь уже не заалет в нас,
И жизнь свою смогу начать я снова.

10 октября 2006 года

* * *

Открою заколоченные двери,
Войду в наш сад и встану у плетня.
Как дышат, как постанывают ели,
И как цветам тоскливо без меня!

Поникли пожелтевшие рябины,
Сад спит, захваченный тоской.
И в дальней части полегла малина,
Заброшенность его — почти что мой покой.

Иду тропинкой в гравии и листьях,
Заполненную пожухлою травой,
Мне жаль, что перезрели винограда кисти,
Подсолнух скис, поникнув головой.

И лишь одна избранница молчанья
В загадку дня, как в сон погружена, —
Береза — мое вечное прощанье,
Раствлением плодов огорчена.

А я стою, не живший, не живущий,
Такое повидавший на своем пути,
Что тень березы словно крик, зовущий
Весну, чтобы на помощь мне могла прийти.

И вот тогда расчистятся дорожки сада,
И зелень облачится в кружева,
И будут птицы получать свою награду,
И я пойму, что жизнь еще жива.

11 октября 2006 года

* * *

Что смерть? Дыханье, возглас, дух?
Я спорю с нею снова
И в путь забвенья улететь готова.
Однако провиденье легкое меня томит,
Я отсекаю прошлое почти что, как гранит,
Как черный мрамор, так на габр похожий,
На гроб, и воскресенье больше не поможет.
Жива, не сплю, я только явь ловлю,
Со смертью в перебранку не вступаю,
И все же на носочках отступаю
От грани, где безмолвие царит.
Я, кажется, не сплю,
И дремлет ночь, все ближе прижимаясь,
И ластясь и в несбыточность ступая,
Надеясь на ночное ремесло.
Жива? Еще спасаюсь?
И, может быть, о жизни своей каюсь?
И, может быть, спасение пришло?
Ах, вот оно, почти что близко,
И получаю я в ночи записку,
И вижу — вот прощение мое.
Но кто сложил, кто сочинил слова,
Что сердцу все милей и ближе?
И отчего все кругом голова
И шаг в ночи все радостней и тише?
Ах, приближается? Ну, да, понятно,
Все в синей ночи так занятно,
Что не страшна и смерть сама.
Ужели отступаю от плана

И расскажу подругам, как румяна,
Как безобразно ветрена она была?
Как кружева распутства мяла и плела
И наряжалась в синие одежды снова?
Не знаю, я была готова
К таким проделкам сатаны,
К тому, что опускает вниз штаны,
И, трепеща, ты в ужасе кричишь:
«Ну что ж? Когда? Скорей! Неси поближе
К той суше, что все ноги лижет,
Выныривая из воды».
Из века в век — где ты?
Скажи, ты где, мой избавитель,
Причуд и сказок сочинитель?
Молчишь? Не ведаешь греха?
Тогда сама, к лагуне приближаясь,
В наряд пресветлый наряжаясь,
Иду, облитая водой.
Все вымокло и выпукло промокло,
И зерна ржи — и те прогоркли
И кажутся песком.
Не спи, о, ночь, скажи,
Чем завершится зло и удаль
Того бескрылого коня,
Что мчит и мчит по злой дороге,
И еле улетают ноги
От сивого говоруна?
Смеешься? Он, правда, тих,
И лучезарно неподвижен,
И нежен, и нетороплив,
И понуканьем обездвижен.

Да ну вас всех! Идите в баню!
Отдайте трон, певца, служаку Ваню
И более — ни слова про меня.
Я жду. Я притаилась у березы,
Я выплакала боль и слезы
И жду последнего огня.
Вот, кажется, черед приходит,
Меня мой служка не находит,
И я пришпориваю скакуна.
И тоже, в белый шарф одета,
Идет прекрасная Одетга —
Я это вижу из окна.
Не просто все, она смеется,
Моей руки слегка коснется,
И тут покажется коса.
Не страшная совсем, из жести,
Одной ей ведомы чертоги мести,
Она крадется, как змея,
Красивая, все тихо кружит,
И с неживыми только дружит,
И в плен берет одну меня.
Иду, шаги все медленней и тише,
Вот голубь пробежал по крыше,
А я склоняюсь ниже, ниже,
И кажется, что нет меня.
Прошу ее, ну, отпустите,
Не время, жизнь мою не рвите,
И не хочу я в небеса!
Мне здесь так много переделок,
Нет, нет и нет — не тот оттенок —

Сказать, обнять, к любви прижаться,
С гордыней снова повстречаться
И наконец-то полюбить!
Но как, о как тебя забыть?
Не пустите? Уж все готово?
Тогда я приготовлю снова
Свой лук, свой взгляд и скакуна
И обману, что в тьме исчезну,
Сгребу дела, на дне воскресну,
Но не оставляю ей огня.
О, Боги, помогите!
Меня, коня не удержите
И в путь отправьте к часу дня.
Я буду жить, во сне не плакать,
Судьбу — хвалить, оружием звякать,
Весну и родину любить
И постараюсь не забыть
Свой сон, премудрый и печальный,
На веки вещный и прощальный,
И навсегда останусь жить!
Твоей веселой незабудкой,
Что ждет и ждет, когда побудкой
Ты сон сумеешь усмирить!
Так будет.
И так быть!

1 ноября 2006 года

* * *

И желтый лист летит в шершавые ладони,
И тихо сыплет серо-желтый снег.
Я сам себя загнал в своей погоне
За прозрачностью снов, и тайн, и нег.

Спускаюсь в подземелье, где грохочет
Могучая, стальная магистраль,
И, забирая в лоно дна, она хохочет,
А мне б увидеть поскорей мистраль.

Но я все еду вглубь Казанского вокзала,
Где всем приедем есть где погулять.
Напрасное словечко ты сказала,
Но я не смог в бреду своем унять

Тот горький возглас, все зовущий к небу,
В золотую осень, что срывает вниз листву,
И жизнь взаимны — то была моя и небыла —
Все не приблизится к простому естеству.

И в сутолоке, в толкотне вокзала
Возьму тебя и повезу на юг,
На тот перрон, где ты меня узнала
И где не будет наших зимних вьюг.

Мы остановимся и заживем счастливо,
Построим дом, и дачу, и сарай,
Но смотришь ты неловко и стыдливо,
И губы шепчут: «Правду мою знай».

И я сбит с толку, сломлен и раздавлен
И не спешу поспеть на поезд — на Арал,
И вами, видно, я давно приравнен
То к беркуту, то к ворону, что так на нас орал.

Я — птица, перебитая в полете,
Несусь, не ведая куда, зачем и с кем,
А вы все так же весело поете,
И свой мотив меняете на КЕМЬ.

Ах, не хотите слушать мата?
Устали и истерлись сапоги?
Постель — смотрите — прибрана, не смята,
А вы кричите — больше не моги?!

Да, не могу, прощен, почти безгрешен,
Иду в последний путь, на суд прощальный свой,
Но вспомните скорей про горсть черешен,
Нет-нет, молчу, почти немой.

Не оставайтесь, вам какое дело
До дряхлого, седого ездока?
Идите в вашу жизнь бестрепетно и смело,
И не корите мою жизнь издалека.

Живите так, влекомая игрой,
Чтоб осень песню больше не сулила,
И увлекайтесь вашей тайной и мечтой,
И посылайте судей всех на мыло.

Молитесь — день почти угас,
И у телеги колесо сточилось.
Да был ли я и видел ли я вас? —
Все спето так давно и безнадежно скрылось.

А я? Я остаюсь на зимней, стоптанной дорожке
И никогда пред вами не явлюсь,
Не стану кланяться прелестным ножкам
И больше вас — ну, право — не боюсь.

Я дал обет и все исполню к лету,
Расставлю оселки и сдам дела в архив.
Вы не были верны поэту,
А я был юн и бешено ревнив.

Теперь прощайте, навсегда прощайте,
Ни небо не зовет, ни звездный путь.
И больше ничего не обещайте.
Я сам с судьбою справлюсь как-нибудь.

2 декабря 2006 года

* * *

Намокшие листы летят и спотыкаются об осень,
И круг свой кружит мысль о пролетающей судьбе.
Зачем сказала, что успеешь ровно в восемь?
Я так и знал — ты не придешь, а значит, быть беде.

Ты не придешь теперь, и вечером, и завтра,
И дождь не сможет выставить из струй заслон.
Ты зазубрила накрепко смешную мантру,
И я топчусь перед тобой, как в лавке слон.

Ты напрочь позабыла дни и встречи
И рвешься сквозь незнание напролом.
Любовь ни время, ни пространство лечит,
А только нежных взглядов частокол.

Ты не пришла и не возникнешь снова,
И снова будет мокрый лист лететь
Была ли в наших днях основа,
Что нас обоих так старалась разглядеть?

Основы нет, как нет и мироздания,
Способного решить все быстро и легко,
Как нет и на земле такого знания,
Что в путь позвать способно далеко.

А путь простыл, и тропы затоптались,
И нет на небе той святой звезды,
Нет больше нас, и письма лишь остались
И сохранили память, где был я, где — ты.

Прошла и осень, и зима качнулась,
Тряхнула белой веткой у окна,
Природа безмятежно улыбнулась
И выела сухую сушь до дна.

Прощай, мой лист, и мокрый, и летящий,
И говорящий о былой поре.
Она была лихой и настоящей
И проиграла правила игре.

11 декабря 2006 года

* * *

Вторгается декабрь в мою судьбу и в осень,
И сено в сеновалах замерло!
И только мы свою мечту не спросим
И ждем, чтоб горе краешком прошло.

Подуют вьюги, забелеют снега,
И снегопадом обовьется все вокруг.
Куда уж до весенней томной неги,
Когда зима очерчивает круг!

Сойдемся и присядем у калитки
На самый краешек завалинки в снегу
И будем горевать, как две улитки,
Что моря нет, как нет и нас на берегу.

И вспомним, как давно, когда по лету
Мы также тосковали весь январь,
Зажглись слова Шекспирова сонета,
И разом разлетелась злая хмарь.

Мы вышеваем текст из разногласий,
Его надежд и подлинных страстей,
И все не находилось нам okazji,
Чтоб подчинить судьбе всю призрачность затей.

* * *

Рождается сонет из звуков несогласья,
Вальсирует корнет — ах, как возможно счастье,
И сделает он па, тряхнувши аксельбантом,
И щелкнет каблуком, потряхивая бантом,
И пробежит смешок со стороны кулисы,
И станет на носок прелестная Анфиса,
Возьмут под козырек корнеты с юнкерами,
Святейшества кивок — и все уйдут с дарами.
И только на дворе дворовая Анфиса
Все станет горевать и вспоминать кулисы,
И к дойке ровно в пять, она, тепло одета,
Поднимется опять и будет ждать рассвета.
А гости ускользнут в свои дома-поместья,
И вдруг сомкнется круг пустого лихолетья,
И станут горько пить все мужики в округе
И чем попало, бить, застрявши в красном круге,
И белая весна не прибежит напомнить,
Ах, как же хороша была любовь в тот полдень.

Но наступил рассвет, и отступили звезды,
И поезд отошел, и грянули морозы,
Она всегда ждала, и, стоя на пуантах,
И в сенях у скота, без пачки и без бантов,
Но он давно уплыл, найдя ничтожный повод,
И голову сложил, хотя был слишком молод.
И череда побед, что так легко давались,
Лишь в памяти друзей как подвиги остались.
И нежная любовь к танцовщице Анфисе
Истаяла навек, как свет в конце кулисы,

Как запоздалый крик, несущийся сквозь поле,
Как стаи диких птиц, отправившихся к морю,
Как якорь, что прогнил и все лежит на днище,
Как светлый прах могил на сером пепелище.

Прошло, давно прошло безветренное лето,
Когда сама судьба шептала сон поэта,
Когда во тьме свечей на глянцевом паркете
Кружились, как во сне, стареющие дети.
И адьютанта бант упал и был припрятан,
Анфисин сарафан коровами запятнан,
И лишь одна судьба была, как бриз, прозрачна,
И таяла, и жгла, и притворялась мрачной.

18 февраля 2007 года

* * *

Истерта в порошок, я жажду сатисфакций,
Сожми на посошок и обойдись без санкций,
Приму свою судьбу без робости и страха,
И память отцвела, и нету больше праха.

И только синий лист еще летит за нами,
Как ветреный артист — на сцене он и в зале,
И в переулках снов, что дымчаты и чисты,
Не ведает основ, где смыслы серебрясты.

Где синяя пурга нависла над домами
И где ночная мгла покорна, как в нирване,
Где розовый туман неспешно дышит в спину
И пройдена судьба уже наполовину.

И где царит роман, весь в шутках и размолвках,
И родина одна — как жизнь — в одних наколках,
Джазмен играет блюз на сером саксофоне,
Он сбрасывает груз — и снова я на воле.

1 марта 2007 года (1-е)

* * *

Ну, что за пустота за мною следом
Все ходит ночи напролет?
И как мне не поддаться бедам,
Все ждущим, как прервать полет

Моих восторженных желаний,
Стремленья приземлить мечту,
Слезам и грозам, снам, прощаньям,
Что за обиды не сочту.

Отстань, насмешница ночная,
Ты не получишь в дар меня
И не надейся, что оттаю,
Златыми бусами звеня.

А та, что ходит только ночью
И только в шали налегке,
Про все на свете напроорочит —
Лишь тень маячит вдалеке.

Но ты, ночная пустозвонка,
Напрасно ждешь, что я уймусь,
Что загодя и втихомолку
Мирскими скорбями займусь.

Я – та, что есть, и быть другою
Ни стать, ни клясться не хочу,
И только жить и знать: собою
Я пепел в мирру превращу.

1 марта 2007 года (2-е)

* * *

Прохожий, оглянись,
Ну, дай мне свою руку,
Взгляну и трону тонкую ладонь,
Да не беги, ведь жизнь сродни испугу,
Успел родиться – бросило в огонь.
Прости, прощай, не затевай расспросов,
Судьбу за черствость резко не кори,
А лучше вспомни древние колоссы
И приходи к истокам розовой зари.
Зови мечту, посланницу застолий,
Раскрой объятья звездам и богам,
Не прекословь судьбе, а выйди на раздолье
Святой земли, что брошена к ногам.
Иди легко, не суетясь, не хмурясь,
Доверься слуху и ворчанию ветвей
И, если остановишься, на солнце жмурясь,
Сорви рябины куст и сок живой отпей.
Смотри, как жизнь вокруг благоухает,
Как обрядились сосны, словно под венец,
И слезы восхищенья – нет, не тают,
И колокола звон вещает – не конец!

2 марта 2007 года

* * *

Торжество искушения

Я сторожу судьбу, как охраняют даты
От призрачных оков из фото и письма,
Ну, что же делать — мы не виноваты
Ни в том, что осень на дворе, ни что грядет зима.

А только в том, что ускользает память
И прошлое отходит дальше вдаль,
А нынче день все так же будет ранить,
И так же собирать оброков дань.

С погожих теплых дней у дымчатого моря,
С весны, что задержалась, срокам вопреки,
С любви, что полонится горем,
Как ни были бы дни печали далеки.

Но счастье в том, что чувство совершенства,
Помноженное на причуды снов и грез,
Все требует такого дня блаженства,
Чтобы не смахивать чистейших слез.

А просветленно ждать, что минут дни разлуки,
Сойдут снега, оттают темно-синие ручьи,
И снова я сожму немеющие руки
И не задам вопроса призракам: вы чьи?

3 марта 2007 года

* * *

Истерта, измята и сжата,
Пространство — пустая палата,
Роскошество скорби займется,
И сердце лихое уймется.

Расстригами сыплют рассветы,
Прохожие ходят, раздеты,
Я вижу по серым их лицам,
Что жизнью не могут напиться.

А так только — спьяну и с горя,
Все едут и едут до моря,
До белой побеленной хаты,
А мы? Разве мы виноваты?

Мы сами — как сопла машины,
Скрипим и шуршат наши шины,
Расхристанно смотрим в оконце,
И ждем — может, выглянет солнце?

Но рядом — пустая палата,
И сердце становится ватным,
И ноги немеют, сгибаясь,
А я все стою, улыбаюсь.

Нацелился выстрелом в небо,
Я все разузнаю про небыль,
Про напрочь забытые даты,
Нет-нет, это мы виноваты,

Что землю засыпало снегом
И нам не спастись больше бегом,
Не скинуть сугробов вселенной,
Стою на краю, убеленный,

На самом немыслимом крае,
Что мнится едва ли не раем,
На самом промозглом перроне,
Чтоб въехать в последнем вагоне

Все в ту же пустую палату,
Где склянками стонут закаты,
Где грезятся только рассветы.
Меня уже нет. Где ты, где ты?

4 марта 2007 года

* * *

В живую прелесть плотского начала
Вторгается волна печали и тревог.
Ну почему ты обо всем не прокричала
И не сказала, где мой дом, а где порог?

Разделены не духом, а судьбою,
Строптивой пленницей беспечных грез,
Пленен и счастлив встречу с тобою,
Я все же плена этого не снес.

23 апреля 2007 года (1-е)

* * *

Искусство — не судьба, а лишь ее замена,
И постмодерн — всего лишь симулякр
Того нетленного прелестного примера,
Где символ мира — разноцветный стяг.

23 апреля 2007 года (2-е)

* * *

Посвящается Вове

Я встану на носочки, на пуанты
И загляну на Землю с высоты,
Мелькают звезды, океаны, кванты,
А я ищу, куда уходишь ты.

Ни блеск седых, все знающих созвездий,
Ни полюса бескрайности Земли
Не смогут уберечь цветов соцветья
И белый крик из уст моих: «Верни!»

Верни те дни, что в сказке из печали
Плелись и вышивались кружева,
Церковный звон и церковь, где венчали,
И зов мой, говорящий: я жива.

Верни надежду на весну и лето,
Прогорклость осени вели остановить
И призови знакомого поэта,
Чтоб равновесье слов посмел восстановить.

Верни мою любовь, поникшую, как ива,
Былую легкость в поступи моей,
Смотри: все так же я красива,
Ты только слез моих ручьи, прошу, не пей.

И не смотри надменно на дорогу,
Где, падая и вновь вставая, я иду,
Я все надеюсь обратиться к Богу,
Отдать ему свой кров, и воду, и еду.

И так сказать, проникновенно и с мольбою,
Что жизнь лишь начинает свой черед,
Что не остынет наш очаг с тобою,
Я это вижу, знаю наперед.

Как знаю то, что зацветут все вишни,
И синий дрозд останется в лесу,
И тишина споет почти неслышно,
И рыбка попадетсЯ на десну.

21 мая 2007 года

* * *

Б. Пастернаку

Ни сути, ни корней, ни сердцевины —
Сплетаются вопросы в гул лавины —
Ни оснований, ни начал, ни звезд падений,
Блуждает млечная душа
В дыму стихотворений.

Ни бездн порушенный обрыв,
Ни дня блистанье
Не успокоят мой порыв,
Неся прощанье.

Ни льда, ни пламени, пурги-
Как ни томиться,
Хоть встань из пепла и умри,
Нет, не забыться.

А только ждать колоколов,
Их звон прощальный,
И понимать, что только кров
Застынет тайной.

Ни тайны, ни венца, ни звона,
Скатилась белая с рубинами корона,
И в черед бегущих рядом
Я мог забыться только ядом.

И лишь тогда — нож в спину —
Сердцевина,
Корней и завязи концы —
Одна равнина,
Хрустальный топот башмачка
Почти бесшумен,
И белый отсвет маячка —
Ополоумел.

Ни ряс, ни бород, ни лампад —
Лишь звезды,
Я был неопытный комбат —
Жал версты.

Остались камешки лежать
На дне песочном,
Ни взять, ни тронуть, ни поймать —
Я жив заочно,
Ни сути, ни причин — хрен слаще,
Уж сколько минуло годин —
Я — в чаше.

Без оснований, без корней, без сердцевин,
И вижу: снова ты, и выстрел в спину.

29 мая 2007 года (1-е)

* * *

Марине Цветаевой

Ни этот сад,
Ни этот бред
Не смогут стать
На склоне лет
Причалом, тайной, западнею,
И все свершить
Без бурь, без бед.

Ни сон
Не снять,
Ни dna
Достать.
Ни ветра в поле
Отыскать,
А все согласно
Днем печальным
Все ждать и ждать,
Чтоб боль прогнать.

И в этой тайности печали
Меня ли в полночь вы венчали?
Меня, которую считали
Лишь падшим ангелом,
Вы знали.
Вы знали долго, нудно, вечно,
Как наша жизнь порой беспечна
И как легка ее походка,
Ну словно шляпа в синей лодке.

Я – та, которую
Не знали,
Просили, тихо отпускали,
И все не ведали ночами,
Как звук струны поет венчально!

Я – та, которую вначале
Вы в горсти истин искупали.
И все сушили и молчали,
А жар из печки шел,
Вы ждали,
И снова в путь засобирали,
И так деннощно шли и ждали,
Когда к отходу колесницы
Вспорхну я, легкая, как птица,
И улечу за дальний город,
Где мой любимый был так молод
И где приспешницы разлуки
Тянули в стороны за руки,
И отбивалась я, кричала,
Но тайну нашу сохраняла,
Где вы, из молота и лести,
Склоняли в жизнь свою без чести,
Как вы, надменны и жестоки,
В меня вонзали ваши токи.
Где вы теперь?
Бойтесь, мнетесь?
Меня, лихую, не дождетесь,
И я, из серого тумана
Приду и стану прямо, прямо
И так скажу, что вспыхнут волны,
Надеждами седыми полны,

Что даже маленькая птичка
Повиснет в небе, невеличка,
И без труда и без подсказки
Оставит одного, без ласки,
И жизни станете учиться,
Чтоб в зло свое не погрузиться,
А, как и я, сидеть и слушать
Рассвет и ночь – их не разрушить.

29 мая 2007 года (2-е)

* * *

Уже не спит, покрытый утром, лес,
И череда багряных снов еще не отлетела,
А я боюсь, чтоб дух твой не исчез
И чувство памяти опять не перезрело.

И кружится на ветках карусели
Из легких птиц, что обновленью рады,
И чудится, идет навстречу Лель,
Ступая осторожно тропкой сада.

А я стою на капельке росы,
И жду тебя, уставшего повесу,
И дядька — синеборода,
Вдруг выглянет из сини леса.

Придешь назло надменному туману,
Превратным толкам, пересудам дня,
И скажешь весело: жизнь без обмана
Похожа на маяк у моря без огня.

И звуки утренней капли будут сниться
За дальним озером, покрытым кружевами,
Неужто суждено нам в волнах слиться,
Соприкасаясь только рукавами?

31 мая 2007 года (1-е)

* * *

Из сплетен и стихов, из наважденья
Слагаются слова почти в творенье,
Из ягод и листов, из капель розы
Снежинками летят стихи в морозы.

Сплетаются соцветья цвета вишни,
И звук твоих шагов почти неслышен,
На перекрестке гамм и хороводов
Возникнет рифмы ритм из сумасбродов.

Качается на веслах лодка в синем,
И машет мне рукой пловец на льдине,
Откуда взялся он, так снегом припорошен?
Да что он мне, коль сам так огорошен!

Пою стихов азы и чувствую браваду,
Не поклоняюсь ни любви, ни аду,
А только собираю дань с печалей,
Вы, кажется, меня во сне встречали?

И чудилось во сне, что в знак согласия
Приму кольцо твое как символ счастья,
И венчаны мы будем, и срастемся,
Вот только дым идет Куда мы рвемся?

Зачем оставили в потерях наши двери
И не хотели в сумраке в рассвет поверить?
Не опоздали мы, на сносях ночи,
Мы им лишь шепотом мечту пророчим.

Мои цветы и соглядатаи-созвездья,
Несите свой улов: я ваша ведьма,
Как исстари зовется шест осины,
Так не зачтутся мне мои години.

И буду я летать в ночи морозной,
Как ласточка над морем — косо, косо,
И выгляжу свое давнишнее поверье,
Но только помолчи и верь мне.

31 мая 2007 года (2-е)

* * *

Солнце прощается с морем, уходит за тучи.
Мучо.
В гавани тихой засела зеленая птица.
Ницца.
Небо становится черным, а горы все круче.
Мучай.
Не улетает, все плачет над морем синица.
Не спится.
Так не бойся, послушай и вспомни:
Я — мука твоя.
Мне не хватает прогорклого чистого неба.
Небыль.
Всполохи глухо ломают изломы огня.
Тля.
И на ветру тихо шепчется с ясенем верба,
И все бегут полустанки разлук от меня,
Солнце все жарче вскипает за пристанью где-то,
Морю и ночи так не хватает дождя,
Я проплываю оранжевым заревом света
И остаюсь навсегда на земле, только чуть погодя,
Не укоряй мое бедное сердце неспетым,
Я отзовусь еще в песне твоей, но потом.
Что же ты ходишь все ночи раздетым,
А поутру все шагаешь сквозь гром напролом?
Я окликаю тебя и машу из далекого детства,
Нам не ужиться уже ни теперь, ни потом,
Я приближаюсь к тебе и без тени кокетства
Предлагаю опять строить бережно дом.

* * *

Этой синею ночью напишу я стихи
Безраздельной печали, безраздельной тоски,
Будут звезды блуждать в потемках стихий
И искать понапрасну рожденья ростки.

Этой синею ночью скажу я тебе
О высокой любви, что пылает во мне,
О пригоршнях огня, о зеленой косьбе,
О веселых лучах, что я видел во сне.

Этой синею ночью я, наверно, приду
Под окошко твое, чтоб отправиться в путь.
В полутемной прихожей тебя я найду,
И рассеется дымкой зеленая грусть.

И начнут сопрягаться и рифмы, и ритм,
И почувствуешь ты, как я к небу приник,
Как синей и синей всех раскинутых мирт,
Под луной синий знак головою поник.

Этой ночью в иссиня — кромешном дыму
Я тебя у тебя навсегда украду,
Уведу в непроглядную синюю мглу
И с тобой в небесах навсегда пропаду.

15 июня 2007 года (3-е)

* * *

Раздорами наполнена душа,
И целый век мне на Земле не спится.
А эта ночь все так же хороша,
И хочется скорей напиться.

Все тянет колокольный звон
Вглубь храма нерешительно ступить.
Звук силится, идет со всех сторон,
И красного вина все хочется испить.

Но держит за руку седая канитель,
Нашептывает бес слова скрипучей скрипки,
И кажется, век не наступит день,
Когда б дождался я твоей улыбки.

Во храме притаилась тишина,
У клироса ни батюшки, ни нищих,
С покатых сводов смотрит вышина
Божественной мечты, что тянет к днищу.

Я скован и зажат волшебною средою,
Тем таинством, что излучает храм,
Зажгу свечу и белую водою
Умою рот, покаявшийся хам.

И с хилых плеч стечет усталость,
Задышит грудь и Пасхой, и постом,
Какая в жизни требуется малость,
Чтоб отложить раздоры на потом!

Я очищаюсь, стоя на коленях,
Вбирая воздух паств и тишины,
И кажется, что мчат меня олени
За гребень солнца, неба и луны.

17 июня 2007 года (1-е)

* * *

– Скажи, старуха, сколько лет осталось
Считать свои пожитки и деньки?
– А лет немного, ну почти что малость,
А дни – и те уж больно коротки.
– Зачем хоронишь раньше времени, старуха?
Что пользы в оглашение дней?
Неужто по миру спешит позвать разруха
И все подсчитывает, сколько в лете дней?
– Ты смел, мужик, но ты не разумеешь,
Что дни у каждого с рожденья сочтены.
А ты и вовсе только то имеешь,
В чем нет твоих заслуг, и силы, и цены.
– Нет, говори, старуха, разговляйся,
Когда в другое царство я сойду?
Да что другое? Это ли мне царство,
Коль далеко до нас всевышнему суду?
– Ну так и знай, насмешник тьмы и веры,
Ты хочешь знать, как скоро твой конец?
Когда достигнешь ты высот далекой сферы?
Когда наденешь призрачный венец?
Живи и знай, что в дымке поднебесной
Еще не выткали имен и отчеств вензеля,
Что зря хватаешься за синий край небесный
И искушаешь ста намеками меня.
Нигде: ни в небе, ни в пространстве –
Ты не узнаешь окончание свое
И будешь маяться, надеясь на шаманство,
И ждать, когда проклюнет вороньё.

Твой день прописан, час указан,
Но только знанья эти не добыть тебе:
Порог у жизни смертью не заказан,
Чтоб не скитаться чёсом по судьбе.
Живи и знай, насмешник-бедолага,
Что срок не отделяет от конца,
Чушь серую умой сердечной влагой
И не заказывай венца.

— Поешь свое, старуха костяная!
Что знать тебе о воле и судьбе!
И как молиться, чтоб судьба нагая
Не прокатилась часом на арбе?
Я зол и гол, и в жизни все бывало:
Сжигал мосты и истреблял траву,
Сжимал любовь в тисках, чтоб не пропала,
И думал, новую траву когда-нибудь нарву.
Я хил и стар, и сердце осерчало
Встречать рассвет в пиру зловещих снов.
Всю жизнь хотел, чтоб душенька встречала
Любимую свою у пепельных костров.
Но годы шли, любовь вся обветшала,
И больше я не жду, когда придет Покров.
Я жду конца, а вовсе не начала,
Порога тайн, а не еду и кров.
Моя любовь ушла, и больше я не верю
Ни в чудеса времен, ни в радость, ни в мечту,
Я зол и стал подобен зверю
И только зло в актив себе зачту.

Мне надоела жизнь с ее гнилым румянцем.
Не чту ни боль, ни славу, ни рассвет,
Не подсластить ее веселым глянцем,
И не увидеть под лампадой свет.
Я умереть хочу сегодня в поле чистом,
И столь же чистым берегом закрыть
Пропажу-жизнь, что вилась сизым вистом,
И карту эту нечем мне покрыть.

— Ну что ж, — сказала зло старуха,-
Раз хочешь, так тому и быть:
Придет конец, и вздыбится разруха,
И до росы за берегом уж будет не доплыть.

17 июня 2007 года (2-е)

* * *

Это колокол звучит, поминая,
Что душа моя молчит, что немая,
Это звон святых церквей тянет раны,
Говоря мне: ты ничей, зря нагрязнул.

Это горы увлекли шум лавины,
Только ветер долетел, дунул в спину,
Только голос прокричал: помогите,
Это нас Господь венчал, не молчите.

Это птица на заре щебетала,
Думал, выплюсь на земле — все мне мало.
Думал, я еще живой, не охрипший,
Только что к тебе прирос, не остывший.

Это я свирель-траву смял в охапку,
Белый заяц мне в лесу тянет лапку,
Небо неводом пошло, заморило,
Солнце все меня сожгло, в день Ярило.

Думал: в ночи под ольхой не погибну,
И навек со своей судьбой не поникну,
Думал: год белым-бело будет лето,
Ну, а в осень помело — лето спето.

Поминаю зло во зло — где, неважно,
Это раньше не робел, был отважным,
А теперь в пургу и стынь гол и беден,
Ничего я не нашел, кроме песен.

И на старом корабле на зарнице
Не сумею разглядеть синей птицы,
Не смогу сказать слова, что когда-то
Ты обиделась, ушла виновато.

Я кричал тебе вослед, что прощаю,
Но пропал белый след — обещаю
Сдать погибельный рубеж ближе к ночи,
Ночь конец мне пропоет, обхохочет.

Я пропал, совсем пропал, затужился
И любовь не повстречал, закружился,
Ты оставила слова в своей песне,
Я не слышу, слух пропал, хоть повесься.

Голова моя кружит, шторм все шквалит,
Некуда ее сложить, зло завалит.
Я присяду у реки в чистом поле,
Поцелую след тоски бывшей воли.

И на самом на краю вспомню дату,
Ту, когда ты так ушла виновато.

18 июня 2007 года

* * *

Это ворон все кружит, ищет жертву,
Я на острове служил, видел жатву.
Сон смотрел не про себя, а про наших
И не вспомнил про тебя, вспомнил павших.

Уходили воевать — кто в чем хочет,
Бог войны помчится вскачь, не доскачет.
А на горенке в окне, что в герани,
Мать все думает и ждет, сын не ранен.

А как грянула война в внешнем поле,
Матерком загудело про долю,
Все схватились за ружье, за патроны,
Позабыв доесть гуляш, макароны.

Враг несколько не дрожал, видел, кто мы,
Ну а мы — смешней чертят, точно гномы.
Зря я вызвался служить — так я думал,
Зло не стоит ворошить — встал и плюнул.

И во мне такая злость разыгралась,
Что я вспомнил братьев, мать, что осталась,
Что остались на окне три герани,
Мать, крестись и капли пей, я не ранен.

Восхитились мы огнем и оружием,
Как же был я неумен — ведь я нужен!
Ну и деверям своим и ребятам,
Что покрыли поле все русским матом.

Что сбежались воевать, не обжегшись,
Мать, ну хватит дни считать, не одевшись,
Лучше в церкви помолись за солдат, нас,
Чтоб вернулись мы домой — и в запас нас.

Я схватил свое ружье и пригнулся,
Вижу, шейх ползет, изогнулся,
Я прицелился, и ствол задрожал —
Вот в такой вошел я кураж.

Стали мокрыми лицо и колени,
Я кричал и бился в смерть, но не в плене,
Я дрожал, как белый заяц в лесочке,
А потом смерть считал на носочках.

Мы сыграли свой отбой после боя,
Плакал, матерно орал, я не скрою.
Но что шейха взяли в плен — вот награда,
Лучше, чем лежать в земле за оградой.

Выпивали мы потом, клятву дали,
Что ни завтра, ни потом не оставим
Пядь земли у реки и у поля,
Ни за что нас не сгрести волчьей доле.

Мать, не плачь, я пришел почти целым,
Сад зацвел, как тот март, стал весь белым,
Не поеду воевать, ну, поверь мне,
Хату стану обновлять — есть поверье,

Что в любом конце земли, если выжил,
Поминай честную мать — будь хоть рыжим,
Только мальчика роди, можно девку,
Но ружье свое храни, что на древке.

Так что будем поживать в чистом поле
И не станем воевать, коли воля.

19 июня 2007 года

* * *

Дождь поливает землю,
А шляпу уносит в море,
Речам твоим я не верю,
А лишь подпеваю горю.

Птицы забились в гнезда:
Им зябко под веером ветра,
А ты все приходишь поздно
И ловишь шляпу из фетра.

Наш кот греет хвост у камина —
Ему бы наши заботы!
Какая кислая мина,
Когда ты приходишь с работы!

И все норовишь отделиться,
Как берег от фетровой шляпы,
А мне все не спится, не спится
И грезятся толстые бабы.

Ни пить, ни есть ты не хочешь,
Все думаешь, как нас оставить,
Слезами всю скатерть измочишь,
А шляпы опять не достанешь.

Она уплывает все дальше,
Рисуя наш абрис у мола,
И я не хочу больше фальши,
А только сорок у забора.

Они разнесут мое горе
По тоненьким горстям песчинок,
И я уплыву, может, в море
И растревожу личинок,

Что так приросли к твоей шляпе
И стали почти что искусством,
И солнце присело на трапе,
И жизнь показалась распутством.

Вот так и останешься синим,
Беспечным туманом из сказки,
И вечером, долгим и зимним,
Я, может, вернусь на салазках.

1 июля 2007 года (1-е)

* * *

Смотрела сон про наливные вишни,
Смотрела явь, где ничего не слышно,
И думала, как тесен мир для дурака,
Что ехал с ярмарки, схвативши тумака.

Как тесен мир для злых и обреченных,
Налитых завистью и нареченных
Не вспоминать добра, не видеть света
И не любить священного поэта.

И сон про вишни рассказал такое,
Что вспоминать? Да, ладно уж, не скрою:
Стою у берега и вижу: ты шагаешь по воде.
Ну конечно — раз так, то быть беде.

Зачем ты не спросил, что легче и нужней,
И не услышал голос, ночи что нежней,
И не увидел дальний путь моей звезды?
Ах, почему так безучастен ты?!

А я ждала и пела у ворот
И все смотрела, где он, поворот,
Тот свет, что вытолкнет тебя?
А я стою и жду, и все пою одна.

И этот двор, и желтые цветы,
И небо на краю, где ходишь только ты,
И цвет зеленых глаз, и бороду, шаги,
Охалки слов, раздоры, мы — враги?

Да нет же, нет, не други— не враги,
Догнал, дотронулся — скорей беги
И, вторя звездам, неба голосам,
Скажи: я — твой и верю только снам,
В которых вишни все алеют до крови,
А голос шепчет: жду твоей любви.

И розы осыпают лепестки,
И снова снится сон: где наши соловьи?

1 июля 2007 года (2-е)

* * *

Отпускает. Уже не больно.
Небо похоже на синий чулок.
Сердце колотится сильно, вольно,
Просит испитого солнца глоток.

Отпускает, а было страшно,
Что не увижу неба синий чулок,
И сердцу не в лад будет больно и больно,
И дверь не раскроет свой тайный замок.

Совсем отпускает, и я не плачу,
Как не плачу золотым палачам.
Жизнь все дает и дает мне на сдачу
Все под расчет, только долг мой — врачам.

Звезды спускаются ниже и ниже,
Боль отпустила, ветер утих.
Сделайте жгучее солнце потише,
Чтобы смог смастерить я прощальный свой стих.

10 декабря 2007 года (1-е)

* * *

Я помнил слова, но забыл содержание,
На поезд спешил, расписание забыв.
Помнил одно: нынче будет прощанье,
Мы разойдемся, друг к другу остыв.

Ты ветром томилась, моля о пощаде,
Я завывал, как покинутый пес,
И сковывал холод, зол и нежаден,
И я еле голову целой унес.

Не верю в прощенье, как в слезы не верю,
Не всякому слову я службу служу,
Я только тогда свое сердце доверю,
Когда по себе сорок тризн отслужу.

И вспомню слова, что забыл при прощанье,
И в поезд надежды успею вскочить,
Еще я успею на наше венчанье
И память назло соберусь отключить.

И снова поверю безмолвному полю
И чистому снегу в тишайшем лесу
И, лежа во ржи и наплакавшись вволю
Тебе васильки из полей принесу.

10 декабря 2007 (2-е)

* * *

Зол на весь свет,
На дневное затмение,
На плотность луны
И падение звезд.

Останусь в тени
Твоего восхожденья,
Мне радость — в тоску,
Я в забвении рос.

И слыл чужаком
В мире пепла и тлена,
И счастье ловил
Лишь на гребне тоски,

Лишь сто двадцать шагов
Отделяют от плена,
Где зависть умрет,
Зацветут лепестки.

12 декабря 2007 года

* * *

Раскованность походки, зренья, слова
Влечет в объятья страсти и огня.
Скажи, когда к любви я буду не готова,
Смогу смолчать, чтоб не было меня?

Смогу стереть, как пыль, воспоминанье
И мокрую одежду из дождя?
Смогу сберечь любовь, как позднее признание,
И шествовать вперед без знамени вождя?

Скажи, смогу ль все то, к чему я не готова
Что делать не умела никогда?
И верно ли еще твое золотое слово
И путь мой, что засыпал ты тогда?

Не знаю я, смогу и как надолго
Венчать поступки наши из церквей?
И потечет ли вспять когда-то Волга?
И не завоюет снова сухостей?

Я так хочу признанья в ненапасти,
В святом порыве яростной любви.
Но бросили меня, завяли страсти,
И ты меня в объятья не зови.

Я не приду, я буду ждать восхода,
Что нынче обещал пораньше встать,
И плакать, ожидая твоего прихода,
И спать ложиться утром только в пять.

Я буду жить, назло врагам и сплетням,
И превращусь в хрустальную мечту
Для тех, кого все так же носит ветер,
И тех, кого по пальцам перечту.

19 декабря 2007 года

* * *

Мое послание, небесный Бог,
Как бесприкаянно оно и грешно,
Ложусь я спать у вечных твоих ног,
И понимаю, я отныне безутешна.

Я не прошу о милости тебя,
Мой Бог, спаситель и создатель,
А только оставляю я тебя —
Глупец, воитель, ветреный мечтатель.

Не укоряй грехами старыми меня —
Любовь к тебе так непокорна!
Страдая, и ликуя, и себя вина,
Я сознаю, как счастье вздорно.

Не укажи на крест, не заставляй считать,
Что все на свете поддается искуплению.
Я не хочу ни жить, ни мыслить, ни страдать,
А лишь тебе служить коленопреклоненно.

26 декабря 2007 года

КАЗНЬ

По площадям катилось седое сердце,
Тревогу било и пело скерцо,
Народ толпился, не веря чуду,
Я ждал, томился, слепой Иуда.

В полночном небе, у Вифлеема,
Звезда стояла мертво и смело,
Сноп лун спускался почти на Землю,
Я снова медлил и ждал — приемлю

Закон подсудный, не мной рожденный,
И пел, и плакал, почти клейменный
Звериной хваткой простого люда
Казнен был палкой слепой Иуда.

Куда мы гоним во тьме созвездий
И сожалеем, что нет известий?
Ни с улиц вечных, в сирень обутых,
Ни с неба песен, ветрами гнутых,

Ни просто хмеля с летящих листьев,
Ни капель чистых, почти застывших,
Ни пары весел, вонзенных в небо,
А просто голод — кто был, кто не был.

Под громкий цокот глава катилась,
Толпа застыла, и вдруг открылось,
Что шар вдруг треснул и стал крениться,
Земля разверзлась — кому ж браниться?

И долго-долго Земля катилась,
Цепляла небо, Богам молилась,
Кричала громко и волком выла,
Но тьма восстала и всех накрыла.

Земля — что шляха под гнетом солнца,
Уже не снилась глава молодца,
Она простилась и с ней, и с небом,
Ты слышишь шорох? Нет, я там не был.

30 декабря 2007 года (1-е)

* * *

В волшебный мир моих качелей
Я попадаю ночью, после двух,
И выпадает из ущелий
Вся нечисть — прочь ушедший дух.

Я наслаждаюсь наваждением,
Соприкасаюсь с кривизной,
Что неподвластна восхождению
К горе вершины — по прямой.

И ночь, что так таит напасти
На сырых, слабых и чумных,
Вдруг разомкнет свои объятия,
И сон обрушится на них.

И страшно станет, одиноко,
И мир качнется в гребне волн,
Один я поднимусь высоко
И там увижу странный ствол.

И стану я взбираться тщетно,
Все выше тайных сих огней,
И вдруг пойму, что мое вето
Не выдержит и пары дней.

И лишь тогда сурово, прямо
Я вниз спущусь и там пойму
Про нечисть, что живет упрямо,
И дух, что прячется в дыму.

30 декабря 2007 года (2-е)

Прости-прощай

* * *

На смерть Александра Абдулова

Плечью руки вдоль тела,
Мысль давно отлетела,
Отстала еще в дороге —
Умер Абдулов —
Страна в тревоге.
Нет мысли, нет тела, нет дела,
Все кончено, тень отлетела.
Погибли роли,
Рухнули планы,
И реки, что так стремились
К его порогу,
Вдруг замерли.
Меня — не трогай!
Пусть конь, что
Стоит одиноко,
Прибившись к порогу,
Ускачет высоко
И весть разнесет
Далёко — далёко,
В краях, что не близко,
Почувствуй, как артиста,
Великого, нежного и большого,
Не стало.
А было так много.
Копна русо-пепельных волн
Обмелела вдруг разом,
И стало понятно всем сразу:
Конец.

Не выразить словом,
Не вымолвить взглядом,
Что все, что казалось красивым и новым,
Подведя под черту ожиданье.
Пять месяцев длилось молчанье,
И вот оно, словно лавина,
Обрушилась разом,
И подло, и длинно,
И мигом накрыла,
И стало все слитно:
Лицо, одеяло, в пыли все порталы,
Одежда врачей,
Приказанья дающих
И все же — ревущих.
Как всех остальных,
Что остался за ширмой.
Беспечных, стальных,
Обесцененных рифмой,
Всех тех, кто сражался
И денно и ночью,
Но сердце дышало,
Хотя билось — не очень.
Ну что этот третий январь напророчит?
Где голову снимет и шапку отбросит?
Что мне в мои черные косы накосит?
Лишь снега и выюги? А лютиков мая?
Как — так не бывает?!
Как так — что без мая?
Ну, хоть до весны, до зеленой капли,
До призрачной дымки мы все же успели

Еще посмотреть, как выходит на сцену,
И вены вскрывает, и держит арену,
Всем любящим, падшим, живым и голодным,
И немощным, страшным, в любви беспородным —
Он всем отдавал лишь свое созиданье,
А солнце садилось и брезжилось знанье,
Что скоро, ох, скоро пробьет колокольня
Ты странник? Бегущий, иль просто сторонний?
Тогда подойди, чем и кем бы ты ни был,
Возьми посошок, поклонись ему,
Сыну,
Что с русских подмостков обрушивал внятно
И слово, и взгляды, и дело — понятно,
И верилось всем — далеко до могилы
Тебе, милый Саша, ах, милый ты, милый.
Ну побудь еще сыном,
Ну стань во весь рост
На ленкомовских досках
И взлети за портал,
И — вернись не на сносках,
И хрипло скажи
Тем, что любят и живы:
«Ты по мне не тужи,
Ухожу я счастливый,
И, исполненный трижды
Звериной отвагой,
Я просто лечу,
Весь окутанный влагой,
Как в кокон закутан,
Цену знающий славе,

Но выше всего,
Всех наград и дарений
Эту сцену люблю,
Их — уж пять поколений
Только там я парил
И легко, и беспечно,
Что же делать, мой друг,
Если жизнь не всевечна?
Если мартовский снег
Станет рыхлым, но после,
А меня уже нет —
В марте съедутся гости
И споют про меня
Мой старинный мотивчик.
Жизнь, ты помнишь меня?
Погляди: я — счастливчик!»

5 января 2008 года

* * *

Раскаянье торопит причаститься
И говорит, что нет пути назад,
И у ручья святого не напиться,
И не поймать твой отрешенный взгляд.

А только вволю петь, когда поется,
И вылезти из нор, убежищ и засад,
И так искать черту, где удается
Шагнуть вперед и сделать шаг назад.

Тогда и день проснется, просветленный,
И скажет «здравствуй» всем, кто весел и умен,
Разбудит тех, кто, трижды оскорбленный,
Надеется прощать, для счастья рожден.

Тогда и храм не явится приделом,
Где совершают только чудеса,
А будничным, обыденным уделом,
Где в створки крыши видны небеса.

6 января 2008 года (1-е)

* * *

Благодарю за ясный день
И полдень, что отсвечивает садом,
За переполненную солнцем тень,
За жизнь, все чаще становящуюся адом.

Тебя — за то, что ревность не сгубила
Ни наших чувств, ни ветреных речей.
Прошел июль, а я тебя любила,
Ты был не мой, не сада, ты — ничей.

И все-таки благодарю, что в жизни ощутила
Я привкус нежного звенящего тепла.
Что ж делать, если память иссушила
Любовь, что, кажется, была.

6 января 2008 года (2-е)

* * *

Из Вифлеемских звезд
На ярко-синем небе
Ну, кто тебя принес
В солено-мокром хлеве?
Когда, каких волхвов
Так ожидали люди?
Забыли много слов —
Так зимний сон был чуден!
И громы отогнав,
Пройдя по краю моря,
Он, вечность осознав,
Раздал по капле горя.
И счастье всем раздал —
Подумаешь, богатство!
Но месяц засиял,
И он взошел на царство.

И перебрав кусты
Вечнозеленых снов,
Я взялся за мосты —
Хватило бы основ!

6 января 2008 года (3-е)

* * *

О, Господи, ну чем питаюсь я?
Огрызками грехов и сплетен!
И каждый раз опять прощаюсь
И с жизнью, и с судьбой — под ветер.

Питаюсь злобой, сладостью унынья
И кривотолками любви.
Ну почему, скажи, такая я разиня, —
Хоть режь меня, хоть руки оторви.

И более всего питаюсь склокой,
Что каждый вечер затевает мильй мой.
И жизнь моя мне кажется морокой,
И кажется, что выход — хоть могилу рой.

Я так устала от любви и мрака,
От призрачных оков из ласки и забот:
Случается едва не каждый вечер драка,
И выход — от крыльца мой поворот.

И все-таки в лиловые минуты,
Когда и звезды, кажется, устали спать,
Гремят в душе моей роскошные салюты
И кажется, всю вечность я готова ждать.

И новогодних прегрешений,
И всех напастей матушки-земли,
Вот только бы принять скорей решение,
Чтоб снова, как и прежде, в счастье были мы.

Когда заснут основы мирозданья,
Утешутся все сплетники Земли
И только лишь одно, лишь хрупкое созданье
Подаст свой голос, скажет вслух: «Внемли!»

И упадут печальные картинки,
Земля очистится от воздуха страстей,
Злословья нет, а есть одна равнина,
Где можно крикнуть: «Где я, кто я, чей?»

10 января 2008 года

* * *

Рожденному в неволе, не во снах,
В покрове тайн из серебра и плоти,
Я истреблял жизнь в прах,
И вдаль уплыл на маленьком, на плоте.

Я долго-долго шел, измучивая сердце,
И ветер жег лицо, я намокал под дождь.
Но плачет, и поет, и рвется мое скерцо,
И я, скорей, твой раб и никакой не вождь.

А ты — принцесса зла, не знающая грусти,
Забавница проказ и чаровница слез,
Я, к сожаленью, знал: когда-нибудь упустим
Возможность сострадать, не принимая грез.

И будет сердце биться, и спотыкаясь, и бранясь,
Любовь разрушит сон, не предоставив завтра,
А ты, в любви бессовестно клянясь,
Все будешь «поливать» безвинного
француза Сартра.

И мысль синхронно сердцу будет биться,
Томиться и молчать и снова звать и звать,
И поздно ты поймешь: пришла пора молиться,
Чтоб на пустом одре раскаянье принять.

И белый голубь вновь вдруг устремится в небо,
И счастье призовет готовить новый путь,
Я в этой жизни жил, а, может быть, и не был,
И лишь хочу любви, что вскроет мою суть.

14 января 2008 года (1-е)

Ну, кто мне скажет, что такое жизнь и в чем ее основа?

— Позвольте мне, я — в нетерпении и жажду слова.

Вы думаете, жизнь — сплошная тайна и не постичь без смерти вам ее?

Напрасно: жизнь — отравляет день и ночь, без них же — все вранье.

Ну, что, скажите, радоваться солнцу, коль скоро дождь замочит все вокруг?

Луна все 28 дней кружит, пред солнцем совершая круг,

Шквал, ветер, горные разломы — и это радость и гармония черты?

Зачем вы взяли в руки ветхие основы и отстраняетесь от страсти и мечты?

Зачем решили, что природе отдан единственный, как осень, идеал?

Не знаю лета, света, дня, восторга, да и у осени в гостях я не бывал.

Мне все равно, заняться ли любовью или сидеть и штопать старые носки —

Взойдет луна, и снова с тайной силой начнет ломить мои прозрачные виски.

*
*
*

Не знаю, правда, где кончается интрига, а где для лжи пространства пьедестал?

Я не был принцем, жил за пазухой у Бога, и нищим духом я не стал,

А стал бродячим пастухом, коров пасущим,

На сцене — ряженым, оранжевым шутком,

И слышу все: я — вездесущий!

И жизнь, и смерть — все это на потом.

14 января 2008 года (2-е)

* * *

Все двадцать дней луна заводит,
Она то всходит, то заходит,
И восемь дней еще томиться,
Когда ни в ночь, ни днем не спится.

Ее приливы полнолуныя
Таят осколочность безумья,
А новолунное рождение
Сгоняет напрочь восхищенье

Самой красавицей ночной,
Что получает только муку,
К утру становится больной,
И незачем пенять на скуку.

И столько пригоршней беды
Разносит серый месяц света,
Что у колодца, у воды
Совсем зашла душа поэта.

Ах, сколько горестных страстей
Ниспосылает месяц ясный,
Ах, только б не было вестей,
Пришедших поздно и напрасно.

И только серп из желтой меди
Скорей обрел бы плотность круга.
Долой глагол, и аз, и веди,-
Кричу тебе, луна-подруга.

18 января 2008 года

* * *

Как беспощаден дух злодейства,
Что празднует победу, захмелев,
Как призрачны посулы фарисейства,
Рисующего «адовый» рельеф.

Как многогранен лик премьера,
Что только что разделал роль под нож.
Ее скрывает пыльная портьера,
Да он и сам на дьявола похож.

Как безучастен мир к объятьям чужестранца,
Что тщится в Костроме русистом стать.
Он кружит вальс в загадках танца
И намекает на породистую статью.

Ему не быть ни мужем, ни злодеем,
Он волжской девушке не по зубам.
И даже если телом овладеет,
Душа не сдастся — руку пополам!

И не померкнет мир в лохмотьях лиходейства,
Не станет призрачным потусторонний свет,
Театр и рампа — ложе лицедейства —
Зарок им даден на большой обет.

Встречать рассвет лишь только в самоволке,
Красть лилии — ну, если уж невмочь,
И быть всегда в французской треуголке,
И не бояться в день и в ночь помочь

Лихим и нищим, скорбным и молчащим,
Держащим на ветру иссохшую ладонь,
Не корчить из себя пропащих
И высекать из искры пламя и огонь.

22 января 2008 года (1-е)

* * *

Какая поступь у метели, какая стать!
Пропали вы и улетели? Ну, разве вам понять,
Что голову свою кладу не на подушку,
Что верю синим снам, похожим на игрушку,
И правлю беспримерный бал?

Ну разве вы могли постичь, что я готова
На пир и на пожар, и на худое слово?
На сплетни черных жен и ненавистных галок?
Но вы в плену вестей, и вид ваш слишком жалок.

Зачем решили вы вскопать у синей чащи
То ль яму, то ли ров — ведь он не настоящий!
Все тщитесь поразвлечь хоть образом могилы?
Да полно, лучше сжечь все письма бывшей милой.

И зачеркнуть навек и память, и размолвки,
И поздний этот брак, и вечные размолвки,
И ночью осознать, что нет у синей чащи
Ни тени, ни платка, хоть кажется сон слаще.

Не высветить уже в зеленых тенях леса
Стремительность броска, бездомный ты повеса,
Как не услышать вновь бездумный птичий щебет.
Ах, искренность моя, зачем тебе мой лепет?!

Зачем который год обдумываешь снова,
Как с гор, издали услышу твое слово?
Как побегу встречать на бархатной опушке,
И заяц будет гнать, и зарядятся пушки?

Но ты напрасно пел свое золотое слово —
Нет леса, нет платка, я воскресая снова!

22 января 2008 года (2-е)

* * *

До слез люблю, до иступления, до боли,
И если б мог хоть раз позволить
Забуть лишать все боли многих
И просто ждать.

В тиши заветного жилища,
Где есть вода и будет пища,
Где сон крадет у жизни днище
И где я вам принадлежу.

И все-таки я жду, упорно, радостно, ревниво,
Когда мой час придет пылливый
И ты, и ветреный, и лживый,
Все так же будешь плыть.

Томить и ждать, чтоб флаг, опущен,
Светился праведно и пуце
Горел твой взгляд.
Давай назад?

Ну что? — ну кто по праву жизни
Способен окурить жилище
И быть ловцом
Тревог и праведных ненастий,
Томленья по труду и счастью,
Прикосновению, отчасти,
К процессу сна?

Ах, боль, куда ж ей деться,
Когда, зажата камнем сердца,
Она немеет и молчит?
Меня мой скорый поезд мчит,
И неослабленная участь
Во всем винить нещадный случай
Становится тоской.
Тоской и жаждой всепрощенья,
Лугов и паводков лишенья
И безнадежностью решенья
О счастье жить.

Согласна, станем не тужить,
А лишь сосчитывать ненастья,
И жаждать запоздало счастья,
И снова — жить!

11 апреля 2008 года

* * *

О разнице в годах не беспокоюсь,
Я ключевой водой умоюсь
И преклоню колени пред тобой,
И снова заслону тебя собой.

О разнице в судьбе я не тревожусь,
Десятилетия свои умножу
И вычту лишнее в тоске и боли,
Ах, не тревожьте меня боле.

Я так завидую себе в злословье,
И настагаю сон у изголовья,
И говорю так искренне и нежно,
Как будто я и впрямь прилежна.

Я понапрасну пропадаю,
И падаю, и увядаю,
И снова поднимаюсь в небо,
Где ты пока ни разу не был.

И снова жду звезды и света,
Привета легкого поэта,
И невозможности очнуться,
В оковы сна не окунуться.

Я жду прилежного участия,
Уже не ожидая счастья,
И присягаю снова, снова
На вечность и святое слово.

Но мой мотив забыт и брошен,
И старый дом совсем заброшен,
И за глухим косым забором
Все так же ткёт пчела узоры.

И на рассвете у дороги
Покажется, что рядом боги.
На приглашение улыбнуться
Махнешь рукой — пора проснуться.

И больше не искать привета
В объятьях пламенных поэта.

11 апреля 2008 года

* * *

Как напьюсь я пьяной
И пойду по дороге,
Аромат такой пряный,
Что сбиваются ноги.

Я шепчу втихомолку
О возможности счастья,
Затираю наколку
И все жажду участия.

А колосья пшеницы,
Словно лес сигаретный,
Моя участь кренится
В этом поле отпетом.

Рвется песня из плена
Моей знойной судьбины,
Ее звук уже тленный:
На пригорке — осина.

Не вколачивай колья
Из ветвей пожелтевших
И скажи мне, доколе
Жить одной, перезревшей?

Ждать прихода рассвета
От ночи до полудня,
Моя песня пропета,
Я дождусь полнолуния,

Чтоб взлететь над тем полем
И взмахнуть рукавами,
Расплескать свое горе
И болеть только вами.

12 апреля 2008 года

Забвение мечты

* * *

Который год струится мгла в окошко
Часы, минуты, дни и ночи напролет.
Ну, подожди, судьба, еще немножко,
Не вычеркни из планов мой полет.

Который год пылят снега в апреле,
И мая нынче вовсе не видать,
И дух весны сочится еле-еле.
И все стремится во поле пропасть.

Но вот расступится, спадет верхушка
Остатков льда, и вспыхнет полынья,
И я пойду искать твою избушку,
И снег наполнит снопы льна.

И встретимся, и загоримся снова,
И вновь придет рассвета тихий час,
И я пойму, что ты — моя основа,
И буду биться, чтобы свет мой не погас.

А ты промолвишь медленно то слово,
Что ожидала дольше лет и зим,
И я поверю, что не так сурово
Ты смотришь в серебро седин.

И перевертыши зимы и лета
Опустятся на крышу в листопад.
Мне не дожидаться век ученого поэта,
Хоть бейся, хоть не бейся об заклад.

А только ждать и понукать минуты,
Что медленно сбавляют стрелок ход,
И все надеяться — не будет в сердце смуты
И мы не ступим на хрустящий лед.

18 апреля 2008 года

* * *

Подай мне, грусть, на утешенье,
На пачку папирос, на боль,
На мужество принять решение,
Прошу тебя, прошу, позволь.

Позволь не злобствовать истошно,
Не зазывать в сердцах чертей,
А на носочках, осторожно
Прошелестеть тебе: не бей,

Не бей наотмашь и упрямо,
Не складывай тычки взащей,
А лучше радостно и прямо
Мне серебро на грудь зашей.

Под воротник, под темный галстук,
Под звуки дерзкие щегла,
И под гитары перебранок,
И под костер, где тень легла.

От огонька, от хруста веток,
От щебетанья тихих птиц,
Под скоропись моих заметок,
Где на спор я исполню блиц.

Ну что ты, грусть, ну, в самом деле,
Зачем тревожишь и паришь?
Зачем желаешь на похмелье,
Обманный сон, где ты царишь?

Зачем? Не знаю, но надеюсь
Исполнить приговор не до конца.
Я выйду в поле, на ветру развеюсь
И все же встречу молодца.

Он будет зол, и строг, и ясен,
И станет гордость бушевать.
Как облик его, взгляд прекрасен,
И мне его не отчитать.

Как не отсчитывать денечки,
В которых полдень почивал,
Остались мне одни лишь ночки,
Где не был я, не спал, не ночевал.

19 апреля 2008 года

* * *

Нет, я не ангел, я только учусь,
В небо, в засинье все мчусь я и мчусь,
И с высоты облаков слышу звуки:
Это следы человеческой муки.

Я далеко в небеса улетаю,
И в море хочу и туда уплываю,
Но только не слышу родного привета
И знаю одно: моя песнь не допета.

Я вовсе не ангел и вряд ли им буду,
И только тебя я вовек не забуду,
И буду любить в широту своих крыльев,
Любовь глубока и рана — навывлет.

И я все лечу и не знаю преграды,
Не ставлю я в цель получение награды,
А только твое синезвонкое слово —
И сразу падут все на свете оковы.

Я ангелом стану потом, не задушишь,
Когда и дождешься меня и полюбишь,
И крылья свои как стихи напророчу,
И голову всем мужикам заморочу.

И буду любить только белое лето,
Родного, любимого, злого поэта.
А он не поймет, что пришло его время
И вовремя смоемся, сбросив и бремя,

Меня в этом бремени темно-зеленом,
Где нет малахита, только мох и корона,
Где звуки сбиваются в медленном танце,
Где ритмы речей твоих светят из глянца

И где прорывается все же основа
Тебя — палача: да, я к казне готова,
Как складывать шею на дерево плахи,
Я плачу, спаси, мой взор как у птахи.

И крылья свои я уже не расправлю
И только злобивое слово расплавлю,
И только стерплю этой стылою ночью
Свой безумный полет, что я вижу воочью.

20 апреля 2008 года

* * *

Скажите, я сюда не залетала?
И было ль так, что неба было мало,
Чтоб насладиться маем и теплом?
Ну ладно, не теперь, потом.

Потом, когда мне прощечбечут птицы,
И ты по осени сумеешь возвратиться,
И перегретый дом вдруг распахнет все двери,
И ахну я: и верю, и не верю,

Что вот он, долгожданный твой приход,
Хотя всегда, во всем ты делаешь наоборот
И вере, и судьбе, моей любви созвездьям,
И рвешь цветы охапками соцветий.

И не торопишься свернуть с лихой тропы,
Хотя вокруг лишь топи и нехоженность судьбы
И много-много всяческой листвы,
Что приглушает шепот ахов и молвы.

Ну поспеши, смотри, как мерзнут руки,
Как небо тянет ввысь — и только боль разлуки,
И только синий блеск твоих очей зеленых
Мне говорит: воскрес, и нету карт червовых.

И скорбный звук трубы все тянется и льется,
И песня обо мне в душе не отзовется,
И только горький стон, что жалобно-печален,
Мне скажет: обречен, хоть жизнь — еще в начале.

В начале зим и лет и пашен ржано-спелых,
И гимн еще не спет, хоть звук из тех, из белых,
Что льется день и ночь и призывает слиться,
И мне уже невмочь — пришла пора молиться.

И я иду за склеп, что по дороге к храму,
Даю зерно и хлеб лукавому и хаму
И припадаю ниц у двери стопудовой,
Ничьих не вижу лиц, а только след пунцовый,

Что стелется и жжет своим багровым светом,
И чудится лицо отпетого поэта.

27 апреля 2008 года (1-е)

* * *

Идти до ада далеко,
До рая — еще дальше,
Во сне мне дышится легко,
И никакой нет фальши.

Струится синий свет в окне,
Пора, пора настала,
Тебя увижу в сентябре,
И этого мне мало.

Взахлеб читаю два письма
О жизни на чужбине,
Скажи, ну как же ты смогла
Пропасть в такой машине?

И не смотреть ни ввысь, ни вкось,
А видеть только днище,
Меня, прошу, скорей подбрось
На скорби пепелище.

И перестань играть в игру,
Что вся насквозь изъета
Враньем с судьбою пополам
И личностью поэта.

Оставь затей ворожбы,
Прими условие света,
И вдруг пойми: не я, не ты
Не отдадим привета

Исконным синим берегам
За леса дикой чащей,
Ты мне навеки дорога,
Ну приходи почаще.

Мы подпалим с тобой свечу
С душистым ароматом,
Мне жизнь и небыль — по плечу,
Нет бомб и автоматов.

А есть веселая печаль
Назло лихим и нищим,
Прощай, душа моя, прощай,
Я здесь, почти под днищем.

Я голоден и зол, но жду,
Я жду святого мая,
Когда тебя я награжу,
Рассказами из рая.

27 апреля 2008 года (2-е)

* * *

Несоответствием наполнен мир
И ароматом несогласий,
А ты, как маленький вампир,
Вгрызаешься — в твоей я власти.

И торжество какого дня
Вдруг воскресило вероломство?
Не знаю, помните ль меня,
Меня, себя, свое потомство?

И почему разрушен дом,
А в нем — порубленные доски?
И почему — все на потом,
И ария звучит из «Тоски»?

Я выхожу за дальний холм,
И понимаю: все скосили,
Пространство родины — как холл,
А я плыву по дну России.

И в непроглядной тишине
Вдруг высветят такие звуки,
Что разом вспомнишь обо мне,
И прошибет нас боль разлуки. —плохо??

И снова станет звучным мир,
Хоть в несогласье с постоянством,
И слово высушит эфир,
И снова встрепенется пьянство,

И я забуду о тебе,
Пропаций, намертво промокший,
И буду рад лишь молотъбе,
Заплачу, по теплу иссохший.

И солнце станет охранять
Своих чудес святые блики,
Довольно, хватит воевать —
Я вызнал все твои улики.

И призываю горевать
Всем сонмом тоненьких артерий,
Тебе б все только гарцевать —
Расхристанна, как черный Берий.

Но полно, будет тосковать
По миру волн из соответствий,
Со злом не стоит воевать.
Уж лучше обождать приветствий

И разом отпустить мечту,
Что ночью в поле ночевала,
И полюбить навеки ту,
Что где-то рядом почивала.

28 апреля 2008 года (1-е)

* * *

В России — мгла, в России — зло,
Россию наскоро скосили,
И проступает в ранах дно,
Ну что меня вы не спросили?

Как не спросили всех окрест,
Как жить, чтоб родину не тронуть?
Да есть ли он, нательный крест,
В котором все печали тонут?

Эй, пропадите разом все —
Убийцы, в золото одеты!
Устройте озлобленья сев —
В Одилии ведь нет Одетты!

Засейте ложью и грехом
Просторы, некогда безгрешны,
И насладитесь ремеслом,
В котором сами же потешны.

Не печь, не строить, не строгать,
Нет, не про вас все эти были,
Вам только сумеречно лгать —
Раскаянье совсем забыли.

Когда проснется в вас любовь,
Чтоб осмотреться, и очнуться,
И вымыть за собою кровь,
И в море счастья окунуться?

Когда прелестные черты
Мечтаний звездных вас коснуться?
Багрянца желтые листы. —
В них не хотелось окунуться?

Нет, вам не пристало горевать:
Горит огонь, и сердце цело.
Найдем и будем воевать,
И это станет нашим делом.

Завянут разом все цветы,
Опальным станет озаренье,
Но вдруг проглянет зов мечты
И вновь засветится цветенье.

И я пойму, что мир — как день:
В нем полдень есть, но есть и полночь,
Но вот струится та же тень
Из абриса, где звезды молкнут.

28 апреля 2008 года (2-е)

* * *

Нет, мне не обуздать тебя,
Как не стреножить вдохновенье!
И истины мои летят,
Как лет и зим стихотворенья.

Ты вечно мчишься в забвенье
Страстей, неправедных событий,
И ни к чему тебе нытье,
Не зря кричишь мне вслед: «Изыди!»

Куда летишь ты, где твой путь,
Исхоженный и незлобивый?
Ну пусть останется, ну пусть
Прямой чертой — как путь на Фивы.

Не иссякай природой волн,
Что накрывают с головою,
Я навсегда в тебя влюблен,
Не плачь, я сам сейчас завою.

И напророчу день и час,
Когда за истиной вернешься.
Дай Бог, чтоб свет твой не погас!
Ну что ты весело смеешься?

Зачем все жжешь и жжешь мосты
Надежд и легких озарений?
Нет, верно, не узнаешь ты,
Как притягательно смирение,

Как, сетуя на все и вся,
Утрачиваешь часть Вселенной,
А с нею — самого себя,
Разнузданно и вдохновенно.

Прошу тебя, остановись,
Взлети над благостным убранством,
И до смерти своей молись.
И жди прихода постоянства.

Тогда и я во мраке снов,
Приду к тебе, совсем пропащей,
Не надо призрачных основ,
Живи и так, мой настоящий!

Но в день высоких облаков,
Когда Земля по небу стынет,
Сними злодейство всех оков,
Пока фатальность нож не вынет

И не сразит тебя совсем,
Всей блажью тайного примера.
Останься, глух и слеп, и нем,
И жди благословения поэта.

29 апреля 2008 года

* * *

Я не знаю, как долго продлится весна,
И не ведаю, скоро ли высветит лето.
Надо мной — так долго зима и зима
И блуждает шлейф осени где-то.

Не помочь мне извлечь долгожданный мотив
Из прелюдий весны вдохновенной,
Кто-то сердце сложил на высокий штатив,
Предлагая прожить суверенной

Свою жизнь, охраняясь от тайны, как в склепе,
Я тревожу тебя и прошу: отзовись,
Как еще показаться смешней и нелепей,
Не пойму, как не знаю, как броситься ввысь.

Но молчит и качается лист на ветру,
На седом и недобром ветрище,
Все мне снится, что я не умру,
Только выстелю росами днище.

И тогда поплывет моя лодка во тьму,
И неважно, что будет на осень,
Ночь поднимет свою кутерьму
И отменит приход синих сосен.

И пойму: нет на свете глубин,
Что в чертогах лесных отразятся,
В венах знойно скрипит голубой глобулин,
И в любви мне уже не сознаться.

31 августа 2008 года (1-е)

* * *

Неважно, что за свет стучит ко мне в окошко,
Неважно, это день или за дверью — ночь.
Я подожду судьбу еще немножко
И брошусь от нее подальше прочь.

Неважно, что за полдень заливает
Зеленую траву у яблонь на снегу.
Меня моя судьба совсем не знает,
Я только имя ей все так же берегу.

Неважно, сон или дремота
Смущают мой прозрачный непокой,
Я знаю точно: только в самолете
Смогу взлететь я точно по прямой

И начертать судьбе шальные знаки,
Что прочитат не сможет господин,
Стоящий на росе во фраке,
Просящий у судьбы десятка полтора годин.

Не разогнуть судьбе стальные пути,
Что гнутся, как листы,
А только ты, моя большая мука,
Прочтешь, поймешь и не сожжешь мосты.

31 августа 2008 года (2-е)

* * *

Увижу ль сердцевину у предмета,
Схвачусь за дух окрепшею рукой —
Мне ждать и ждать иссинего рассвета
И собирать горстями непокой.

И все тревожит: ночь, судьба, поклажа,
Что таинству перечат и кричат:
Остынь, с тобой одна пропажа!»
И только сосны темные молчат.

Ни дуновенья — все опали звуки
И не кольшут душу и покой,
И я зову тебя и стираю руки,
И умоляю ночь: скорей крылом накрой.

Все смолкло, не перечит вдохновенье
Ни тишине, ни сонму диких птиц,
Все замерло, и на душе — затмение,
Я падаю к земле и припадаю ниц.

И только слабый свет в мигающем окошке
Еще спешит сказать, что ночь опять права,
И белая луна стоит в моей сторожке,
И серебрится синяя трава.

31 августа 2008 года (3-е)

* * *

Остыли, отлетели дни печали,
Я ровно и легко дышу,
Я знаю, здесь меня вы не встречали,
Нет-нет, я все еще молчу.

Молчу о звуках, что слышны из леса,
О темной и насуспенной луне,
О том, что ты — моя судьба-повеса
И жизнь качается на прозрачном огне.

Я не скажу ни слова о печалях,
О днях тревог, о сумеречных снах.
Вы помните? Скажите, что встречали,
И не развеется ваш сон как прах.

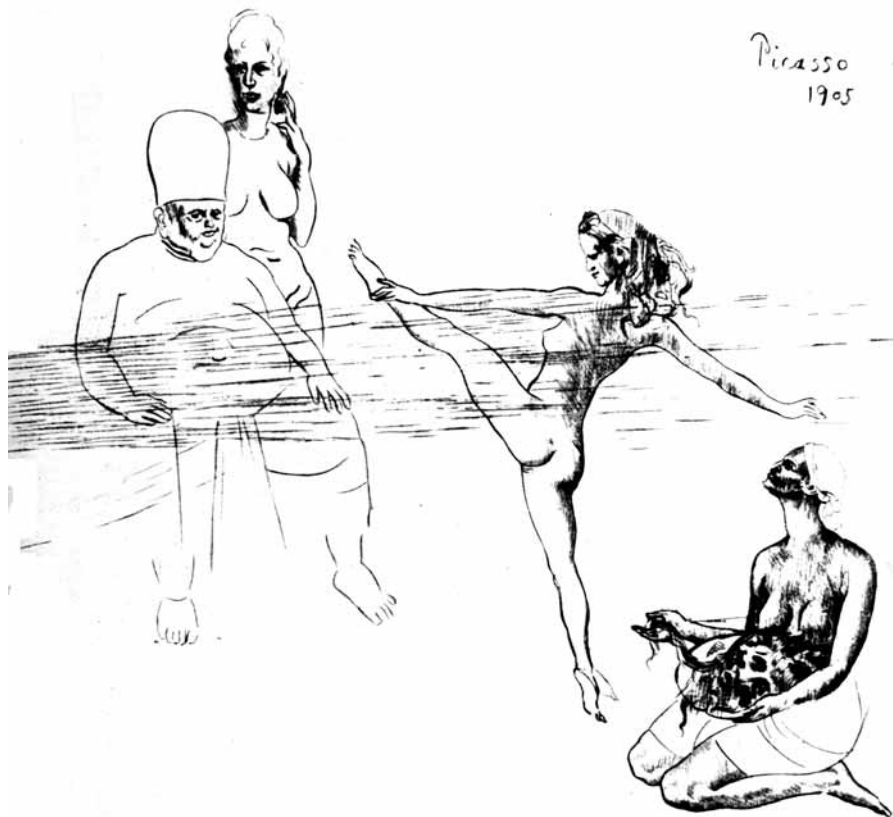
Вы не обманете, я это точно знаю,
И не раскроете всех наших тайн,
И в приступе любви я снова замираю,
И видится: мы оба входим в рай.

А там — цветы, одни цветы и сосны,
И даже небо перевернуто вверх дном,
И падают и днем и ночью звезды,
Но это — все пустое, все потом, —

Потом, когда заговорят зарницы
И встретится с былою жизнью явь.
Но я сейчас живу зеленой птицей,
И ты меня от памяти избавь.

31 августа 2008 года (4-е)

Начертание чувства

* * *

Не померкнет день, не наступит ночь,
Не могу никак я тебе помочь.
Остудить твой пыл,
Охладить виски,
Как когда-то был, —
Так вся жизнь — тиски.
Не шумит трава у большой реки,
Как была права, как слова горьки!
Не разлей меня по напрасному,
Не убей меня к дню ненастному,
Не сожги цветы, что весной дарил,
Не стреножь тоску, что во мне взрастил.
У ворот шумят люди пьяные,
Синий ворон бьет по-удалому,
По коню, что в скит так и целится,
Но любовь твоя в грош не ценится.
Оборвется дождь, станут стылыми
Все цветы вокруг да унылыми,
Отшумит листва на осинушке,
Я совсем бела — ни кровинушки.
Что же страх стоит, в ворот хлещется,
А вода струёй так и плещется?
Не связать концов — нету моченьки,
Увели гонцов — в темну ноченьку.
Плач стоит в степи — словно громами
Раскалил в печи ветви с кронами.
Не поднять, не сметь силу темную,
Только в полночь петь непокорную,

Только дно стелить в бочке огненной,
Дать воды испить бабке согбенной.
А самой — ни-ни, ни словечечка,
Только гой-еси, человечешко,
Только плыть и плыть без течения,
До заутренней — до сращения
С сединой Земли, что отступница,
Ничего, что жизнь — мне заступница.
Откуплюсь у ней — бусы скину я,
Окроплюсь в воде — и застыну вся.
Как трава вдали непокошена,
Так и я при ней — недорождена.
Как ветла стоит — не шелохнется,
Так мой стылый скит — словно глохнетя,
Не доплыть, не спеть, не тебя обнять —
Век одной стоять, на себя пенять.
А вокруг орут — шапки падают,
На меня один все заглядует,
Все пророчит мне жизнь не местную
И избу свою, да не тесную.
Ну а мне идти по своей тропе:
Налеталась я на сухой ветле,
Иссушились мои ноженьки,
Туго-туго им до дороженьки.
Не смотри, мой князь, не пойду к тебе,
А заставишь плыть — не бывать ветле,
Не поплыть вперед, за туманами,
Не искать степей караванами,
Не пугать собак местных шорохом,
Только дни тянуть сизым волоком.

Ах, судьба моя, ты судьбинушка,
Сильно бьешься как, да все в спинушку.
Отступись, отстань, дай мне волюшки,
А не дашь — уйду к рыбкам-корюшкам.
Буду жить у них припеваючи,
Не кори меня, убиваючи.
Будет весел день, да и ночь светла,
Ни к чему тогда с острием ветла,
Распрощаюсь вмиг с неутешностью
И навек уйду в дым кромешности,
Буду слезы лить, буду песни петь,
Вам со мной не быть, лишь слезу стереть,
Лишь в рассвет прийти за травиночкой,
Посмотреть в воде, где кровиночка?
Где плывет она, где не мается?
Жизнь вперед идет, затупляется.
А ее судьба — песня сильная,
Ну так что, ветла — непосильная?
Ты плыви, плыви, моя корюшка,
Не печаль себя, нету горюшка,
Сохрани привет от больной любви,
И скажи вослед: ты ко мне плыви.
Я дождусь тебя, мое зернышко,
Приплывай скорей — видишь, пёрышко
Все за мной летит, знает, где искать,
Приходи скорей — мне другой не стать.

1 сентября 2008 года

ЗДЕСЬ

Ну что стучит в ознобе сердце?
Здесь не поют в полсилы скерцо,
Здесь не тревожатся изгнанием
И ждут посылного с венчаньем.

Здесь застигает мгла дороги,
Торопятся промокнуть ноги
И в непогашенном окошке
Увидеть пустоту в лукошке.

Здесь не томятся пересудом,
А бьют железную посуду
И без отчаянья в остатке
Окрестят знаменьем в перчатке.

И не поверят сну плохому,
Поэту, нежно-молодому,
Орлице, что пришла напиться,
А нам — уж больше не влюбиться.

И все томиться в ожиданье,
Когда сорвется флаг в изгнание,
Когда сведут на лоно днища
Обугленных и обозленных нищих.

И лишь тогда глоток свободы
Дадут у мраморного входа,
И лишь тогда, святой и старый,
Я окажусь ненужной тарой.

И запою, как свет постылый,
Не ждущий, пахнувший могилой,
Сверкнет в последний раз над чашей
И больше не проступит чаше,

Чем зов луны на небе сонном,
Чем рожь, разлившаяся лоном,
Чем я, оставшийся в долине,
Которого и нет в помине.

2 октября 2008 года

* * *

Как к берегу гребущие пловцы,
Как пароход, буксующий в тумане,
Как страх пред казнью блеющей овцы,
Тебя мой голос все зовет и манит.

Как в передрягах смуты, суеты
Ты отзовешься нежной, стройной феей,
Так я, идя из призрачной мечты,
Попасть в твои объятия не сумею.

Как перезревший плод, вот-вот готовый лопнуть,
Как нить пути, петляющей в обход,
Так сердца стук не знает и не помнит
И только совершает вечный ход,
И бьется озабоченное, в такт,
И горестям, и всем напастям горько.
Я знаю, в этой жизни все не так,
И взгляд небесных глаз ловлю я только.

Посмотришь в море пустоты,
Где голос мой звучит все так же соло,
И убережь меня не сможешь ты,
А только мяч бросать небрежно в «поло».

Как тот ловкач, что путает отчеты,
Как увалень, что все спешит надуть в игру,
Ты так же совершаешь пересчеты
И так же мечешь синюю икру

То ль рыбы, то ль неведомой зверушки, —
Не знаю, тайна эта не нова.
Ты заигрался в детские игрушки,
Улов сгребая в рукава.

8 октября 2008 года

* * *

Ни звезды, ни луна не смогут
Унять неистовство страстей,
Возьми на щит — причем тут ропот,
Когда звучит труба идей?

Зайдем за ритмы в небе ясном,
Услышим музыки призыв,
И безнадежным, и прекрасным
Мне чудится души порыв.

И геометрию пространства
Мне не под стать перекроить,
Нет в мире веры в постоянство,
И цифре ноль — ей вряд ли жить.

Когда, в надежде обустроить
Своей души печальный дом,
Ты вдруг сподобишься устроить
И перечтешь столетний том, —

Но и тогда звезда ненастья
Не сможет засиять в ночи.
Да, полно, есть ли призрак счастья
И не испекся ли в печи?

22 октября 2008 года

* * *

Я здравствую! Я жив!
Пророс в сухую бересту берез,
И в сонмы снов твоих я врос.
Я жив! Смотрите, как лучится
Вода, сбегая по ключице,
Как небо синее светится,
Как солнцу желтому не спится
И как не хочется жениться,
Коль нет тебя!

Как нет вина в пустом бокале,
Как звезд на небе — все пропали,
Как звука сойки на зарнице,
Прошу, сомкни мои ресницы.
Уйди за грозы мирозданья,
Оставь свои воспоминанья
И не плети венок терновый,
Он дурно пахнет, он не новый,
И только запахом тревожит,
Но на любовь он не помножит
Твою печаль.

И мне не жаль
Ни серых весел,
Ни зла, ни весен, ни мольбы,
Ни ткани шелковой прохлады,
Мне ничего теперь не надо,
И не проси пощады сада,
Коль нет любви.

Живи в прохладе дня, в изгнанье.
Храни в душе воспоминанье
И жди меня.

И я приду зеленой ночью,
И горы счастья напророчу,
И невеселую порою
Тебя в тиши любви укрою —
Люблю тебя!

25 ноября 2008 года (1-е)

* * *

Я прорасту в кору берез,
Покроюсь кожейю корост,
Отмечу ход звезды неясный
И вдруг пойму: мой путь напрасный.

Я сдам на время прегрешенья,
Приму веселое решенье
И в год весны и в пору мая
Все ветки вишни обломаю.

И отплыву в страну без снов,
Нарушу правила основ,
Тебя, мою родную душу,
Суровым словом не разрушу,

А буду терпеливо ждать,
Когда сегодня, ровно в пять,
Ты подойдешь к стальной ограде,
Не помышляя о награде,

И только старый пес у дома
И из берез листвы корона
Оставят малую надежду
На то, что будет все, как прежде.

25 ноября 2008 года (2-е)

* * *

Дым обрывает мысль,
Молчанье в доме.
Цепляюсь за шаткий карниз —
7-ая сверху в томе.

Кричу: спасите,
Вы видите, вишу?
Меня, пропащую,
Найдите,
Я на небо спешу.

Раздайте за меня
Все слезы нищим.
Очарованью вопреки
Бросайте вниз.
Я никогда не стану лишней,
А только плавно протанцую бриз.

Запомнили? — 7-ая сверху!
Вы там найдете мой ответ
На тот вопрос,
Что все не задаете,
И так и длится
Вечный ваш допрос.

Прошу вас, хватит,
Не томите больше,
Веревка еле держит за балкон.
И не зовите маму больше,
Мне руки режет,
Жизнь — на кон!

Все! Полетела, падаю, не ждите
И не зовите резвых лошадей.
Меня увидите, так звездам не скажите,
Что их любила больше, чем людей!

И так хотела превратиться в чудо
Весны и снега, падающих звезд.
Тебя, беспечного, я звать не буду,
А только вслушиваться в шум берез.

8 января 2009 года (1-е)

* * *

Застыло утро. Звуков нет.
Но, если вслушаться, поет прилюдно
Кора берез и шепчет тихо лес.

Не видно облаков, пропали звезды,
И солнце не спешит к своим правам,
Рассыпались по лугу тихо весны,
И все не хочу поверить я словам.

А запах мая прочно накрывает
Уснувшие дома, поля и корабли,
И память чувств неспешно оставляет
Приют нетленный у родной земли.

Как ты живешь, что пишешь, где бываешь?
С кем дружишь, позабывши обо мне?
И разве так же по весне пылаешь,
Как было раньше — в яви и во сне?

Не верю ни словечку в тех рассказах,
Чем полнится народная молва,
Я знаю сам про все твои проказы,
Что не боишься ни воды, ни труб и ни огня.

Я помню чистоту нежнейшей кожи,
Пугливость робкую, испуг,
Когда ты так хотела быть похожа
На диву-фею, только без подруг.

Они завидовали, ясно,
Они хотели место отобрать,
Их рой пчелиный вился понапрасну.
Они умели только врать.

Ты сберегла себя ,смуглянка-недотрога,
Я верю памяти, не верю лишь врагам,
И, кажется, стоишь ты у порога,
И я, как прежде, жизнь тебе отдам.

8 января 2009 года (2-е)

* * *

Призывный звук проснувшегося леса
Сместил параметры зимы, надежды, холодов,
Глухой тропинкой пробирается повеса,
И, кажется, что нет шести годов,

Что ясен взгляд и весела походка,
И иволга танцует на окне,
И так же ждет за дальним полем лодка,
И не сгорю ни в страсти, ни в огне.

А он все ближе окружает каруселью
Галдящих призраков, что воют у ворот,
Стоит луна, прикрытая метелью,
И снег валит, и кляпом стянут рот.

И нету сил, изящно изогнувшись,
Легко взбежать и весла в руки взять —
Плывет метель, и, поутру проснувшись,
Увидишь поле, ров — сплошная благодать.

Какие люди, весла, в самом деле,
Когда январская стоит зима!
И жар любви, беснующийся в теле,
Все лета ждет, и на душе весна!

И что же делать, коль лихой повеса
Так и идет сквозь годы напролом?
Сижу и жду, услышу ли из леса
Я шаг его — не завтра, так потом?

И сердце запоеет, я знаю,
И блеск луны не так уж будет жечь,
И поведет дорога моя к раю,
И я смогу свечу любви зажечь.

25 января 2009 года (1-е)

* * *

День в ночь спокойно уплывает,
А я опять у темного окна
Стою и жду — ну, что не открывает
Своих объятий нежная луна?

Она — мой приговор, мое мученье,
Все светит и молчит в открытое окно,
И только тот имеет ключ значенья,
Что в памяти отмечено давно.

Тот день, что исчезает к ночи,
И ты, что шепчешь про любовь,
Сирень, удушливая в роще,
И сердцем истекающая кровь.

Не веришь? Все молчишь, не слышишь
Про звезды, сосны и луну?
Молчи, но поднимайся выше,
И я тебя тогда пойму.

Услышу ль про любовь и запою прилюдно?
Заплачу о тебе и заплачу долги?
Почувствую, как стонет поминутно
Душа моя, ты только ей не лги.

25 января 2009 года (2-е)

* * *

Аквамариновый полет все длится, длится, длится,
И лишь тебя не достает, седая пепельница,

И лишь тебя не увидеть и память не встревожить,
А годы старые латать и счастье не итожить.

И лишь с тобой мне не пройти за край крутой отваги,
Прошу, в глаза мои взгляни и не забудь про флаги.

И расстели зеленый кров под тенью тонких шалей,
И подсчитай любви улов в плетенье из вуалей,

И быстротечная вода, что над тобой сомкнулась,
Посеребрила и меня и дна души коснулась,

И только времени поход идет без остановки,
И жизнь моя не обождет ни взгляда, ни уловки,

А будет долго-долго ждать, когда над синью снега
Мой прерванный полет продлится дольше века.

15 февраля 2009 года

* * *

Мне 20! — Я влюблен,
И море — по колено!
Несется жизнь моя как сон,
Ты где, моя Елена?

Мне 30! — я люблю,
И жизнь уже не мчится,
Печальнее я на тебя смотрю,
И не несет гнедая кобылица.

Седые волосы, усы,
И ты на фею не похожа,
И по утрам не пьем росы —
Любовь обманывать негоже.

Болят спина, но бес в ребро,
И снова вижу ясно утро,
Когда, неся в руках ведро,
Идешь по полю в перламутре.

И ситец платья голубого,
И нежной прелести рука —
Все отдаляет рокового
Приход извечного конца.

Мне скоро стукнет 60!
Смотрю, по-прежнему игрива,
Как тридцать, сорок лет назад,
Все так же ветрена и не спесива.

И я не знаю, как мне быть,
Чтоб пережить печали возраст,
И как тебя не разлюбить
И не услышать вздох и возглас.

Когда пойму я: все прошло,
И жизнь почти не обманула,
И счастье краем обожгло —
Нет смерти, просто ты уснула.

И поспешает в шестьдесят
Улыбки чудная надменность,
Я молод, как и сорок лет назад,
И так же верю в неизменность

Святых даров любви седой,
Нетленных рукописей в клетку,
И чувства, где я молодой,
И жизни, что берет монетку.

23 февраля 2009 года

* * *

Ты где, пророк и пастырь —
Не Бог и не герой?
Зачем тебе контрасты,
Коль не идешь на бой?

Зачем в глухую полночь
Ты затаился ждать?
Не прибегут на помощь
Ни ангел и ни мать.

И с наледи небесной,
Когда все боги спят,
На край земли отвесной
Сойдешь и ты, распят.

И мы сойдемся вместе,
Чтоб вместе пережить
Не зиму и не осень —
Оставшуюся жизнь.

И зададим вопросы,
Что столько весен жгли,
И переждем все грозы,
И разожжем угли.

Ну, посмотри на небо —
Там я к тебе лечу,
Расстает в дым вся небыль —
Я этого хочу.

Откроется нам правда,
Что заменяет жизнь,
И вновь наступит завтра,
И не прервется нить.

Ты мой пророк пропавший,
Почти Христос и Бог,
Полжизни растерявши,
Найти себя не смог.

А я плыву по ветру
За дальний край Земли,
Твою любовь отвергну,
Ты больше не зови.

И сам за синим ветром
Серебряной пурги,
В погоне, метр за метром,
Свою любовь сожги.

24 февраля 2009 года (1-е)

* * *

Я зелье приворотное сварю,
Зажгу огонь и запалю лучину,
И вместе с нею навсегда сгорю,
И, наконец, увижу искаженную личину.

Ты так храбрился полюбить меня
И обещал все золотые кущи,
Однако не хватало яркого огня,
Ты день и ночь лишь только меня мучил.

Терпела век и целых восемь лет,
Ждала, когда в ручье вода сольется,
Но я дала навеки свой обет
И жаждала: вот счастье вознесется.

Не жил, а только лгал, —
Любовью не был озарен и мною,
И правды на дороге не искал,
И жизнь мне заслонял собою.

Все тщился жить тихонько, не бранясь,
Не делая шагов, что ритм мешают,
А на меня смотрел, и, вежливо клянясь,
Слова мне говорил, что сил лишают.

Ты не любил, ты ждал и вот — дождался!
Я не люблю тебя и тихо уступаю путь,
Но ты и здесь не вскрикнул, не взорвался,
Так, так тому и быть, пусть будет, пусть!

Я зелье выпью приворотное свое
И вряд ли встречу в небесах с тобою.
Уносит ветер одиночество мое,
И мир несется от меня — со мною.

24 февраля 2009 года (2-е)

Игры памяти

* * *

Рассыплются все звуки и слова
Осколками, обрывками обиды.
Последний вечер. Ты опять права,
И двери для меня опять закрыты.

Так сколько дней так будем горевать
О призрачной, давно минувшей доле?
И снова, как всегда, как завтра, ты опять
Спешишь лишить меня надежд на волю.

Зачем? Ну, чем я прогневил,
Чем зачерствил твою, из шелка, душу?
Я – русский, не изгой, не русофил, –
Держать ответ – нет, никогда не струшу.

И только ты, то плача, то крича,
До боли резкой ранишь и тревожишь.
В прекрасном гневе так ты горяча,
Но полюбить меня никак не сможешь.

Придумал! Листья отряхнув,
Смахнув слезы скупую мягкость,
Уйду, не оглянувшись и вздохнув,
Чтоб ощутить ногой слепую вязкость.

И мир рванется, погасив в душе
Мятущуюся ломкость старых хворей.
Ты где? Скучаешь ли уже
По красноватым всполохам пропавших зорей?

Как? — нет? А я-то думал, все, победа!
Но рано к торжествам спешил,
Ты упорхнула, нет и следа.
Я сердце вынул, боль свою зашил,

И так живу, невинно полагая,
Что путь к свободе дня меня открыт,
Я так люблю тебя, моя родная,
Ты, только ты — извечный мой родник.

16 марта 2009 года

* * *

Белоснежным лицом исчезаешь в тумане,
Эта синяя ночь здесь меня не достанет,
Не закружит, не спрячет, не задушит в объятьях,
Только тихо заплачет, сжимая в объятьях.

Улетят далеко и печаль, и везенье,
Сохранив на листке лишь строку сотворенья
Из такого нетленного сплава признаний,
Где цветы — обрамленье дешевых страданий,

Где поникшие розы — лишь дань умиленью,
Я еще сочиню свое стихотворенье,
Я еще расскажу о такой непогоде,
Что под стать чудесам, так созвучным природе.

Я создам из нетленного вороха песен
Один тихий мотив — он умчит в поднебесье,
Он скользнет мимо рощи, светлеющей рядом,
Уходи насовсем, и о грустном не надо.

Посмотри на лицо мое в пудре из зноя,
На патлатость волос — седину их не скроешь,
Посмотри на озябшие тонкие руки —
Они вынесли все, даже больше разлуки.

И еще оглянись на светлеющий тополь,
Скоро он полетит и раздастся мой вопль,
Что не снежным покровом меня закрывает,
А пушинками пуха — лишь неделя до мая,

Я УЕЗЖАЮ

Страдала, не любила, отрицала,
Себя не видела, все прорицала,
Ловила смех и грешность взгляда,
Когда тебя любить не надо.

Протанцевала лето, зиму, осень
И думала: у весен спросим,
Как быть, чтоб сердце не стучало
Так сильно, что душа кричала?

Так быстро овладела смутой
И суетной природой воли,
И кажется, что ты уже не мой
И не осилить пуда соли.

Куда все подевалось? Где зажглось
То пламя, что меня испепелило?
Где вздох? И в мире что стряслось?
И где любовь, где по краю — могилы?

Отдав все сборы детям и друзьям,
Я поспешу успеть на скорый поезд,
И он умчит меня, но вряд ли к вам
Не завязать узлом мой красный пояс.

А снова собираться в путь,
И поезд ждать, и все ловить машину,
В пути я разговееюсь — пусть,
И вдруг столкну, как нечисть, жизнь — махину.

И обращусь к судьбе, что непокорна,
Ее неистовость меня страшит,
Беру у жизни звук — почти у горла,
И слышу: душат, больно, аж першит.

Ну, отпустите погулять минутку,
Всмотреться в убывающий состав,
Всегдашний мой отъезд я превращаю в шутку,
До капельки последней жизнь отдав.

28 апреля 2009 года

* * *

Я отрекаюсь от себя,
Себе платя же неустойку,
Взлетаю, память теребя,
И жду, похожая на сойку.

И пью вино, и жду гаданья,
В себе себя не победив,
Готовлюсь вечером к прощанью,
Две пары фраз едва сцедив.

И слышу осени бренчанье
Сырых листов, что топчут зной,
И не дождусь уже венчанья,
И только вижу — ты не мой.

И клином журавлиным стая
Спешит покинуть этот дом,
В багряность осени вращая
И унося небесный гром.

Но осень памяти мешает
Сравнить, где лето и тепло,
А где зима подстерегает
И хладнокровно, и светло.

И этой осени мотивчик
Еще звенит в душе моей,
И ты идешь ко мне, счастливчик,
А я не помню слов уже,

А только снов очарованье,
И ветреность земных основ,
И запоздалость расставанья,
И горькую премудрость слов.

И, проплывая над Землею,
Оставив злобе зло дразнить,
Я мир тихонечко укрою,
Чтобы рассвет не разбудить.

И ты шагнешь в морскую ясность,
Чтоб вспоминать зимы мотив,
К судьбе извечную причастность
И неизбежный наш отлив.

29 апреля 2009 года

* * *

С судьбой играю — тебя не вижу,
Рассвет встречаю — судьбу не слышу,
Прощальным словом не награждаю,
Церковным звоном навек прощаю.

Раскатом грома душа бушует,
Кастратом воли лицо тушует,
И пахнет мятой так пряно, горько,
И я, распятый, на красной зорьке.

Как светел неба овал иссиний,
Мне б ввысь подняться, но я бессилен,
Мне б крикнуть громко, как мир прекрасен,
Но снова цепью к столбу привязан.

А так хотелось и петь, и плакать,
Тебя, цветущую, мять на закатах,
Нахально сдернуть флер из цветочков,
Лицом уткнуться в твои платочки,

И вдруг увидеть — еще не поздно —
Жизнь наступает совсем не грозно,
И где-то рядом плывут туманы,
А мы от счастья все так же пьяны,

Нам сняться птицы и даль морская,
И можем взвиться, ширь рассекая,
И оторваться от пут ненастья,
Порвать все цепи — навстречу счастью —

И позабыться, и вспомнить солнце,
Что тайну прячет на самом донце,
Что обжигает и плавит спину,
Я жить не буду, очнусь и сгину.

И вдаль отправлюсь, но не распятый,
А нежный, юный, смешно косматый.
И распахнутся ворота рая,
Там сны гуляют — уж я-то знаю!

Распят не буду, в цепях не связан
И не к столбу из хвои стою привязан,
Я горд собою, легко взлетаю,
Лечу и тихо, тихонько таю.

И вижу остров, где дом остался,
Я жил и не жил, а лишь скитался,
Казался нищим, горел с судьбою,
Но пьян был горько одной тобою.

Мне все казалось, вот-вот подстрелят
И тайны знаков везде расстелят,
Догонят, свяжут, к столбу привяжут,
И будет целить вверх кто-то важный.

И выстрел грохнет, и пуля выйдет,
Меня, хмельного, по капле выпьет,
Уже оглохшего, почти догонит,
Но солнце выйдет, меня схоронит,

И лишь на грядке, где зелень бьется,
Моя свобода опять зажжется,
И станет ясно: нет, я не умер,
А значит, путь мой совсем безлунен,

А значит, сердце еще стучится,
И тают мысли, взлетают птицы.

9 мая 2009 года

ТИХО

Как тоненько тоскует скрипка,
Как отцветает синь цветка,
И как таинственна улыбка,
И дверь стучит совсем слегка.

И по тропинке раскаленной
Идешь ты тихо, чуть дыша,
И цапли клекот монотонный,
И снова светится душа.

Зажгут фонарь неторопливо,
Угаснет солнце наконец,
И расторопно, и счастливо
Забьются тысячи сердец.

И пропоют нескладно песню
О том, как тих был тихий сад
И как из дальнего предместья
Вернулся мой беглец назад.

И как он пылко объяснялся,
Старался все слова сказать,
А после – тихо попрощался,
Осталось боль лишь осязать.

А те пятнадцать тысяч скрипок,
А после – столько же сердец –
Взывали к миру, что так гибок,
И пали разом наконец.

И только старенькая скрипка,
Давно привыкшая молчать,
Увидела одну ошибку
И захотела закричать

О том неистовом пожаре,
Что пережег все изнутри,
И бесконечном ожиданьи,
Где даже лед, и тот горит.

О том, что и ее заметят,
И согласятся пригласить,
И жизнь, попавшуюся в сети,
Вдруг захотят благословить.

И к ней фагот еще вернется,
И тысячи сердец споют,
Так мотыльки в огонь ворвутся,
И не наступит Страшный суд.

И тихо по смычку вздыхая,
Споет та скрипка о былом
И, к памяти своей взывая,
Вдруг улыбнется: был ли он?

12 мая 2009 года

* * *

Возвращаясь в свиденья,
Мне тебя не возвратить,
Отвожу долой сомненья —
Остается лишь любить.

Остается память мерить
На начало и конец
И весною каждой верить,
Что герой мой — молодец.

Что, запаздывая в осень,
Он прибудет налегке
И меня, конечно, спросит,
Как жила я вдалеке.

Как жила в разлуке тесной,
Как любила, берегла,
Как старалась быть известной,
Как надежду стерегла.

Как к печальному причалу
Приходила день и ночь,
И все плакала, молчала
И гнала злословье прочь.

Чтоб по осени, что стихнет,
И начнется колдовство,
Боль разлуки не проникнет,
И разгонит бесовство.

И в осенние печали
Я войду, как в тихий сад.
Просто вы всегда молчали,
Я ловила только взгляд.

Только горькое мгновенье,
Где заметна тень у глаз,
Только сила ударенья,
Чтобы свет светил, не гас.

Чтоб небесная картина
С полуглавою луной
Не пропала, а искрила,
Дождь чтоб лился проливной.

И тогда простая ясность,
Что на свете нет тревог,
Вспыхнет ярко и погаснет,
Провожая за порог

Все ненастья, все кручины,
Все заботы и дела,
И на свете все мужчины
Остаются без меня.

14 мая 2009 года

* * *

Расставив все акценты по углам
И разместив по полочкам мотивы,
Шагаю в осень, в небо, прямо к вам,
Чтоб оттянуть любви приливы.

Прочтя у Данте двести строк сонетов,
Поняв, что ад превыше рая самого,
Избегну зла, чтоб, кроме злых наветов,
Не видеть дна и рая — ничего.

Спросив у длинной ночи, что есть числа,
Прогнуться и упасть, и стать певцом,
И видеть только луч, где радуга повисла,
И мнить себя не Богом, а скворцом.

И петь легко и громко «Илиаду»,
Гомеру поклонясь и вторя снам,
Не побояться перейти преграду
И поклониться юным божествам.

Застигнуть у молвы ее длиннот размеры,
Слететь со скал, услышать шум травы,
Увидеть у земли бескрайние пределы
И твердо знать — нет более молвы.

Она не обожжет стареющего чувства,
Не вступит в бой, не защитит права,
Она умрет на ложе у искусства
И не услышит скорбные слова.

И только сбитой шляпой прикрывая
Седеющий висок измученного лба,
Я миру всякий раз надменно открываю,
Что нет наездника, а все идет арба.

16 мая 2009 года (1-е)

* * *

Нарушив договор о сдаче крови,
Я медленно спешил к родным краям
И видел аиста над нашей кровлей
И сизый дым, скользящий по углам.

И слышал запах брошенного чувства
И синеватый дым, что, скошенный, скользил,
И понимал, нет более искусства,
А только невод есть, но более нет сил.

Я кровь отдам и так — без звона меди,
Без окриков и просьб, как пилигрим,
И так понятно, что я очень беден
И только стер свой застарелый грим.

Смеркалось на душе и дуло зноем,
Хотелось пить, но не было воды,
И шел не только я за водопоем,
Никто не знал о близости беды.

Никто не ведал, что под самой крышей
Двуглавая живет любовь,
Не знал и я и только крался тише
И наступал на грабли вновь и вновь.

И так боялся отпугнуть идущих,
Запутавших следы измученных рабов,
Слепых и слабых, но еще живущих,
Еще не обернувшихся в попов.

А я-то знал, что, кровь не сдав, усохну,
Не выпив горькую, тебя не повстречав,
И на корню до доньшка промокну,
И не увижу белый свой причал.

А так хотелось растревожить мертвых,
Что тихо спят, о жизни позабыв,
И вереница их могилочек ровных
Томит и манит, грустью озарив.

Молчи, о грусть, и не дари упреков,
Не целься тихо в запотевшую листву,
Я жив и цел и кровь свою по крохам
Отдам и так и вечность разорву.

И позабуду зло, что шлюзы перекрыло,
И отворю мосты, и свечи засвечу,
Взлечу в синь неба легким и бескрылым
И кровью дань я жизни заплачу.

16 мая 2009 года (2-е)

* * *

Я книгу старую возьму, зажгу свечу
и научусь читать,
Открою дверь в веселую страну
и стану прошлое считать.
И так войду в азартное занятие, что не замечу,
как настанет ночь,
Как птицы перепрячутся на счастье, и я сгоню
усталость прочь.

И книга старая расскажет о событье,
Где бабушка умела ворожить
И говорила всем, как об открытье,
Что лучше в мире жить и не тужить.

Не трогать бедных, не бросать больных,
Давать взаймы и не копить обиды,
И главное — стараться всех любить,
Пусть даже двери на замок закрыты.

Плела та бабушка свои узлы,
И нитки на изнанке обрезала,
И призывала видеть только в цвете сны,
И мир души тихонько создавала.

И так катилась тихо жизнь,
Когда уроки старой бабки не сгодились,
И падала всегда я только вниз,
Где ниточки узлов едва сходились.

Где темень ночи и покатошь крыш
Служили не опорой, а накатом,
Где жизнь оставила в подарок шиш
И слава висла брошенным канатом.

Где стаи птиц не для тебя поют,
Рассветы запечалились от горя,
А боль и горе в горькую поют
И дует горький ветер с моря.

21 мая 2009 года (1-е)

* * *

Я Родине махну рукой,
Засяду за роман и буду ждать рассвета,
Когда стада пойдут на водопой,
Сойдет туман и час придет поэта.

И стихнет мир, и загорятся свечи,
Утраты перестанут доносить,
И мы закаты пир в веселый яркий вечер,
И славы не придется занимать.

А Родина лукаво улыбнется,
Вздохнет свободно, руку протянув,
И занимать любовь мне больше не придется,
Я жизнь вдохну, ее не обманув.

Роман закончу, перечту страницы
И напоследок сяду горевать
О том, что не услышат мой рассказ синицы
И вряд ли стоит дальше сочинять.

Сошлюсь на наступленье стужи,
Зимы и ветра, близких холодов,
И затяну свой пояс туже,
И буду ждать совсем других годов.

Но тихо наступленье их внимая,
Я с горечью пойму: со мной беда,
Я все иду к тебе, бескрылая, нагая,
И знаю про себя, что я – не та,

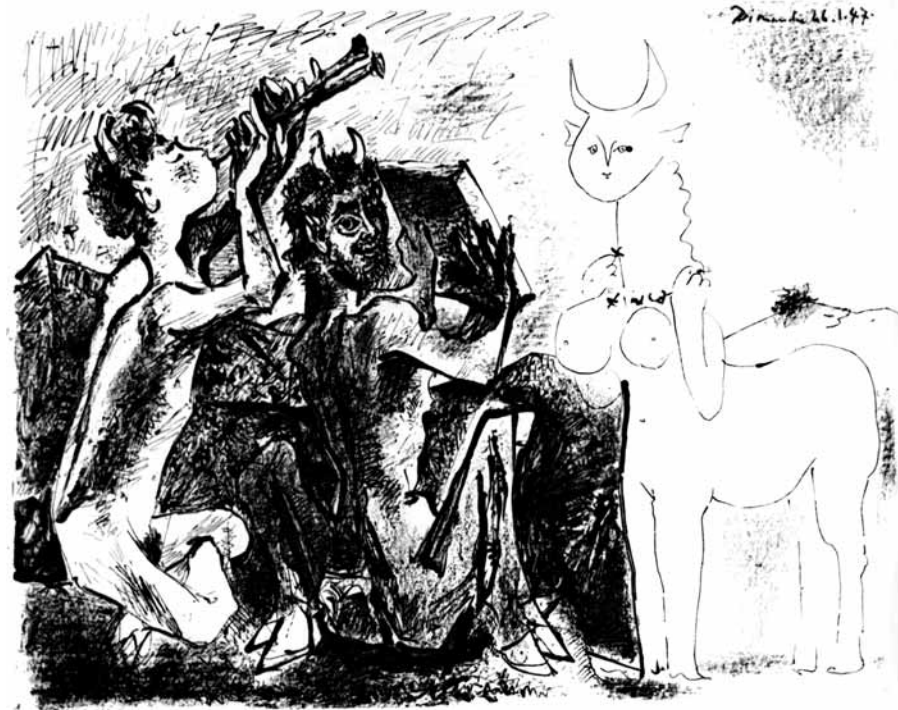
Не ты ждешь, рассыпав все страницы
Романа моего у синих птиц.
Я сочиняю только небылицы,
Потом сжигаю их и опускаюсь ниц.

Клонюсь к тебе и долго, и нелепо
И все пытаюсь вызнать твой секрет,
Когда идешь за мною слепо,
Хоть не обласкан мной и не согрет.

Так дай, Господь, тебе души здоровья,
Уверенных шагов и ярости броска,
Я припадаю низко к изголовью
И ставлю точку кончиком носка.

21 мая 2009 года (2-е)

Выстрелы под луной

КОГДА-ТО

Расстрельный звук спешит занять пространство,
Мечте не вняв, забросив чудеса.
Ему не жить в союзе с постоянством,
Он ввысь летит в седые небеса.

А память растревоженно смолкает,
Уже не ропщет, что колдунья-ворожба
У синего ручья заманчиво мелькает
И растворяется, насмешливо ворча.

И меркнет свет, и в сон клонит округу,
И конский взвизг, и лай ночной собак —
Все приготовилось встречать подругу,
Но сил идти за нею нет — я весь иссяк.

И только вспоминаю, как когда-то,
Когда ни сон иль явь, а ночь почти спала,
Я приготовился отметить дату,
Хлебнув за здравие зеленого вина.

И в этой дате не нашлось мне места —
Ты не пришла, и я напрасно ждал.
Привиделось, что ты — моя невеста,
И мысли тайные я дальше гнал и гнал.

Какое чудо — поклоняться звездам,
Когда любовь бушует — плачь или не плачь —
Но встретил я тебя уж слишком поздно,
И вдруг подумалось, что ум мой — мой палач.

Все режет по живому острой бритвой
По краешку судьбы, по воле, по лицу,
Закончу передел я мира битвой,
Где проигравший равен подлецу.

И успокоюсь, заглянув за звезды,
Услышу тихий лай и ржание коня,
И не покажется седая жизнь мне грозной,
И сам скажу: забудьте про меня.

8 июня 2009 года

* * *

Встревоженно смотрю вперед
И медленно и гордо воскресаю.
Вдоль вереницей – чередя забот,
А я на ниточке безмолвно зависаю.

Передо мной – не поле, а судьба,
Не лес и горы, а равнина боли,
И тянется к порогу ворожба,
И я тебя изжить не волен.

И все смотрю, надежде вопреки,
На воскресенье тайного начала,
А реки и не так уж глубоки,
А я все в поисках надежного причала.

Ты сможешь ли меня понять?
Узнать по шороху мою походку?
И накрепко в порыве сил обнять,
И не стремиться удержать находку?

Смотри, я все узнаю наперед,
Назло тебе и, правда, вдруг воскресну,
И мы столкнемся вечером – почти что в лоб,
И я по лбу тебя легонько тресну.

Я засмеюсь и сяду в нашу лодку,
Чтоб плыть в края, где б не было зимы,
Где год от года только вьется робко
Удача из проталинок весны.

Где соловей тихонько запеваёт
И где нет вьюг, одна стоит весна,
И ты меня уже не зазываешь,
А только распяляешь докрасна.

И тихо стелется пугливый тополь,
И слово дерзкое слетает с губ,
Прости, я был с тобой так робок,
И ты любовь мою разбила в белый пух.

И все, я вправду воскресаю,
И не топчу былых надежд,
И на любви безмолвно зависаю
Без грима, украшений, без одежд.

10 июня 2009 года

* * *

Все колокольчики звенят у изголовья,
Все тянет запахом весны по вечерам,
Я вспомнила старинное присловье,
И старый стол, и в доме тарарам.

Ты в дом вошел беспечно, наудачу,
Не думая, как встречу я тебя,
Я и теперь не вспомню, не заплачу,
Так постою, застенки беребя.

И только улетая рано утром
В густой туман, что встал, как часовой,
Рассыплю бусинки веселым перламутром
И растворюсь, и обернусь совой.

И стану вновь невидимой для глаза,
Для осязанья, обладанья, для любви.
Я не боюсь ни шороха, ни мглы, ни сглаза,
Смотри внимательно и нить не оборви,

Что держит в западне меня, зазнайку,
Раскачивая взад-вперед, на ниточке вися,
Сто первую опять расскажешь байку,
О милости меня, незрячую, прося.

И я помилую легко и беззаботно,
Взлечу над пропастью и ниточку порву,
Мне рядом жить подобно эшафоту,
Стеречь оставляю за себя молву.

И распрощаюсь, и вздохну свободно,
И в сумерки сумею улететь,
И заодно пойму, что можно беззаботно
И жить, и падать, и внезапно умереть.

11 июня 2009 года

ГАМЛЕТ

Давали Гамлета.
Я был наивен, полагал, я так смогу.
Не смог, не мудрствуя лукаво, ничего.
Ни вызвать на дуэль, ни разлюбить,
Ни ненавидеть.
Я только лгал, как можно, сам себе.

А датский принц так мучился на сцене,
Коварству вопреки, все силясь полюбить,
Но легче было ненавидеть, по краешку ходить.
Однако все иллюзии у принца
Тонули в сумерках презренья и обид:
Лаэрт не понял, мать пошла к венцу,
Офелия совсем слаба рассудком
Что давит и тревожит грудь?
Когда сорвут те незабудки,
Что запросто нам выстилают путь?
Обидно, боль за сердце держит
И дразнит, воплощение суля.

Но, даже встав из склепа,
Расстревожив мертвых,
Убив друзей, ничтожество поправ,
Нельзя найти отдушину в дому,
В том царстве, что любовь предвосхищает.
О, бедный Йорик! В чем твоя награда?
Где истина и где печаль?
Чему ты день и ночь
Стремишься преклонить колена?

С кем спишь и делишь стол?
Ни с кем.
Вот в чем вопрос.
И бытие лихого, вольного сознания
Невольно вырастает в абсолют.
Так быть ли?
С кем?
Ах, не с кем?!
Так и живи, дожевывая свой пирог.
А был бы день ни хмур и сер,
А светел и прекрасен,
Тогда бы вольную бы спел,
И пережег мосты,
И бросил вожжи тем,
Кто догоняет,
Кто тщится доскакать
До краешка черты,
Где дом и свет
И честь где не роняют,
А исполняют истины завет.

Усни, мой Гамлет,
Принц из рода нищих,
Что создал сам себя.
Ничтожность окруженья убивает,
Так не молчи, заздравную хваля.
Не про тебя ли прокричал наемни
Веселый голосок на ветке воробья?
Он, как глухарь, как ты — почти что нищий,
Хоть по замашкам — чистый жид,
Сидящий у ручья.

Но как поет! Почти по-птичьи,
Почти похож на соловья
Все верно — здесь главное — почти.
Ему не стать поэтом,
Не разбудить влюбленных,
Тех, что лежат, обнявшись, на песке,
Он как глухарь: токует, слов не зная,
Как и не видит ничего вокруг.
Повсюду крошки!
Это — для него.
Не узнаешь? Нет, то не про тебя,
Скорей, про свиту.

Спи, не буди скорбей великих путь,
И пусть рассказывает миру,
Что где-то, как-нибудь,
Но не теперь, а скоро
Родится новый мир, где Йорик,
Быть может, даст ответ
О смысле бытия.

Так быть ли? С кем? И почему — вопрос,
И задаваться будет вечно.
Так неужели так беспечно
Отстанет тайна поносить молитвы!
Окститесь, чьи вы? Кто на погребях?
Быть или не быть?
Вопрос для пьяных.
Трезвый навсегда отринул этот жест,
Ему — хоть что, он все на свете видит,
Еду ругает, про любовь поет.

Он будет жить и так,
Судьбе не докучая,
Пока что пьяный в бок не пропоет:
Быть! Быть! Конечно, быть!
И наплевать — зачем, кому
И так ли нужно Богу?
Пойдем, успеем же в свою берлогу,
И зададимся горькую лакать.
Тебе меня не знать.
Я сам, как трезвый олух: глух и нем.
И не хочу вопросом страшным задаваться,
Не перечту тебе своих измен,
Мне б только в карты отыграться.

Прощай, мой принц,
С тобой я не расстанусь
И не отважусь откупить права.
На что?
На то, как быть
И быть ли в мире?
Хворать, смердеть, любить,
Не подпевать лазурной лире?
Что смута и мечта,
И долгих рек замеры? —
Всё жгут меня дотла,
И все не знают меры.

Пока, теперь уж знаю — всё!..
Навек оставляю я твои химеры
И к призракам помчусь —
Там нет ни пьяных, ни вождей —

Одни проказы.
Ах, брось и ты такую хрень, заразу —
Мечтания свои,
И полезай ко мне —
Так мигом улетим,
Хотя б до первого, до слезу,
И сядем у реки.
И успокоимся, и станем ворковать
И ждать прихода нищих.
А то, что стать нам кем-то иль не стать —
Придет черед и взыщем.

Ты понял? Ухожу
И больше не гонюсь за драмой,
Я понял: за тобой не услезу
И только изувечу рану.

Мой друг, мой враг,
Мой Гамлет, мой герой,
Я ничего не вижу в закоулках.
Наверно, я теперь слепой,
Но так и быть, я все еще живой
И, Бог даст, встречу как-нибудь
С тобою на прогулках.

21 июня 2009 года

ТРЕПЛЕВ

Ну, Треплев, прекрати стрелять!
Зачем так жизнью наслаждаться
И бесконечно ждать?
Чего тебе жестоко не хватает?
Где боль твоя, вина?
Зачем расчетливо подстерегает
И требует вина?
Вина?! Как много в этом звуке
Для сердца русского сошлось,
Как много здесь отоспалось,
Сорвалось, вынеслось наружу
Это — в стужу? Бог мой,
Что делается с нами?
Зачем бежим бегом с чертями
Отважно, напролом, бегом?
Зачем? Опять одни вопросы.
Тебе, герой мой, ум не перетрут.
Они, скорей, дадут самой,
Чем уничтожат переделки.

Ты помнишь Нину,
Ту, что сбежала,
Затем рожала, балериной стала?
Помнишь? Я же — нет.
Давно, бессчетно лет и весен
Так быстро пронеслось,
Что помню только, не спалось,
А, стало быть, дрова в камине
Слегка дрожали, набирая пыл.

Ты жив? По жизни не тужил?
Давай у Господа про то не спросим,
Грешно, поверь, то так грешно.
А Нина обращалась к нам,
Да-да, по поводу рассудка,
Но, даже если б не было побудки
И львы с орлами продолжали спать,
Ты выбрал бы беду опять
И снова стал стреляться.
Помилуй, матушка твоя
Кричит неистово, к мольбам взывая,
Расхристанна, почти нагая,
Все ищет сына среди живых.
Один лишь жмых, и тот опасен,
Противен, сер и безучастен.
Ты слышишь, Треплев?
Аура твоя так не похожа,
Так дивно спалена,
Что треплется почти по ветру.
Тебе пойдет берет из фетра
И игры — взял ферзя?
Бери, бери побольше,
Дамок больше нет, коли мне шахом.
Спишь? Да будет, пробудись,
Пройдись хоть шагом.

Орлы и куропатки, да, еще олени
И как тебе пришло такое?
Ты ум хоть брал с собою побережь?
А-а, нет его совсем?
Да-да, я понял, нет так нет,

Что ж делать!
Что беречь тому и то,
Что быть не может?
Пуускай Всевышний так тебе поможет,
Что неба синь поспорит с колокольней.
Мне жить везет почти привольно.
Я сам намедни так решил.

Хорош стрелять! Уж надоело!
Займись в учении пробелом
И научись писать.
Вот так-то лучше.
А то: «Я был обучен, награжден», —
Смеешься, право?
Ты просто в ссудный день введен,
И прекрати смотреть направо.
Ну, ладно, просто рифме дань —
Моя невольная проказа.
А ты плати искусством дань
И поверяй любви наказы.

Естественно, я так шучу,
Тебе, изволь смотреть, перечу,
Но я о Родине грущу
И ниточку судьбы едва замечу.
Простимся? Сядем у дверей?
Помолимся и отдадим швартовы?
Затянем пояса сильней
И — ну гулять по всем фартовым.
Тебе невнятен мой язык?

И Чехов вряд ли постарался
Заметить красный твой башлык —
И так уж вдоволь нахлебался.
Ты — принц, почти что голубой,
Нет-нет, кровей, зачем намеки?
И ты с годами все милей,
И ни к чему теперь упреки.

Усни, не гневайся. Ты стар не по годам.
Какая радость привыкать к чужбине?
Я всю тебе вселенную отдам
И уложу в сырой ложбине.
Ты сам хотел. Но вряд ли смог
Дойти до краешка в кривом рассудке.
Нажал — курок — два дула — занемог, —
И все — закончились любви и слухов утки.

Прощай, тебя я не люблю,
Как выстрелов твоих упрямство.
Я только норов твой хвалю,
Приверженность стиху — в ней постоянство.
Ты тоже принц и волен сам страдать,
Себе же сократив уроки,
И вольную всем братцам передать,
И схлопотать навек упреки.
Прощай, к тебе я больше не ходок
И видеть слабоумье не намерен,
Я горд и счастлив, я — игрок.
И век мой до конца промерен.

22 июня 2009 года (1-е)

ВРЕМЯ

Время мчится, время плачет,
Что же делать — ночь — невмочь,
Что за мной все время скачет
И не может мне помочь?
Время лечит зло, заразу,
И крапивницу, и боль,
Только б лучше все и сразу,
И на меньше — нет, изволь.
Пробегаёт поминутно
По спине, бежит к ногам,
Кто там ждет меня под утро?
Нет, не сдамся я врагам.
Лучше в тихом поле лягу,
Пропою свою любовь,
И, надеясь на отвагу,
Ты придешь под утро вновь.
Только время хворостиной
Погоняет, хоть я стар,
Пожалей меня, судьбина,
От нашествия татар.
Время ляжет на бумагу,
Отстоится в тишине,
И забудет про отвагу,
И соврет тебе и мне
Про немислимые роши,
Про былинные края,
Что же ты все время ропщешь?

Хочешь знать? — Я не твоя.
Я послушная тигрица,
Леопардова сестра,
Приходи ко мне делиться —
Я спалила все дотла.
Тут и ясень с цветоцветом,
И крыжовник, и ольха,
Все осыпалось тем летом,
Стала я совсем стара.
Но, сквозь зиму пробираясь
И весне поставив нос,
Я на лето просыпаюсь —
Поцелуй меня всерьез.
И опять я стану смелой,
Стану с временем дружить,
А тебя посыплю мелом,
Чтоб о жизни не тужить.

22 июня 2009 года (2-е)

* * *

Я слышу голос вдалеке,
Причудливый и странный,
Он — словно путник налегке —
Идет, такой желанный.
А голос ширится, растет,
Становится роднее,
А боль моя все ждет и ждет,
И я совсем слабею.

—

Я слышу голос —
Это я болен,
Я слышу возглас-
Это я твержу,
Что сам себя я не жалею
И только в пустоту ворчу.

25 июня 2009 года

* * *

Шопеновской строкой
Признаюсь в постоянстве,
Истаю насовсем
И превращусь в ничто,
Замечу, как гудит
Отторгнутое пьянство
И как уходит ввысь
Мой возглас ни про что.

Какое наважденье петь
О горестном безумье,
Когда растает лед
И потекут снега.
Как вечна моя песнь
О вечном полнолунье
В движении вперед,
Где мчит моя река.

И все вокруг — мое,
И эта синь без края,
И ласточкин полет,
И сосны в темноте,
И я иду к тебе
Совсем-совсем нагая
И вижу сон про то,
Как прежде, налегке
Мы также вот легко
Сходились в легком танце,

Где таяли снега
И раскалялся лед,
Где все нам дни судьбы
Беспечными казались,
И наступал черед,
Где снова таял лед.
Так где же ты теперь,
Зачем молчишь, мой мальчик,
Мой рыцарь и поэт,
Мятежный дух и сон?
Зачем твоя строка
Не шелестит меж пальцев,
Остался только стон.
Двенадцатый этюд
Не обожжет слеза,
А легкий аттитюд
Растает синим гляncем,
Как вечная стезя,
Как мой беспечный сон.

8 июля 2009 года

Бриз и танцующие птицы

ПРИТЧА ПРО ПТИЦУ

Город не спал, трудился,
Под утро мне сон приснился:
Я в гору едва взбирался,
Все медлил и с силами собирался.
А в утренней мгле тумана
Косилась большая яма,
Ее солевые откосы
Манили, там пахли розы.
И смутно — под стать причудам,
Но я не верю в чудо,
Я только шел еле-еле,
Хоть много шагов до цели.
Вдруг птица, вспорхнув, запела,
А мне-то совсем нет дела,
Как выше взобраться к круче,
Стать доблестным и могучим,
Я лишь одно понимаю,
Что, сонный, тебя теряю.
Что на вершине кручи
Не стать мне большим и могучим,
И тянет большая сила
Все вниз, к ослабевшим, сирым,
Все сказки хмельные шепчет.
Я ж только гляжу: чет — нечет,
Прости, мол, горькая доля,
Что вниз отойти я не волен,
Что вверх мне подняться надо,
И там, напоенный ядом,

Я вздрогну и осознаю,
Что жизнь без тебя потеряю,
Что есть вершины и круче,
А я все стою выше тучи
И сам про себя понимаю,
Что нет на вершине рая.
Как нет его и в помине,
И тянет тоска по чужбине,
И красный мой край суровый
Стоит, как я сам, чернобровый.
Но я его позабуду
И вниз спускаться не буду,
И так поселюсь у точки,
Где сходятся все отсрочки,
Где сколы глубокой ямы
Так манят, жемчужно-пьяны,
Так щемит тоска по доле
Моей, оброненной в поле
И так и не найденной ночью,
Не плачь и любовь не пророчь мне,
И слезы утри, я же вижу,
Ты думала, я ненавижу,
А я лишь любил до смерти
Теперь уж чего? — поверьте,
Сожгите меня живого,
Могучего, грозowego,
И долго сдувайте пепел,
Я ж сдался, пропал мой репер.
И в преисподне слова
Я увидел суровый

Черный твой взгляд из вишен,
Но я был уже не слышен.
И, улетаю вдаль белого неба,
Тебе передам свою небыль,
А ты соберешь незабудки,
Присядешь у старенькой будки
И будешь ждать возвращенья.
Какой там? — Одно восхищенье!
И улетаю все дальше и дальше
Твоя золотая чаща.
И я помашу оттуда,
Рванусь во всю ширь и удаль,
Но до тебя не дотронусь,
А только спою и тронусь
В далекое дальнее эхо,
Где прополочет вехой
Одна дорогая особа,
И путь у нее особый.
Прощай, моя бедная птица,
Прости мне мои небылицы,
Я скоро вернусь, обещаю,
И вместе отправимся к раю.

10 июля 2009 года

РАЗМЫШЛЕНИЕ О МЩЕНИИ

Как много дней, как много дней
Я ожидаю часа чуда,
Когда приветствовать не буду,
А только прикоснусь к тебе.
Но, полно, знаю, быть беде,
И не спугнуть зеленой точки,
Два синих глаза — плачет дочка,
И смотрит строго исподлобья,
Я где-то рядом, в изголовье.

Как много дней прошло с той ночи,
Когда вот так же, беспорочен,
Я шел к тебе на край селенья,
И пахло злом, и пахло тленьем,
И я нарочно улыбался,
С тобой почти что попрощался,
И только взгляд твой отрешенный
Не смог простить — я несмышленный.
Так дни и ночи ночевали,
Меня, незрячего, пытали,
Ко мне стремились обратиться,
Я врал им: знал ведь, где напиток
И где собрать в кулак всю влагу,
Но сил уж нет, дай я прилягу,
Увижу в небе темно-синем
Одни лучи, нет, я бессилен,
И нет во мне ни тени ночи,
И слез не слышу больше дочки,

А только медленно, медово
Дышу в раздолье снова, снова
И вижу образ твой печальный,
Тебя как средоточье тайны,
Что лишь одна все зрит и метит,
И глупость тайную на свете
Скрывает, нас не посвящая.
Ты ждешь еще? Я знаю, знаю.
Сквозь дым, застылые туманы
Приди скорей, я стану пьяным
И захочу обнять и плакать,
И не винить, а видеть благодать,
И ощущать, что мир прекрасен,
Как образ твой, хоть он опасен.
Он все нашептывает тихо,
Как жизнь лишь обернется лихом,
Как под покровом тайным ночи
Сырая мгла нас обхохочет
И не захочет поделиться —
Раздать огня, воды напиток,
А только говорить о драме,
Прокуренной от слез по маме,
По сигаретной, тошнотворной
Опале — нет, не рукотворной,
Просить достать хоть грамм участия,
Разбить в осколки дозы счастья
И притвориться повзрослевшим,
Увидеть мир похорошевшим,
Забиться в тихую каморку
И ждать годами отговорку

На невозможность примиренья,
Святого слова искупленья,
На долгое твоё прощенье,
Какой я дурень: жаждал мщенья!
Но свет погас, угасли ночи,
И неба луч мне напророчит
Одно лишь слово в заверенье:
Я умер — жажду озаренья
На ясность мира и отраду,
На быстрое крыло награду,
На то, что всё ещё возможно,
Лишь сделай шаг неосторожный
И распознай в искусстве слова —
Отнюдь не брошено сурово —
Одно единственное нечто.
Как звать его? — Почти беспечно.
Я наугад его тревожу,
Беру за кисть — я здесь прохожий,
И в незащитном оборванце
Вдруг вижу ясный призрак танца,
И поминай его как звали,
Я пью вино — оно из стали —
И нежно образы рисую,
И знаю сам, как сам рискую,
И вижу в темном небе точку:
Там снова плачет моя дочка,
И круг прокручивает снова,
И понимаю, что основа
Совсем не там, где метит метка,
А далеко — там нет отметки,

Там тишь и гладь, и боль обмана,
И признак сиплого тумана,
И все богатства ощущений —
Все тают, тают — нету мщенья.

11 июля 2009 года

* * *

Погожею январскою погодкой
Я приплыву под вьюгу в лодке
И изменю стереотипы зим.
Это когда-то я любил,
А нынче все пурга одолевает
И время потихоньку застигает
Мой старый дом, и лодку, и судьбу.
Ты ждешь? Напрасно, я уже не жду,
А только так, порой читаю,
Барханы и шелка не замечаю
И думку думаю про радости любви.
Не трогай нить, смотри, не оборви,
А только трогай мягкий шелк из складок,
И путь твой будет безусловно гладок,
И перестанут докучать певцы,
Они причуд моих ловцы.
Ну как же? — то зима, а то барханы —
Не взять мне логикой седого хана,
Что запросто склонился над Невой
И ждет-пождет: наступит ли покой,
Что уши замыкает тишиною,
Что жжет мосты из ожиданий, грез,
И удивляется надеждой и весною,
И отвергает прочь нашествие из слез.
Я так хотел приплыть в том мае и зимою,
И в непогоду, в зной, когда блестят снега,
Ты подожди, лицо твое умою,
И снова озарится белая река.

Пойдем гулять — вон, вишни заалели,
Какая тишина в барханах у долин!
Но шаг шагнуть мы так и не сумели —
Дарил ли я любовь, иль не дарил.
Мысль вязнет, тонет в закоулках,
Твоя любовь меня грозит убить,
Но я — не ты, твой бывший урка.
И я могу лишь ждать, надеяться, любить.

Прости меня, моя из вишен яркость,
Моя надежда в лепестках из роз.
Ты — жизнь моя, и это — моя данность,
И это принимай взаправду и всерьез.
Ты слышишь, как звенит под дверью колокольчик?
Как снег валит почти десятый год?
Как я стою в ночи, как одинокий дольщик?
И песнь свою опять заводит кот?
Ну что тебе барханы и колючки —
Другая есть природа и судьба,
Пора бы перестать казаться злючкой,
А только знать: есть верная тропа.

Пройдемся по твоим утраченным барханам,
Набросим шелком русские луга,
Я обернусь опять узбекским ханом.
Не веришь? — вот тебе моя рука.
Не медли, соглашайся, лодка — в поле,
И снова снег идет, и снова мой февраль,
Не нужно мне иной, хотя и лучшей доли,
Я кутаюсь в снега и знаю, что я враль.

12 июля 2009 года

* * *

На кладбище покой, который чист и вечен,
И тихо льется дождь, и облетает лист,
И я пришел к тебе, безус и юн, беспечен,
Похожий на щегла, в душе почти артист.

Как призрачный туман,
Как поводы к разлуке,
Как вечный караван,
Что множит версты скуки,
Как та моя печаль,
Что обернулась ложью,
И стертая скрижаль,
Что истины моложе
Да что перечислять?
Я сам к себе придрался,
Пора залечь и спать,
Но я к тебе прокрался
И обольстил опять,
И ложе прохудилось,
И струи потекли,
И крыша обвалилась.
Но ты спала, спала,
Не видя и не слыша,
Ты чуда все ждала,
А то гремела крыша
Любимая моя,
Мой первомайский полдень,
Я расстрелял себя,
Тебе я не угоден.

Ты спи в своей тиши
И не зови удачу,
К весне лишь поспеши
И не бери на сдачу
Соленый терпкий хлеб
И горсти белой соли.
Я не здоров, я слеп,
Но в преизбытке воли.
И я хочу сказать
Тебе два чудных слова:
Стань иволгой опять,
Любовь захватит снова
И снова отзовет
В свои пространства сада,
Ты помни обо мне,
То я иду из ада,
Я так любил тебя
И думал, это вечно,
Но я убил тебя
И снова обесчестен.

На кладбище темно,
И белый крест томится,
Но на душе светло,
И мне пора родиться.

14 июля 2009 года

* * *

На кладбище дух чист и светел,
Молва молчит, я неприметен,
И, кажется, мир погрузился в сон.
Но как же осторожен он,
Тот избранный, причуд наставник,
Щедрот и глупостей исправник,
Мой дивный мир.
Молчи, кладбище!
Я, может, впрямь уйду на днище
И замолчу совсем.
Но радость позднюю вскрывая,
К тебе я обращаю взор, родная,
И все боюсь успеть
Тебя увидеть, обомлеть,
И, дружбой дорожа,
Проделать путь — себе дороже.
Ты спишь на серебристом ложе?
Я все еще боюсь.
К тебе без звука устремлюсь
И, памятуя об искусе,
В забвенье погружусь.
Не трусь, мне страшно тоже,
И, если буду я моложе
И победить сумею дух,
Что глубже и надежней расположен,
Согласен тут же испустить я дух.
Но это все лукавство слова,
На деле же ты просто не готова

Забвения сна лишиться вдруг,
Поверить жизни, сбить испуг
И воле чувств отдаться снова.
Возьми же, вот моя основа —
Под стать из габра иссиним крестам.
Ты не молчи, я все тебе отдам,
Но лишь бы оказаться рядом,
И ты сожжешь меня зеленым взглядом,
И лягу я к твоим ногам,
И успокоюсь недопитым ядом.
Усну и притворюсь убитым,
Растерзанным, вконец забитым —
Ну, хоть сейчас — к тем габровским крестам.
Поверь же мне, тебя я не предам,
А только нежно дню поддамся,
И позову его, и сдамся,
И буду век к тебе стремиться,
Твоей красой желать умыться
И постараться жить.
Но гаснет день и мне — тужить
И не дожидаться синей зорьки,
Смотреть наверх — ну где же сойка?
И беспрестанно слушать речи,
В которых сам себе перечу,
И прекращаю спор, и снова спорю,
И зазываю тебя к морю,
Тебя, вишневою мою.
Не бойся, сам я не умру,
А только растревожу звуки,
Что все зовут меня к разлуке

И призывают лгать
И обещают не прощаться,
А только жизни дожидаться,
Томиться, обещать и ждать.
Ты примешь ли меня опять?
И замолчишь, и заалеешь,
И платье новое примеришь,
И станешь мудрою царицей,
Я при тебе, ты – моя жрица.
Ты – мой поступок вдохновенный,
Глоток любви окровавленный,
И ширь земли, и зелень неба,
И все, что в жизни было и небыло,
Ты – моя боль и наслажденье,
Я знаю, есть одно решенье:
Мне нужен посох, мягкий пруттик,
Я сам себе наполню прудик
И превращу его в синь моря,
И так укрою свое горе,
Потом умоюсь и умою
Застывшие свои ладони
И даже искупаю у моря
Все беды, встречу гордо зори,
И лишь тогда спрошу у неба:
А был ли я? Я знаю – не был.

15 июля 2009 года

* * *

Любовью на любовь твою отвечу,
Хотя твой шарф в горошек не замечу,
Устану говорить безликость текста
И не найду на свете суетного места.

Любовь заставит говорить стихами,
День стихнет, я пойду за вами
И буду повторять, как иволга на ветке,
Что ставлю тебе пять и больше нет отметки.

Есть только голос, нежный и воздушный,
Твой шаг, стихии сна послушный,
Есть смех, что слышат по лесу все птицы
Воды бы мне найти, склониться и напиться.

И так смотреть тебе вослед, родная,
Почти без слез, почти что не мигая,
И пристально следить за позой, за движеньем,
Но боль сжимает грудь, и вновь берет сомненье.

Смогу ли пережить хоть день погожий,
Он на тебя, замысловатый, стал похожий,
Он гаснет к ночи, озаряя синим сводом,
Я не был там, все пробирался бродом.

Любовь твою я заслужить сумею,
Хотя от взгляда одного немею,
И на немеркнувшей долине страсти
По-прежнему в твоей я власти.

И как безумный зверь ломает клетку,
Как обезьяна, что летит от ветки к ветке,
Как перезрелый плод упасть стремится,
Так я хочу тобой напиться.

И горький знак, что солнце посылает,
Приму как дар — пускай любовь пылает.

19 июля 2009 года

* * *

Как безутешный гордый нищий,
Как мышь, скребущая по днищу,
Как пегий пес, кружащийся по кругу,
Как тень тоски по умершему другу,
Как остов вышки, ставшей в океане,
Так я скорблю о гибком твоём стане,
О пряди золотистых прядей,
Что лишь недавно целовал и гладил.
О легком взмахе рук, изящных и ленивых,
И об изгибе губ, прелестных и игривых, —
О всем скорблю и не могу забытья,
Ведь я тебя люблю и вижу сквозь ресницы,
Как тонкой кромкой льда я прохожу по горю
И горько сознаю, что боль лишь болью смою.

21 июля 2009 года (1-е)

ЛУНЕ

Печальный танец смерти горностая,
Где жизнь у жертвы неустанно тает,
Так схож с замашками прибора:
Волна все бьет, а берег — в ожидании ковбоя —

Приходит, взваливает ношу,
Он сам, на ноши смерть похожий,
И вдруг уходит, не вздохнув, не охнув,
Луна — что смерть — едва успев обсохнув

От ливней, гроз и града, и дождей,
Она уходит прочь от тысячи смертей,
Она призывно наблюдает сушу,
Манит ее, ей говорит — не струшу —
И снова ждет призывного признанья
О беге дней и смерти осязанья.
Луна так тихо ждет, она — царица,
По ней бегут лучи и мимо пролетают птицы,
Она же ждет: придет ее час света,
Она дождется дня и ускользнет с рассвета,
И только тот гордец, что лун не замечает,
От боли боль запьет и утолится чаем,
Он так беспечно горд, что брызги полнолуныя
Окажутся пусты перед немым безумьем
И превратят судьбы пустые звуки
В насмешливость молвы и всполохи разлуки.
Полночная луна, предвидя поражение,
Все тщится отомстить на кратере сраженья

И так сразить борца на лунном поле брани,
Чтоб больше не считал луну пустою данью,
Чтоб чтил ее каприз приливов и отливов,
И полнолуныя глаз, таинственность заливов.
Она опустошит и бросит прочь о Землю,
Прости, луна, моя дорога — вспять,
И вновь тебе я внемлю!

21 июля 2009 года (2-е)

* * *

Скребется мышь по ложу днища.
Ау, откликнись, отзовись! — не слышно.
Не слышно ничего в пурге страстей и страха,
Я умер, я — ничей, мой ум — из праха.

Ну вспомните, живущего, меня,
Мятежного, из желтого огня,
Насквозь пронизанного тайной,
Навек, на жизнь, на прах мне данной.

Услышьте же, прошу, и вызов вам бросаю,
А если не хотите — все, навек я покидаю
И дом, и этот сад, причал и дальний берег,
К тебе приплыть я не намерен.
И все еще ищу тебя.

Простите вольные замашки,
Я заблуждался, лгал и допускал промашки,
Я долго был один, и своенравье чувства
Сравнил бы с тысячью годин в вулкане
из искусства.

Я выждал год, и зло томить устало,
С лихвою сто потерь — я понял запоздало.
Я так тебя любил, как быстрокрылый певчий.
И я тебя сгубил — но мне теперь не легче.

Скажи, смогу ли заслужить твоих шагов шуршанье,
Твой шарф перехватить и замереть в молчанье?
Увидеть синий взгляд и стать навек безмолвным,
И голову сложить, упасть окровавленным?

И только понимать, как мир с тобой уходит,
И больше не мечтать, что вечность с миром входит.

21 июля 2009 года (3-е)

* * *

И этот голос голубой,
И взгляд зеленых глаз раскосый
Мне говорят: пора, отбой,
И на сердце — одни погосты.

Раскаты грома бьют откат,
И молнии пророчат беды,
Ах, не был бы богат загад,
И буки аз — не только веды.

Уходит солнце, день спален,
Печальная стоит картина,
Я вряд ли окажусь спасен:
Такая мгла вокруг и тина.

И только зреет в глубине
Все тех же глаз раскосо-синих
Одна печаль, и в тишине
Оттачивает боль стрела из лилий.

Пророчат звезды бег опальный,
Судьбы незвездной гольгьбу,
И мнится мне анфас овальный
На сон, на явь и на пальбу.

Откроет сердце закоулки,
В которых не укроюсь я,
И в вечерующей прогулке
Застонет альт от «ми» до «ля».

Смогу ли пережить измену
И будни снов перенести?
Не заплатить ни долг, ни мену,
А только в ад перенестись?

И сможет ли другой воитель
Тебя, искусницу, спугнуть?
Стихии дней я расточитель
И не могу сто лет уснуть.

И только вешними шагами
Все мерить путь от А до Я,
И умываться со стихами,
И петть любимый текст из «ля».

Тогда и ты поверишь в чудо,
Раздашь по капле все тепло,
Тебя я принуждать не буду,
А лишь уеду в Фонтенбло.

И, сказку обернув в реальность,
Утратив смыслы и концы,
Увижу вдруг: какая дальность,
И не достанут нас гонцы.

А только пропоют такое,
Что сердце выскочит совсем,
И встречу я чудовищ Гойи,
И расскажу про это всем.

И вновь привидится пустое:
Про звуки, шепот, стремена,
И буду я опять в простое.
И опровергну времена.

И, только насладившись смыслом
Про чет и нечет, про судьбу,
Повисну в небе коромыслом
И завершу свою пальбу.

И дней не отвратит замена
На счастье дня, минуто сна,
И снова поспешит измена
Колоть и проверять меня.

Но в небе искры загорятся,
Косая дрожь оставит пыл,
И перестану я влюбляться
И захочу сберечь свой тыл,

И плыть по горькому ненастью,
И видеть горестные сны,
И снова встречу свою Настю,
И народится у нас сын.

И вот тогда на целом свете,
Где нет ни яви, ни людей,
Родится месяц, чист и светел,
А я останусь, прохиндей.

И будет Настя улыбаться,
Я — ей в ответ, а солнце — нам,
И сказке этой не кончатся,
Как не проветриваться снам.

И в Фонтенбло я буду весел,
Вручу короны благодать
И вдруг пойму, как мир наш тесен,
И не смогу я угадать,

Когда, зачем, кому и сколько
Я задолжал сто долгих лет,
В какую ночь кричал я — горько —
И был ли принят мой совет?

Ножом вспорю потребу лести,
Улажу долг и сгину в тьму,
Вы в жизнь мою, прошу, не лезьте,
Я долг откупорю тому,

Кто пьян и сам, и ножик в ножнах,
Кто курит только фимиам,
Кто кривит только лица в рожи,
Чей ум из тонких филигран.

Отдам — и руки охладят,
Уеду — брошу все к чертям,
Увижу — солнце заалет,
А дамки шастуют к ферзям.

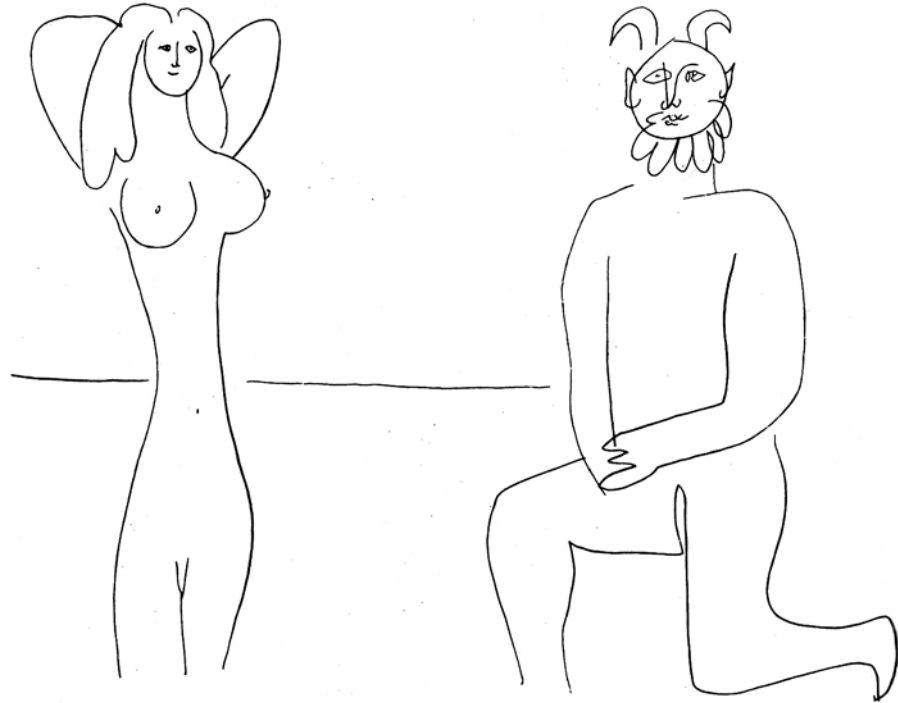
Отдам навеки, до копейки,
До капельки и на закат
Умоюсь ледяной водой из лейки
И стану снова я богат.

И лишь тогда пойму поверье,
Где есть и нищий, и богач,
Лишь только ты, прошу, поверь мне,
Я унесусь с тобою вскачь.

И будет долго сниться небо,
И длиться ночь, и таять снег,
Простимся – ты не был, а небыль,
Я сам любовь свою изрек.

27 июля 2009 года

Престранности любви

* * *

Расстанемся, рассыпшем жизнь в осколки,
Расставим меты, словно на руках наколки,
И захлебнемся в чередѣ обычных будней,
И станем жить, похожие на трутней.

И станет явь темнее сновидений,
И будет желчь точить твои творенья,
И так промозгло обернется лето
И не дождется милости поэта.

А только ураган сметет и бросит,
И ярость горькую, как хлыст, набросит
И заалееет факелом раздора.
И я усну у ветхого забора.

А ты войдешь и сразу устыдишься,
И памятью нетленной убедишься,
Как все красивое становится прогорклым,
«И спору нет», – кричу я горько горлом,

И призываю прекратить сомненья,
И заливчатски жить, не поддаваться тленью,
И миру воздавать все почести и славу,
И пить мне фимиам, а не отвар отравы.

И жизнь вдруг обернется солнцем,
Заглянет в душу, поглядит в оконце,
Зацепит так, что впору застрелиться,
Набрать цветов, росой лесной умыться

И только ждать, когда придет, засветит
Любовь, престранная на свете.
Когда она взойдет, как солнце за калиткой?
И буду я спасен, не проползу улиткой

Сто тысяч дней и километров веры,
Спасен! — Да, буду знать, что есть она — без меры!
Что нет ей ни числа, ни исчисленья жизни,
Я так люблю тебя, прошу тебя, не кисни,

Не множь мои ошибки на сомненья,
Я принял свой устав и только жду решенья.
Когда, как соловей, у самой кромки леса
Тебя все ждет и ждет застенчивый повеса,

Тебя — как солнца жар и перезрелость вишен,
Как в сумерках пожар из разноцветных хижин,
Как тропка у реки, что все ведет в запруду,
Я жду, ты приходи, тебя я не забуду

И буду вечно ждать у синих наших сосен,
Хоть голову отнять — так дикий нрав несносен,
Так солнце сторожит свою же тень у пирса,
Так я всю жизнь прождал, как волк у норки лиса,

Так ветер поутру склоняется в опочки,
Так я тебя все жду беспомощным комочком

И только слышу весть — она совсем уж близко —
Прокралась и молчит и стелет слишком низко —

Ах, это ты идешь по узенькой дорожке,
Ну, что ж, я подожду, осталось жить немножко,
И я опять начну свое святое дело
И выйду поутру и вновь открою тело

Привычной чередой то волн, то ураганов,
Я к ним давно привык, и мне не до наганов.
Я горько, долго пью свою любовь из чаши,
Ведь я тебя люблю и буду ждать у чаши,

Ты приходи скорей, оставим все расколы,
Вина полней налей — и склеим чаши сколы.
И снова заживем, забудем про разлуки,
Но что так тяжело и тяжелеют руки?

Ты приходи скорей, надеясь на прощенье,
Я сам себя гублю и жажду пораженья.
Оно сверкнет лучом согласия, примиренья,
Ведь я тебя нашел и позабыл о мщенье.

1 августа 2009 года

* * *

Волна разбрызгана, разбита,
И карта моей жизни бита,
И я все жажду наслажденья,
Волна встает — я жажду мщенья.
И брызги волн все выше, выше,
Останься — это я на крыше —
Мне улететь не удастся,
И я лечу на дно колодца.
Волна торжественно грохочет,
Мне нелюбовь она пророчит,
Оставит след и вновь умчится,
Ступлю вослед — не излечиться.
Она воркует и стреножит,
И боль на радость множит, множит,
И лихорадочно смеется,
А мне успеть не удастся.
Прилива шум остерегая,
Она бежит, стремглав, нагая,
И, видя пенную усмешку,
Все тщится совершить пробежку
До ярко-синего причала,
Где ты сидела и молчала
И только сонных брызг касалась,
И волны жгли, и ты осталась.

Но солнце разом разомкнулось,
Слегка причудами коснулось
И, тронув лоб и рыжесть пряди,
Как вкопанное, стало сзади.

И так светило вдохновенно,
Что я, коленопреклоненно,
Смотрел и ждал, когда же чудо,
Сверкнув, свернется в аттитюды,
Когда темнеющие пряди
Я мог бы, не таясь, погладить,
Когда нежнейшею рукою
Я легкий позевок закрою
И закружу тебя под бризом,
Под солнцем, что спустилось низом,
Под хвоей ста зеленых сосен —
Ах, волны, жаль, ведь скоро осень,
И я уеду, просоленный,
Тебя увижу, ослепленный,
И вдруг почувствую — удача!
Ее мне дали в дар на сдачу,
Ее мне море подфартило,
Ты где? Кричишь «судью на мыло?»
А я звоню в стальной звоночек,
Приди опять, стань на носочек,
Я волнам отнесу награду
И прегражу дорогу аду
И не смогу согнуться ниже,
Мне чиж пропел про дым на крыше,
Я заболею и зачахну,
И силу волн увижу — ахну,
И превращу жильё в скитанье,
Тебя — в небесное мерцанье,
Где сонмы брызг все вырастают
И птиц морских сгоняют в стаи,
А ты трепещешь и смеешься
И на воду тихонько льешься

Зеленым взглядом глаз раскосых,
Цветком из роз, застрявших в косах,
И улыбаешься, хмелеешь,
И лишь довериться не смеешь,
И смотришь пристально и зорко,
Ну как же — жить со мною горько.

Прости мой гнев, мой нрав кипучий,
И вовсе я не слон могучий,
Я только возле волн стихаю,
Чтоб наградить тебя стихами,
И позабыть, совсем забыться,
Чредою синих брызг укрыться,
Отдаться власти волн и света,
Чтоб выслушать могла поэта.

19 августа 2009 года (1-ое)

* * *

Волна тихонько вырастает,
Сто брызг сбивают птицы в стаю,
И я стою над морем пенным,
Оставшись у любви — пленным.
А ярость волн все ближе, ближе,
И я спускаюсь тихо ниже
И наблюдаю волн раскаты —
Мне одному те брызги рады.
Лечу почти что в дуло ада,
А позади летит награда
Из смеха, легкого касанья
И полуночного лобзанья.
Летит со мной вся жизнь и слава,
И нагоняет чудо-лава
Из пепла, горького разрыва,
Судьбы глотка, аперитива,
Прносятся события жизни,
И я смешон — шампанским брызги
И протяни тихонько руку —
Нащупать сможешь боль и скуку,
Но сколько жизни не томиться,
И не стараться вод напиться,
И не предаться наважденью,
А только ждать — придет решение —
И все стремиться окунуться
В морскую плоть — и вновь замкнуться
И захмелеть от чашки чая,
Тебя не вижу и не знаю,

А только собираюсь встретить,
Прелестный знак судьбы отметить
И вновь взлететь на пики моря,
Забуть про гнев, про ложь, про горе
И навсегда оставить днище —
Оно годится разве нищим!
И водрузить свой флаг на суше,
Жить отстраненнее и суше,
Связать похмелье и удачу
И ждать вложенья слез на сдачу.
Не подмахнуть, не промахнуться.
А только боль прогнав, согнуться,
Чтоб окончательно и смело
Встать в полный рост, пойти на дело
И доказать своим сатрапам —
Резона нет сдаваться матом,
И, проводя зачистку гнева,
К плечу плечо — так, для согрева.
Я все сказал, я вновь взлетаю,
Вперед и вдаль, не умираю,
Лечу и солнце согреваю —
Судьбе и пьянству подпеваю
И чувствую вдруг — отпускает,
Опять судьба меня ласкает,
Поет про лютики и святки —
Мы живы только там, где святые.
И, осязая постоянство,
Лечу вперед — мне не до пьянства,
Я вижу всех, всех догоняю,
На парусах любви взмываю —
И остается соль и бренность —

Седых разлук ненаклоненность
И горстка пепла из бокала,
Вино ты это наливала
Еще тогда, до этой выси,
До смерти, до любви, до жизни,
До тайной тайны и загадки,
До стрекозы в твоей тетрадке,
До вечности и до утеса —
Прощай, лечу, почти у плеса.
И все, становится светлее,
Я жив, я, кажется, хмелею
И самому себе кажусь поэтом,
И странником, и первоцветом,
И только тяжесть догоняет,
Ее безумство озаряет,
И снова я на старой крыше —
И падаю все ниже, ниже,
Потом лежу и тихо плачу
И не беру пятак на сдачу,
А только горько понимаю:
Я нищ и гол — я замерзаю.

19 августа 2009 года (2-е)

* * *

А море искрится, а море хохочет,
И мне оно верную боль напорочит
И пенной волною укроет и смочет,
И вся моя жизнь меня в бездне укроет.

И я засмеюсь вместе с морем рассвету,
И птичьему взлету, и неба привету,
Ну, что, если боль в колесо закрутила?
Уж лучше пусть боль, чем сплошная рутина.

А море смеется и нежно сверкает,
И боль постепенно моя замирает,
И сердце веселью податливо бьется,
И шаг мой уже никогда не замкнется,

И я пропою вместе с морем бельканто,
И выступлю хором со всем аксельбантом,
И так запою высочайшую песню,
Что голос умчит ее ввысь, в поднебесье.

И боль отойдет, и раскроются чакры,
И пяди земли трансформируют в акры,
И я одолею морское сраженье,
С волною сражусь и приду к соглашенью.

И боль навсегда вместе с морем отступит,
И праздничность дня непременно наступит,
И я окажусь на веселой отметке,
Где волны метут, западая на метки,

Где белое чистое небо смеется,
И губы зовут, и любовь отзовется,
И, празднуя лихо победу над болью,
Я вместе с волной поиграю над ролью.

Где паж и кокотка — в дуэтной упряжке,
Где голый король также жаждет отмашки,
Где добрая фея в хрустальном порыве
Все Золушку ждет на гречишной ниве,

Где я выступаю то принцем, то нищим
И сам западаю за дерево днища,
И, так приближая свое восхождение,
Лечу высоко, принимая решение.

И поперхнувшись успехом у зрителей моря,
Иду напролом — мне теперь не до горя.

21 августа 2009 года

* * *

Опять я не в ладу с собою
И снова подчиняюсь горю,
И власть судьбы сжимает больно,
А хочется мечтать с тобою.
Умыться свежим днем и поздно,
Когда вот так, неосторожно,
Спускаюсь вниз и вижу море,
Я крепко запираю горе,
И пью вино и вижу звезды,
И тень луны меняет россыпь
Тех темных туч, что окружили
Меня, и ночь, и дом, где жили,
Где счастье малостью казалось,
Ну, все, его и не осталось,
А только так, светло и прямо,
Где пик луны застрял упрямо,
Где ночь щедра и молчалива,
Почти не спит, присев под ивой,
И долго ждет, как из тумана
Вдруг выйдет царская Тамара,
Зажмурится и закружится,
Захочет из ручья напиться,
Потом присядет, поколдует
И легким вздохом ночь задует.
И сразу станет день из ночи,
И вновь любовь мне напорочит
И скажет сердцу, что с судьбою
Не поиграешь ворожбою,

Что легкий сон истает в полдень,
День разгорится, всем угоден,
И осторожно, и надменно
Начнет палить так вдохновенно,
Что вечер еле обернется,
Его легонько мгла коснется,
И все — истает день отменный,
И ласковый, и окрыленный.
И ночь опять права умножит,
И день, и вечер — всех стреножит,
И обовьет व्यюном зеленым,
Пахучим и незамутненным,
И цикл природы повторится,
И снова царская девица
Все так же колдовать пристанет,
И ночи ей уж не достанет.
Какое чудное свершенье —
Луны зрачок и вдохновенье —
И дня исход, его цветенье,
И туч, и мглы — в ночи вращенье,
Загадок тайное создание,
Святого дня лучей мерцанье,
И легкий перестук копыта,
И суть земли до дна раскрыта,
И так приходит вновь и снова
Простейшая природ основа:
Все протекает и восходит,
И солнце ежедневно всходит
И каждый день стремится к ночи,
А ночь — увы — нам сны пророчит,

И только утро все сближает,
И день, и ночь его венчают,
И чистый звук свирели дивной
Поет под утро: стань счастливым.

23 августа 2009 года

* * *

И пенно улыбнется море,
И вновь я не поверю горю,
И станет синий мир бездонным и прекрасным
И приговор судьбы — прозрачно-ясным.
И осень замутит на пирсе,
И я женюсь на старой на актрисе,
Луна взойдет, и снова схватит сердце,
Взмахну рукой — пускай играют скерцо,
Пускай волна любви меня накроет
И едкую печаль умоеет,
И станет гладким день, как галька в море,
И вновь отступит перешеек горя.
Я остужу смычок на старой скрипке,
Поймаю на лету твою улыбку
И буду снова очарован морем —
Мы еженощно в нем молчим и тонем.
И раскрывает нам волна свои объятия —
Как нежен мир, и я в его запястьях,
Волна влечет в неведомые сети —
Мне по душе прогулки эти,
Я с каждым взмахом рук невольно воскресаю,
На гребешке волны невольно зависаю
И думаю, как мир прекрасен,
Как солнца луч и чист и ясен,
Как осень все редет меж ветвями,
Я в доле с ней — следы завяли,
И потускнел веселый взгляд на глянце,
И не танцуем вечерами танцы,

А только смотрим в море из окошек,
И тянет побежать со всех дорожек,
И вновь шагнуть в пучину волнореза,
И провести смычком по струнам антitezы,
И так уплыть бездумно и смиренно,
Чтоб море смяло след коленопреклоненно,
Чтоб унесло навек седины и печали,
Им всем по тыще лет, мы их не замечали,
Мы все неслись успеть судьбу обезоружить,
И миром овладеть, но не бряцать оружием,
(и ликом не тускнеть?)
И успевать проплыть свои четыре мили,
И забывали спеть, как нас недолюбили,
Как в волнах передряг всегда искали компас
И наш веселый стяг держал по жизни корпус.

И вот прошло сто лет — мы все про все забыли,
И тает, тает снег — и ждут нас наши мили.

24 августа 2009 года

* * *

Янтарным блеском полнится земля,
И я иду над дымом пепелища,
И слышу голос — будто здесь не я,
А кто-то, кто кричит под днищем.

И стонет ветер, споря с парусами,
Кто легче и быстрее пройдет сто миль,
И мы пройдем маршрут на пару сами,
Не попадая в шторм и даже в штиль.

И будем плыть, стремясь догнать тот ветер,
Что призывает волны бить сильнеей,
И он укажет путь, что прост и светел
И тянется, как шлейф, прозрачней и синей.

Забудем горевать и бить заклады,
Пить горькую, бить из ружья,
Раскладывать пасьянс, как майские наряды,
А только тихо шить, как тихая швея.

И мир засветится осколками прозрений,
Осенних всполохов, лесных пожарищ, игр,
И на тропе лесной замрем, чтобы принять решение,
И вдруг покажется, что перед нами — тигр.

И поразимся, и сбежим из леса,
И выстроим заслон из ста замков,
И удивимся, как лесной повеса
Сразится с тигром, сбросив сто оков.

Но нет ни леса, ни болот, ни пепелища,
А только море с караваном волн,
И это снова я иду, иду по днищу
И вижу, как улов мой полн.

Как пробираясь через груды лома,
Я искорежил своей жизни склон,
И служит мне подстилками одна солома,
А я на ней лежу, как слон.

И все перебираю метки, знаки,
Понять пытаюсь, где искать концы.
И забываю, что цветут на свете маки
И отправляются на поиск их гонцы.

И мир качается в своей веселой трели,
Сопутствуя и ветру, и волнам,
Как жаль, что мы с тобою поседели
И недосуг прибиться к берегам.

25 августа 2009 года

ПОДРАЖАНИЕ ЛОРКЕ

Прошелестев за лесом
Высокой травой ежевики,
Мы очутились в дюнах,
Где запах стоял гвоздики
И оба дрожали, цепляясь
За мелкий глоточек виски,
И ниже в карьер спускались,
Где лишь облака нависли.
Затрепетало платье,
И пояс скользнул на ветку,
Я медленно косы гладил,
А после поставил метку
На белом плече покатом
Из белого мокрого шелка,
На теле, в песке распятом,
В колючих от елей иголках.
И изумлению внемля,
Сжимал все сильнее в объятьях,
И покатилося небо,
И руки сдались в запястьях.
И с горделивой усмешкой
Простился я очень скоро,
Она в слезах улыбалась,
Немея от неба укора,
На ниточках лишь держалась
Ее на висках корона.
Мы плакали и смеялись
И, тайну вполне усвоив,
За призраком гнались и гнались,
Усилья свои утроив.

И остудило небо
Безумство наших желаний,
Залило дождем всю пылкость
Наших ночных стараний,
И посмотрели оба,
Как капли дождя смывают
И красную боль, и радость
И навсегда уплывают.
И, отряхнув колена
От горстей песка намокших,
Мы вышли, почти раздеты,
Сквозь листья гвоздик засохших.

Шли долго, и долго молчали,
Стучало лишь больно сердце,
И солнце пропело сзади
Свое на прощанье скерцо.
И, насладившись мигом
Проникновения в тайну,
Я понял, что в этой жизни
Пока ничего не знаю.

Я гордо держал за плечи
Свою дорогую подругу,
И сам почти не заметил,
Как день покатылся в вьюгу,
Как радость безумной ночи,
Когда дожди умывали,
Сбивается и хохочет,
Оставив послед из гари.

И солнце, что душу пробило,
Давно уж за тучи скрылось
И душу совсем сгубило,
И на висках корона,
Что падала и дрожала,
Лишь тайной воспоминанья
Навеки во мне задержала
И ежевичный шепот,
И гордых грудей касанье,
И наш полуночный шепот,
И робкое обладанье

Проходят беззвучно годы,
И боль, и любовь чередуя
И тайну снимая с кода,
Доподлинно знаю — люблю я.
Но лучшая в мире подруга
Давно каблучки износила,
И в стылую снежную вьюгу
Другая встретилась сила.
И вышла подруга замуж,
Детей четверых нарожала,
Ну, что же, и мне пора уж,
Но колет иголка жала:
Нет, не спеши жениться,
Твой час еще не пребудет,
Сходи-ка воды напиться
Из тех, из далеких буден,
И той колеи у карьера,
Где сосны шумят ночами,
Где малостью мнится карьера
И только любовь все венчает.

Моя дорогая подруга
Из памяти этой ночи,
Где гром забивал все крики,
Одну лишь любовь пророча,
Где дождь распростер объятья,
А тело в песке металось,
И было мое зачатъе,
И радости — самую малость.
И долгие годы после,
Когда уж завяла радость,
Я шел туда каждую осень
И чувствовал странную слабость.
И понимал, и помнил,
Что прошлое не вернется,
А только старая память,
Прошелестев, коснется,
И ежевикой запахнет снова,
И вспомнится крик, и шепот,
И я не найду улова,
Услышу лишь птичий клекот.
И все, горевать не стану,
И помирюсь с прозой жизни,
И ранним утром встану,
Чтоб отслужить свои тризны.

26 августа 2009 года

* * *

Я вознесусь и упаду, как птица,
И больше не смогу влюбиться,
Я полечу сквозь злое мирозданье,
Сквозь чудо сна и неба предсказанье.

Я буду петь тревожно и бессильно
О той поре, где не было насилья,
Где звезды опускались сквозь туманы
И мы играли роли из романов.

О времени, где не было разлуки,
А лишь в любви сплетались наши руки
И ягоды участливо скрывали
Тела, что ласки обещали.

Я буду петь так громко и так сладко,
Что вспомнишь сразу все мои повадки,
Мои шаги, и вздохи, и прощанье,
Прости, что раздавались обещанья.

Да, я не смог, как все, быть трезвым семьянином,
Я был один — отцом, творцом и сыном,
Я предавал и начинал все снова,
И вновь звучало золотое слово.

Однако я иссяк, не слышу больше лета,
Мне не пристало вечно быть поэтом
И созерцать тот мир, что обрести успели,
Ты спи, и пусть приснятся ели.

11 сентября 2009 года (2-е)

* * *

Шел год за годом, проходила жизнь,
И, если б не любви подарки,
Наверное, не зародилась мысль
О том, что так живу — и подо мной огарки.

Наверное, уж совсем потом
Придет черед предошущенья жизни.
Но это скажет поздней осенью мне гром,
Но нет забот, а есть пустые мысли.

И я спою судьбе своей распев
О незабудках и о свойствах страсти,
И будет долго шумен неуспех,
И позабуду я, над чем я властен.

И станет жизнь шнырять по всем углам,
Забрасывая дым и смрад, стремясь наткнуться
На забытый кем-то хлам,
А я все силюсь петь, но голос глух
И не спешит прогнуться,

Но плыть по жизни я уж не боюсь,
Стремясь всегда во всем быть первым,
И только о седые скалы бьюсь,
Натягивая на канаты нервы.

Но шаг ее настойчив и спесив,
И мне дойти до дна уж не под силу,
Хоть и пою я праздничный мотив,
Но не скажу ни слова миру.

А, наподдав всем бесам и чертям,
Отправлюсь раскрывать головоломку,
И поостыну, сдам себя в госхран,
И почию своей души поломку.

И станет ясным день, и небесам воздам,
И бог воздаст мне за мое терпенье,
И все долги в охотку я отдам
И получу в награду дух стихотворенья.

И сяду между двух сидящих берез,
Где притаился дом мой, столь же старый,
И засвечусь охапками таких же роз,
Что светятся в саду — он тот же самый,

Что дни и ночи, годы и века
Стоит себе и смотрит, как проходит
Седая жизнь не где-то в облаках,
А здесь, где год за годом
Синий сумрак бродит.

Где песни птиц под стать волне,
Что накрывает, бормоча и плача,
А я смотрю, как ночью на луне
Своя вершится жизнь — почти что зряча.

И песни покидают свой предел,
И море больше не стремится к скалам,
И постепенно понимаю свой удел,
И упиваюсь мореходным галлом.

И год за годом, что шагает жизнь,
Мне хочется взлететь и там скитаться,
Но висит на пороге мысль,
И я не знаю, есть ли смысл считаться.

И поверять деревьям свой порыв,
Волне и небу — нараспашку сердце,
Уж лучше побежать на тот обрыв,
Где музыка звучит, как тыща герц.

А разум — трепетное скерцо,
Прощай, волна, и — до свиданья, небо,
Я ввысь плыву, хотя устал от бед,
Но нынче не сказался я поэтом,

Коль не был до конца воспет
Мой ум, лужайка в тишине,
Три розы, что почти увяли.
А лучшая любовь — в окне,
И знаки нот, лежащих на рояле.

22 сентября 2009 года

* * *

Заставлю ждать, надеяться и верить,
Приметам вопреки — любить,
Изнанку чувств восторгом мерить,
Тебя собой обвить.

Расставлю по углам химеры.
А с чертом перейду на «ты»,
И затоскую вчёрную, без меры
И потеряю всякий стыд.

И только подмигну судьбе незрячей,
Что скрадывает счастье на ходу,
И выпью из ручья воды горячей,
И в платье легком на небо сойду

И закружусь, и запою так громко,
Как станет только силы петь,
И здесь пылится в облаках поземка,
И мне к тебе уж не успеть.

И стану истово стремиться к звездам,
Надеясь на успех и божий дар,
Но озарило меня слишком поздно,
Я сам изгнал себя, как Русь — татар.

Утихну, отдохну от гнева,
Прилягу рядом с белой звездой,
Она заглянет на меня тихонько слева,
А я скажусь то бедной, то больной.

И, наконец, спущусь и буду плакать
И сон ласкать о грезах и мечтах,
И звезды будут падать, падать,
И слышен будет голос зимних птах.

И успокоится, замрет рассудок,
Душа наполнится и светом, и теплом,
И я отправлюсь на охоту уток
И снова с болью стукнусь лбом.

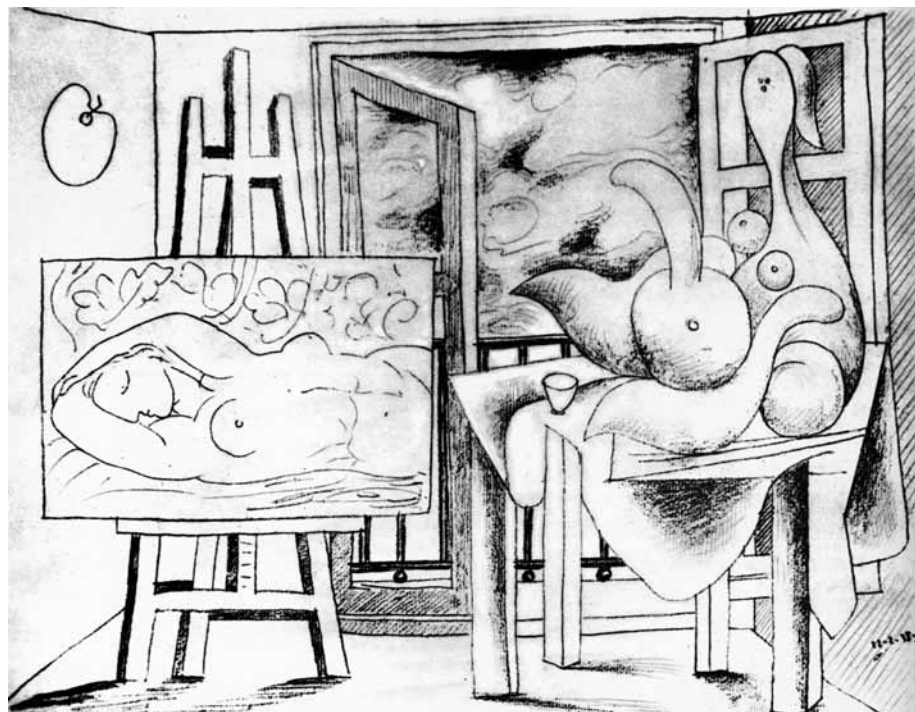
3 октября 2009 года (1-е)

* * *

Дуплетом в угол

И в полночь запрещаю любить,
Копить обиды под завязку
И твердый камень прикажу разбить
И навсегда забыть про сказку.
А верить только лютым чудесам —
Как лешим в лесе в синем полнолуние,
И сопрягать с талантом срам,
И доверять лишь мне, смешливой дуре.
Разлуки не сносить, несчастье сбросить,
Руки у принца не просить,
ждать, как любовью скосит,
И сжечь мосты, перевернуть преграды,
Раздать добычу сестрам и братве,
Забыть, как пахнут нынче травы
И как шагал когда-то по листве.
Забыть про сон, про явь, про слух,
Про добрых и про злых — про всех!
Не слышать ропот глухих слуг
И плюнуть на успех
А только прикоснуться к звукам сада,
Вдохнуть весны предпраздничный приход
И вдруг понять, что счастья и не надо,
Оно само когда-нибудь придет.

3 октября 2009 года (2-е)

Я не умру и буду вечно жить,
Тебя любить и верить в мирозданье
И только не смогу забыть,
Как околдован был твоим заданьем.
В нем ясный смысл и парадоксов смыслы,
Забот забвение и память о былом.
И нити жизни там бесполье провисли,
Как в доме ветхом, голом, нежилом.
Ты поручила жить, но как — сказать забыла,
Велела мне любить, но не тебя,
А ты сама когда-нибудь любила,
Кого-нибудь, но только не себя?
Ах, да, любила, но кого — не помнишь,
Кого — забыла напрочь, навсегда,
Меня ты тоже вряд ли вспомнишь,
И вряд ли сыщется твоя беда.
Она лишь в том, что ты меня забыла,
Что превратила прошлое в ничто,
Я был давно, не в этой жизни, милым,
Уже и сам не помню, кто я или что.
И только в памяти остался взгляд твой,
Твоя походка и твоя коса,
Осенних листьев рой,
Не выпавшая в феврале роса.
Я не простил тебя, живу и слепо верю,
Что разразится гром, растянут небеса
И на поле большом я то зерно посею,
Что все увидят: есть на свете чудеса.

Ну, как ты? Как твои успехи?
Что поешь или что поешь?
Давай-ка сбросим все доспехи
И скажем: «Господи, куда ведешь?»
Но на вопросы не найдем ответа,
Как не увидим больше лета синь,
И только станем поджидать поэта,
Что мудро скажет: «Сердце вынь
И подари его, отдай совсем подруге,
Пусть насладится им, как пахлавой».
Но тонут мудрые слова во вьюге,
И слышен лишь ее угрюмый вой.
Прости меня, моя золотая фея,
Моя любовь, безумство и тоска,
Тебя любить, мне кажется, не смею,
И плачет обо мне одна доска.
Ну что ж, пройдем по прошлому немного,
Обсудим все и помолчим,
И я пойму, что мне одна дорога,
Она не приведет меня в мой Рим,
И я останусь вспоминать о доме
На поле том, где семя посадил,
И я отвечу всем, как Ромул Роме,
И распишусь на краешке могил.

6 октября 2009 года

* * *

Покаянно я отдаю долги
И не прошу у жизни сдачу,
Не смейся надо мной, не лги
И жди у озера свою удачу.
Замри на миг и не страшись измен,
Как перемен, как всех изломов боли,
Прости меня и в годы перемен
Услышь, что лишь тобой я болен.
И в тихий летний час,
Когда с собой не совладаю,
Прости навечно и теперь, сейчас,
В далекий день, когда тобой не обладаю.
Прости совсем, без тени сожаленья,
Без пауз и преград, без горечи потерь,
Не доводи меня до белого каленья
И навсегда в любовь мою поверь.

Замри, останься в той игре беспечной и лукавой,
Без догонялок, без лапты и без бейсбольных бит,
Я помню лишь тебя, прелестной и кудрявой,
Еще я помню, как в игре был бит.
Но все прошло, надежды испарились,
Ушли в песок все прошлые мечты,
И слезы наши лишь напрасно лились,
И плакала в окне напрасно ты.

Ты слышишь ли меня?
Или совсем забыла?
Ты помнишь ли меня?

Тогда прошу, услышь!
Но жизнь бежит, бежит неумолимо,
И реки не уходят вспять,
И я вперед смотрю безжизненно, уныло,
И собираюсь долго, долго спать.

Не видеть, не любить, не вспоминать утраты,
Не верить в чудеса, а только в рай,
Но множатся вокруг меня одни кастраты,
И кто я среди них — подумай, угадай.

Ну, все, мне нынче не до шуток,
И не до слез, не до слепых забав,
Я вышел, чтобы проводить любимых уток,
На парочку минут любовь твою украв.

24 октября 2009 года

* * *

На цыпочках тихонько подбиралась осень,
Совсем без шорохов, без сцен, без эскапад,
И понимала, как бывает грозен
Дождей черед сквозь листопад.

И осень, пробираясь по застенкам,
И закоулкам этажей и желтых крыш,
Не верит данным ей оценкам
И видит только: это ты стоишь.

И сподвигая бурелом на действие,
И желтым символом отодвигая мглу зимы,
Природа сентября лишь вспоминает детство,
И в нем когда-то были мы.

И я стою спиной к листопаду,
И вспоминаю шум твоих шагов,
И не могу противоречить взгляду
И ненавидеть собственных врагов.

А только погружаться в дивный сумрак
Из прелести невзгод и сизых бурь
И находить в веселости полундры
Светящуюся в листьях дурь.

Скажи, о осень, сколько будет сниться
Святая радость тихих твоих дней
И захочу ли снова отключиться
И обнаружить на пороге тень?

Что тщетно и надсадно наседает,
Ни слова не таит в упрек
И, бедная, сама не замечает,
Как складен и прилежен сей урок.

И только осень, изогнув страницы
Судьбы и жизни, шорохов и вьюг
С избытком жаждет насладиться
Тем зрелищем, что сказкою зовут.

3 декабря 2009 года

* * *

Немеют от разлуки руки,
И тусклый голос говорит о стуже,
И разлетаются в округе звуки,
И рассыпаюсь льдинками по луже.

А кровь стучит, и сердце плачет, плачет,
Тебе на сдачу я ловлю удачу,
А конь по полю также резво скачет,
И я, надеюсь, больше не заплачу.

Сожму виски холодными руками,
Заговорю известными стихами,
И боль не болью тихо отзовется,
И я узнаю, как тревога рвется.

Как стынет день и в дверь стучится вьюга,
Как тяжело остаться друг без друга,
Как пожелтевший лист спешит укрыться,
И нам из лета больше не напитокся.

А лес дрожит последними листьями,
Растает осень, не напившись с нами,
И ровный день, тихонько засыпая,
Вздохнет в преддверье голубого рая.

И улетит та маленькая птица,
Которую зовут синицей,
И солнце уж не будет колобродить,
А только стыть, потворствуя погоде.

И синий мрак светящегося неба
Все будет ждать безвестного поэта,
И на виду чернеющих окошек
Взойдет луна и крикнет конь у дрожек.

И постепенно ночь окутает пространство,
Засветит звездами в престранном танце,
И нежною, лукавою улыбкой
Заулыбаются той ночью скрипки.

И много голосов неведомых оркестров
Вдруг станут в общий хор приветствовать маэстро,
И я опять пойму, что все предельно просто:
Ночь наступила — высыпали звезды,

А утром солнце выйдет на прогулку,
Пройдет за домами переулком,
И мир достигнет вечного покоя —
Начала дня и раннего прибоа,

И вечность окунется в синем море-
Тебя я жду, и нет на свете горя.

31 декабря 2009 года

* * *

Приветствую молву,
Склоняюсь перед оговором,
Прошедшее на части рву
И мило улыбаюсь вору.

Беру в зачет интриги и нужду,
Войне семей передаю приветы,
На щит венчаю тайную вражду,
Колючками из роз плету букеты.

Не слышу шороха листвы,
Не вижу неба,
Спешу полить ряды ботвы
И выпечь пироги из репы.

И отдохнуть, хватая счастье под уздцы,
И насладиться тихим ветром,
Понять, что весть несут гонцы,
Покрытые лиловым фетром.

Заплакать, закричать
И помириться с Богом,
Подолгу иволгу встречать
И втайне обходить дорогу,

Где нет ни путника, ни трав,
Где слезы замерли росой,
Не знаю, прав ты иль не прав —
Я сотни лет стою босою

И вглядываюсь в тот предел,
Где беспредельны боль и жалость,
Давно мой волос поседел,
До встречи — маленькая малость.

Расторгну уговор с судьбой
И замену колючки розой,
И стану я почти тобой,
И выпадут на небе росы.

3 января 2010 года

* * *

Безумству непослушных — быть,
Склонившихся в поклоне — к яру,
В набаты громко бить и бить
И наподдать виновным жару.

Пресечь глагол витийством лжи,
Запомнить оговор без лести,
Сказать без фарисейства: не тужи,
А самому дожидаться мести.

Застать врасплох бездомных и слепых,
Калек, собак и огласить поминки,
Приветствовать заблудших и глухих
И не сменить заевшие пластинки.

И долго принужденно ждать,
Когда в час полнолуния и прибоя
Отправится ватага спать,
И превратиться в полуночного изгоя.

Зажечь траву и запалить мосты,
Насыпать на дорогу вишни,
Забуть, что истины просты,
А ты на этом свете — лишний.

И покрывалом мглы закрыться от греха,
От всех забот, что в небе почивали,
Растлить тоску и расстелить облатки,
Простить не всем, а только палачам,
Срывать без устали любви початки.

И верить не себе, а только снам,
И утомиться, лечь, увидеть звезды в небе,
Заплакать, засмеяться, захмелеть,
Принять на грудь нелепую из небыль,

И долго-долго петь,
И ожидать, когда из хоровода,
Одевшись в красное и нарумянив лоб,
Раскинув рукава, вздохнет сама природа,
Судьбе и небу дав отвод.

24 января 2010 года (1-е)

* * *

Подошвы разрывают льдинки,
Скрипит сугровов зимняя пора,
Ты издали похожа на былинку,
Сорвавшийся листок календаря.
А осень вопрошает где-то рядом,
Вопросы множатся, им нет числа,
Когда и кто пройдетя снегопадом
И заалееет снегом докрасна?
Когда метель начнет кружить так скоро,
Так истоиво, что перебьет листву,
Застывшую еще на косогорах
И спать готовую лишь к Рождеству.
Когда потом, и в феврале, и в марте
Останется сметать пушистый снег?
Чтоб припоздниться на потертой карте
И не желать растаять целый век?
Когда прибытие грачей и соек
Вдруг осчастливит этот стройный звон,
Коты обрядятся в полоски из помоек
И повсеместно станет слышен гром.
Он известит о том, что звезды блещут,
Что чарами зимы не стоит дорожить,
Что бабки старые о том клеветуют,
Что неохота больше жить.
А жизнь стучится в талые окошки,
Скрипит калиткою у старого крыльца,
И так же мудро смотрит где-то кошка,
И я все жду, надеясь на гонца.

Он непременно постучится в двери,
Войдет, покрестится и скажет не таясь,
Что ждет меня, что любят меня, верят,
И я воскресну, жизни не боюсь.

24 января 2010 года (2-е)

* * *

Осенней партитуры ля-бемоль
Все ширится пропеть всем летом,
Из шубы вылетает моль,
А я хочу прослыть поэтом.
А по литаврам бьется дождь,
Смуглее неба — лишь душа поэта,
Он полагает, что над миром — вождь
И без него та песня не допета.
Виолончель тихонечко скрипит,
Настраиивает на безмольный полдень,
Не то что дух поэта — лес почти что спит,
А я мечтаю взять смычок от скрипки,
Взмахнуть им над оркестром и листвою,
Дождаться своенравия улыбки
И вдруг понять: я безраздельно твой.
И лес поет, и скрипка вторит нежно,
Волнует паутины странный блеск,
Я собираю свои вещи спешно,
Боясь, чтоб не попутал бес.
А звук виолончели достигает слуха,
Он вторит скрипке, альту, чудесам.
И слышится, как пролетает муха
И я взываю к зимним небесам.
И хрупкость голоса ломается о льдинки,
И дирижер оркестра — синий дождь,
И я сдуваю белые пылинки,
Наивно веря, я над миром — вождь.

Моль улетает, покидая шубы,
У страха поменьшились глаза,
И медные поют нестройно трубы,
И почему-то падает роса.

27 января 2010 года

* * *

А я люблю — блю-блю,
И не люблю — блю-блю,
И сон весенний шлю,
И вешаю лапшу блю-блю.
А сон уносит явь,
И я пускаюсь вплавь,
И солнце жарит вслед,
И мне лишь восемь лет.
И я считаю — раз —
И снова свет погас,
И стонет где-то рожь,
И точат где-то нож,
И спустится рассвет,
Меня на свете — нет,
Я все молчу — чу-чу,
Сквозь сон еще шепчу,
Моя любовь — блю-блю —
Расстает на ветру.
И снова я спалю
Свое блю-блю, блю-блю.
И в стылый майский день
Я выйду за плетень,
Наброшу пальтецо
И сяду на крыльцо.
И вспомню про рассвет,
Что мне — лишь восемь лет,
Что я — еще жива,
И сыплются слова.

И горя больше нет,
И вновь горит рассвет,
И в поле рожь дрожит —
Любовь мне сторожит.

15 февраля 2010 года

* * *

Я клятвенно молчу о нашей страсти,
Закованный в броню, я выстилаю ложе,
Живу в узде, предвижу все напасти,
И ложью окропляю ложь.

Не верю начертаниям судьбы,
Себе во вред оплакиваю солнце,
Осталось пять шагов до ворожбы,
А солнце все стеклит оконце.

Причудливым стихам даю отмашку,
Солгав единожды, стреножу шаг,
Хватаю на лету до неба шашку
И делаю тебе последний шах.

Нет, не воскресну в тайнописи звука,
Не вознесусь, как птица, к небесам,
Я только выстрелю вослед из лука
И опровергну поражение сам.

Взлечу легко и буду петь упрямо
О лучшей доле и других краях,
Свою вину я одолею рьяно
И буду с небом на паях.

Но сила страсти меркнет перед клятвой,
Я не могу молчать о тайне и любви,
Моя любовь мне кажется проклятой,
Но только, слышишь, Бога не гнечи!

И собери листы пожухлой чечевицы,
Сомни их, сделай с мятою отвар,
Тихонечко пройди пол— половицы,
В загашник положи навар.

И солнце заалеет что есть мочи,
И я пойму, как был тобой любим,
А ночь мою любовь упрочит,
И звезды будут падать, распевая гимн

Моей любви, бесстрашию и вере,
Словам и клятвам, что легко дались,
Я сам похож на раненого зверя,
И только капли крови пролились.

19 февраля 2010 года

* * *

Я в мирозданье окунусь и спину,
Начну терзать за ниточку судьбину,
Не укрошу затмения желтого причуды
И зарекусь бежать подалее от простуды.

Я стану плыть легко и безоглядно,
И местность серая не будет неприглядна,
И шорох синих листьев не встревожит,
И только боль любви любовь умножит.

А так — среди мира и воды — мне ясно,
Что опрокинул жизнь свою напрасно,
Что тайна неба вывернется плотью
И яблоч кисть чуть не ударит плотью.

Я убегу и стану собирать молитвы,
Оставляю поле вечной нашей битвы,
И опущусь пред тоненькою вербой,
И попрошу защиты у седого ветра.

И вдруг засну, увижу сон весь в белом,
Раскину круг от карт, покрытых мелом,
Расставляю оселки из златокудрых весен
И осень запалю — ты снова стал несносен.

И память побежит отсчитывать все даты,
Здоровых сторожить и гнать всех виноватых,
И я легко пойму: исчезли с солнца пятна,
Меня легко забыть — и на устах лишь мята.

23 мая 2010 года

* * *

Я жду,
Я постоянно жду
Нужду, вражду, возобновленье боли,
Нет-нет, тебя я не неволю,
А только пристально и отстраненно жду.

Когда мой час,
Когда далекий возглас
Вдруг возвратится, сделавшись смелей,
И упадет твой белокурый волос,
И я сломаю сопротивление цепей.

Не долетит
И не заставит призрак
Бродить по коридорам во дворце,
Оглянется тупоголовый Бисмарк,
И я останусь голым на крыльце.

Причуды окружают,
Рассветят хором,
Споют свой бравый марш о сентябре.
Когда ты вновь вдруг обернешься вором
И мысль остудишь на веретене.

И потом вздыбится твоя рубашка,
Сойдет с лица улыбка невзначай,
И я пойму, что сделана промашка,
Хоть назначай свиданье, хоть не назначай.

И день закружится
Унылым вертопрахом,
Пройдет по улицам,
Умоет все дождем,
И жизнь сойдет на «нет»
Зеленым прахом,
И соловей заплачет
Под плющом.

И так засветит,
Так запоет за небом,
Что я забуду стынуть и страдать,
И свешу голову незрелой репой.
И из слезинок буду стужу ткать.

И перестану жить,
И все тужить намерюсь,
И вознесусь спокойно и легко,
Я так люблю, я так еще надеюсь
На Брестский мир, подписанный давно.

Но вот опять,
Как в том краю, в апреле
Открылась дверь
И скрипнуло окно,
И я опять иду навстречу своей вере
Зачем-то прихватить лото.

А все затем,
Все для того, родная,
Что я устал
Все ночи ждать и ждать.
Моя любовь — огромная, без края,
И я опять иду тебя искать.

27 мая 2010 года

* * *

Я на мгновение усну и стану нищей,
Начну продавливать гнилое наше днище,
Во сне ступлю на палубу — как время мчится!
И нам вовек с тобой не породниться.

И Бог выводит за черту налоги.
Медведь недвижим у своей берлоги,
А я за палубу держусь — ну, что ж такое,
Что не оставят все меня в покое?!

За что борюсь и что предвижу сонной,
Такой упрямой и почти спаленной?
Нет, ничего не вижу у причала,
Не плакала, не выла, не кричала,

А только в синем небе у макушки сосен
Протру до дыр непосланное — ты несносен!

4 июня 2010 года (1-е)

Бог спросит: «Как дела, Наташа?»
 А я отвечу: «Где он, день вчерашний?
 Где иволга, что осень предвещает,
 Где солнце, что меня не навещает?
 Где мой любимый, что уехал в поле,
 А я томлюсь его несыгтой волей?
 Где день и вечер, ночь и утро света,
 Чтоб верить всем всегда приметам?
 Чтоб говорить: вот город мой могучий,
 Хочу — и буду еще круче!
 Бог милостивый, где же это все,
 Раз мне не выйти на мое крыльцо,
 Не рассмотреть ни иволги, ни света
 И только знать: одна на свете этом,
 Никто не приголубит, не обнимет
 И сердце больше из груди не вынет,
 А будет только дождь осенний капать,
 Сребрая под ноги желтеющую слякоть,
 И только дни, что стали вдруг короче,
 Меня сожгут и что-то напроорчат.
 Прости, Господь, я — в преизбытке смуты,
 И каюсь, и боюсь, и разгибаю путы,
 Где так давно застрял мой голос, тих и внятен,
 Скажи, еще придет мой давешний приятель?
 Еще споем ля-соль из старого припева?
 Он — сильный и большой, а я — всего лишь Ева.

4 июня 2010 года (2-е)

Я Господу скажу: люблю,
 И помолюсь, и стану на колени,
 Вопросами его затереблю
 И снадобье спрошу от лени.
 И поклянусь так истово любить
 Зеленый куст и колос в поле,
 Что не достанет сил тужить,
 Избыточно меняя роли.
 И попрошу помочь
 И завершить ненастье,
 Что год за годом стягивает грудь,
 Я знаю, будет мне участие
 И отлетит, истаивая грусть.
 Расстанусь с праздностью,
 Рассыплю оговоры,
 Бразды любви лишь подтяну тайком,
 И никогда не потревожат воры,
 И рассосется в горле горький ком.

Спасибо, Господи, за то, что плачу,
 Что дань плачу тревоге и беде
 И не всегда держу за хвост удачу
 В заплахах дат — в их череде.

4 июня 2010 года (3-е)

* * *

Пространство разрывает — до — диез,
И вторит ему ветер — ля-ми-соль,
Окей, яхши, полундра, йес —
Кричу я морю, бедная Ассоль.

Швыряет волны в берег день и ночь,
И чайки волокут свой хлеб,
И разделить пространство мне невмочь,
И дождь над морем глух и слеп.

Остановите крик мой кто-нибудь,
Замолвите словечко пред судьбой,
И солнце обернется пусть
И даст луне последний бой.

Ах, сердце, то молчишь, то плачешь,
Не стоит ворожить, раз нету сил,
Куда ты устремляясь, скачешь,
Лишая меня грима и белил?

Ах, скерцо, где твои фантомы,
Что тоненько поют ля-соль?
И приглушает сердца тоны
Не проходящая ни днем ни ночью боль.

14 июня 2010 года

* * *

Ветер двери раскрывает,
В угольках огонь трещит,
Вечер тайну задувает,
Птичка у ворот трещит.

Пыльно-серая дорога,
Бледно-серая луна,
У меня путей немного,
Вижу всех их из окна.

Уведет один в любви,
Заалееет, увлечет,
Напоит, умоет кровью,
И поставит дни в зачет.

А второй раскроет сети,
Выловит улов, сморит,
Для чего мне игры эти? —
Только боль заговорить.

Третий же любовью пахнет,
Разудалым мужичком,
И душа уж не зачахнет,
Не завалится ничком.

Только мне туда не надо,
Не хочу я в путь идти,
А с тобой отправлюсь рядом,
Мне хоть в небо — по пути.

Что же ты не отзовешься,
Не окликнешь, не вздохнешь?
Мимо всех дорог несешься
И во сне не отдохнешь?

Ну, зачем так быстро в поле
Так кружится неба мгла?
Пожила и я в неволе,
Да тебя не сберегла.

30 июня 2010 года

* * *

Зной оплетает ограду сада,
Вползает на крышу, спускается в дом,
Я грому и молнии была бы рада,
В их честь бы выпила бордовый ром.

Дрожат на дверях закоптелые ручки,
Покрыто смогом пространство вокруг,
Я слушаю музыку «Великой кучки» —
Могуч и широк ее избранный круг.

И у соседа стоит на задворках жара,
Стремится в окна, вползает в холл,
Глядят на нее округи прожектора,
А чудится мокрый далекий мол.

Плотно осело 36 у забора,
У крыльца пониже — всего 35,
Я буду прохладу ждать до упора
И не ложиться все ночи спать.

Движение ветра почти не слышно,
Не видно облачка, повсюду — синь,
Как бы июль не вышел дышлом
И Ян не сменился унылым Инь.

Когда-то давно навещала осень,
И дождь проливала, и стыл октябрь,
То было иль нет — теперь не спросим,
А так бы хотелось вдохнуть сентябрь.

Очистить дом от налета скорби,
Что стала столбом под углом в 35,
Жар наступает, мы все — как зомби,
И зной не тает, жара — опять!

13 июля 2010 года

* * *

Растревожу тебя я голосом
И настрою на лад возвышенный,
Что колеблешься тонким колосом,
Помолчи, а не то — не услышу я.
Прикоснусь незабудкой синею,
Допьяна напою, мой ласковый,
Нет, не быть на дороге инею,
Я приду к тебе перед Пасхою.
В час астральный тебя покину я,
Улечу на край земли-матушки,
Загорюешь, заплачешь — не сгину ли
И сыграем ли снова в ладушки?
А Господь так посмотрит издали,
И вернется любовь-разлучница,
Повелось на веку так исстари:
Я теперь — амазонка-лучница.
До каких же пор, ненаглядный мой,
Собирать мне остатки сказок?
Хоть разок мне любовь пропой,
Чтобы день возвратился гладок.
У мечты моей краем лед застыл.
Обернусь — вся истаяла,
Мне и день, как и ты, постыл,
И загад, что далек, весь залило.

Не томи меня, не брани меня,
Пожалей скорей, туча грозная,
Гром ночной запалит огня,
И свернется ночь, ох, несносная.
Как же быть, как петь, как раскаяться?
Лучше в петлю влезть и не маяться.

25 июля 2010 года

* * *

Я забыла, я все забыла,
Как когда-то тебя я любила,
Как цвели незабудки в мае,
Как пропала искра в тумане,
Как живой белоснежный иней
Увлажнил сухостой лилий.

26 июля 2010 года

* * *

Как тюльпан, что цветет лишь в мае,
Так любовь моя тает и тает.

Я забыла, когда в полнолунье
Называл ты меня колдуньей,
Как в глуши непролазной чащи
Целовал меня слаще и слаще.
Я про все, я про все забыла:
Что казался когда-то милым,
Приглашал на застолье счастья,
Чтобы видеть меня почаще.
А потом все куда-то сплыло,
Я все норку поглубже рыла,
Все смотрела вослед восходу,
Но мне не было к солнцу ходу,
Я осталась одна на чужбине,
Ты же отбыл к своей долине,
И стригу я теперь купоны
Прежних лет, что давно в загонах.
И не верю, что счастье будет,
Что пчела поутру разбудит,
Что проснусь на твоей подушке
Лишь от счастья — не от удушья.
Что станцуем мы наше танго
Ближе к ночи — легко и пьяно,
Что меня очаруешь снова,
Только где же любви основа?

А она все рвется и рвется,
И бывшее стремглав несется.
А любовь моя вянет и вянет
И куда-то на днище тянет.

Как тюльпан, что цветет лишь в мае,
Так любовь мне все кажется раем.

27 июля 2010 года (1-е)

* * *

Я напутала, я все напутала,
День и ночь, сон и явь — перепутала,
Согрешить хотела с Архангелом,
Полететь в небеса, стать ангелом.

Я напутала, я жизнь перепутала,
Пригрозила девице-смерти:
Ты зачем мне всю жизнь запутала?
Закричала: вы ей не верьте!

Не смотрите, что солнце застило
Черной тучей, свинцовым облаком,
На душе затянуло патиной,
А на сердце — тяжелым мороком.

Я не только себя запутала,
Я всю жизнь паутиной накрыла,
Все хотела найти беспутного,
Ну, а вышло — лишь горе нарыла.

27 июля 2010 года (2-е)

* * *

Тихо течет вечерний арык,
Терпко пахнет исырк,
Я в узбекской стою тюрбетейке,
В хан-атласе, без телогрейки.

Я смотрю на чужую родину,
Предстаю перед нею уродиной
И вдыхаю хлопковый запах
В свою жизнь из прелюдий Баха.

Нет ни дома того, ни калитки,
И в арыке не встретишь улитки,
В сорок градусов — тень от бетона,
Молоко раскалилось в бидонах.

Здесь жара никуда не делась,
Хоть на Запад страна насмотрелась,
Не привился ей вкус ананаса,
Ей милей сюзане из атласа.

И иду я привычной улицей,
Что зрачком зачерненным щурится,
И по-прежнему только мнится,
Что родная страна приснится.

И что все возвратится снова,
И восполнится та основа,
На которой стоит и дышит
Мой Ташкент — обо мне он еще услышит,

И опять он меня полюбит,
Пиалу кумыса пригубит,
Расцветет первомайским маком
И останется в жизни знаком
Моей вечной любви и боли,
Он мне дорог все более, более.

27 июля 2010 года (3-е)

Риск мщениа

Ожиданье невыносимо!
Где ты, моя тетя Сима?
Где ты, май и январь,
Чьё дыханье острей, чем февраль,
Чем иные рожденья и даты? —
Разве я виновата?
Мне бы снова туда,
В развеселое детство,
Здесь так тяжело и некуда деться,
Там жизни движенье сулило блаженство,
А здесь далеко, далеко совершенство.
Где сорок жары в том забытом июле?
Здесь тридцать четыре — дымятся кастрюли.
Ну, что, мой Ташкент,
Что затих, притаился?
Или в этой жаре
Ты от зноя укрылся?
Я тебя не забыла
И помню о счастье,
Хмарь июлем накрыла,
Здесь сплошное ненастье.
Не забыла тебя,
Совсем не забыла.
Тщетно верила я,
Что вернусь, сизокрыла.
И летела Земля,
Поспевая за летом,
За ней следом и я —
За московским приветом,
Но больше нельзя,

Ты прости, уж нет мочи,
Хоть молчи или бейся —
Москва обхохочет.
А я припадаю
К заветной странице
Где мечеть и почтамт
И где сердцу не биться,
Не гореть зноем полдня
В июльском раздолье,
Ты стоишь где-то там,
А я снова в раздоре
И с собой, и с Москвой,
С самой жизнью, наверно.
Где та ветка халвы под Хивой? —
Как же я суеверна.
Милый друг, милый край,
Вспоминаю все чаще,
Растревожу всю ночь —
Не уснуть даже в чаще.
Отзовись, мой базар,
Моя улица, скрип за калиткой
Что молчишь?
Не поют больше скрипки?
Но звучит контрабас
На прогнувшейся полке,
А за стенкою — бас —
Я ловлю втихомолку
Этот дивный припев
Из далекого детства,
Он — во мне, он навек —
И мне некуда деться.

И я снова смотрю
С небоскребов московских
И беззвучно ловлю
Клекот волжский, приморский,
Только не полюблю
Неташкентский их рокот,
Только не разживусь
Я любовью к России
И в июль окунусь,
Превратившись в мессию,
И запомню навек
Про сентябрьский наш хлопок.
Слышишь, гордый узбек? —
Пусть мой голос и робок,
Но пою я тебе,
Как люблю и тоскую,
Мою милую родину,
Одиночкой кукуя
И к земле припадая
В цветах васильковых,
Озарений не жду —
Ни прошедших, ни новых.
Это бес ожиданья
По стеклышку водит,
И меня бередит,
И расспросы разводит,
И толкает назад —
К тете Симе из сказки —
Мне не нужно наград,
Заберите салазки —

И отправьте в заоблачный
Город зеленый,
Обнимаю тебя,
Мой Ташкент раскаленный,
Мой единственный город,
Где небо и суша
Составляют единство,
Как яблоко с грушей,
Как сухая колючка
С майским бархатом мака,
Как песочный сазан
С щуплым тельцем от рака.
Как Арал и Исрык,
Сюзане и атласы
Что-то голос мой сник,
Я – почти желто-красная раса,
Я – апрельский смешок
С аллергией на зелень,
Я – хлопковый мешок,
Ну, зачем вы надели
На меня этот груз
Беспросветного чуда?!
Оббежит степью мусс,
И отступят иуды,
И я снова вернусь
В край любви к тете Симе,
Только дайте – проснусь
В лето, осень и зимы

29 июля 2010 года

* * *

Я – февральский снежок,
Что почти прозрачен,
Я – апрельский смешок,
Что волной подхвачен,
Я – беспечная птичка ручная,
Заводная, зеленая, расписная,
Я – камыш у большой дороги,
Все дышу в постоянной тревоге,
Я – рыжеющий хвост лисицы,
Что пришла из ручья напиться,
Я – весенний зеленый ясень,
Говорящий, как день прекрасен,
Я – скучающий сноп пшеницы,
Что на поле слегка кренится,
Бестолковый упрямый дятел,
Что все долбит, как мир опасен,
Я – морская веселая рыбка,
Что пришила себе улыбку,
Разудалая лошадь в попоне –
Пусть попробует, кто догонит!
Заскорузлый винтик от стула –
Вот ведь жизнь как его согнула!
Я – бутон азиатского хлопка,
Дорогая твоя находка.

Я – горящее яркое солнце,
Засиделось в твоём оконце,
Я – зелёная кисть винограда,
Твоей грусти совсем не рада.
Я – высокое слово слога,
А вообще-то я – недотрога!
Ты прости меня, ради Бога!

30 июля 2010 года

* * *

Я щедростью твоей обескуражен,
В чепец зелёной ночи я обряжен,
И не печалит меня горькое участие,
Я тщетно поджидаю счастье.

Ты шлешь привет – но он уже не нужен.
Я две зимы суровые простужен
И на обломках твоего участия
Все жду-пожду – не будет больше счастья.

А цифры шествуют свои большим походом,
И жизнь сама проходит тихим ходом,
И на один квадратный метр счастья
Нет и полграмма твоего участия.
И только ты все отвергаешь счастье,
Не ведая, как жажду я участия.

И солнце, позабыв пределы,
Спешит наполнить золотым наделом
Те краешки земли, где я бездомен
И где лежу я на своей соломе.

И нет дождя, а только зной и сухость,
Меня настигла злая тугоухость,
Но все же не могу смириться с зноем
И все прошу у неба вечного покоя.

И дождь отваливает полную корзину
И роз увядших, и гвоздик картину,
И оборачивается ликом счастье,
И отступает подлое ненастье.

И льется с неба водопад желаний,
Насквозь промокших — в розовые длани,
А я стою, озябший и довольный,
Что льется дождь и счастья мне довольно.

1 августа 2010 года (1-е)

* * *

Законопачен в среде обитания,
Уже не услышу коняшкино ржание,
Уже не увижу пологих откосов:
Я вымер и вымерз в российских морозах.

Я все собирал свою звездную свиту —
Она диким плющом оказалась увита,
Ничком развалившись у кроны осины,
Сине-белый их стяг — из сплошной парусины.

Я покинул без боя бойцовское место.
Замесил разговор из прогорклого теста,
Выжег зелень травы, чтобы память отбило,
Позабыл и про ту, что когда-то любила.

Я поддался неистовой тяге к возмездию,
Перешиб пустозвон, как меня в детстве — жестью,
Закусил удила, чтобы память умолкла,
Закатал рукава, чтобы жизнь не намокла.

И отправился в путь по серебряным тропам,
Не успеешь мигнуть — как полжизни прохлопал,
Как ушли в никуда светло-синие дали.
Где вы дни мои, где? Вы меня не видали,

Вы не слышали шепот равнины в закате,
Моя жизнь — словно пух — почиваю на вате
И смотрю удивленно в остановку из точки,
Знаю все наперед, прикоснувшись к листочку,

Как в тиши изощренного бремени славы
Я почти сознавал, как вы были неправы,
Как грозились меня посадить за решетку,
Ну, а я уплывал, подгребая за лодку,

Ну, а я уходил, оставляя вопросы,
Видя берег морской весь в заплатах раскосых
И легко становясь то героем, то гномом,
Сам себя заряжал рыже-огненным громом,

Сам себе говорил: все, осталось немного,
И размеренно шел, приближаясь к порогу
Сокровенных минут отзвеневшего счастья,
Помашу мне рукой — я так жажду участия.

1 августа 2010 года (2-е)

* * *

И вот начнет таскать за волосы тревога
И становиться стражем у порога,
И преграждать желаньям и любовям,
И смерть сулить, не покосивши бровью.

И я поддамся липкому прищурю,
Познаю страх беды и стану дурой,
Отмыть смогу порезы всех ненастий,
Себя в спасенье дам — иду к согласью.

И в храм войду легко и вдохновенно,
Пусть ноша тяжела — зато любовь нетленна,
Зато горит лампада над постелью,
И комната пуста, похожая на келью,

И, помолившись в тишине распятыя,
Тревоге наподдам — скажу: не пьясья,
Не утруждай себя — раздорам поддаваться,
И в поле ночевать — домой не возвращаться.

И горько проклинать зловещую подругу,
Винить, и рисковать, и пропадать под вьюгу,
И верить в светлый день: вдруг солнце отзовется?
Растает даже тень — опять любовь займется.

1 августа 2010 года (3-е)

* * *

Я торопился жить,
Противореча бытию,
Я торопился плыть,
Зарок дав питию,
Я шел, ступал, летел
В намеренье успеть
До синей, до звезды
Однажды долететь.
Я сам, я только сам —
Кричал во мне гончар!
Я вам и только вам
Все горести отдам.
Я душу заложу,
Оправлюсь от потерь
И ту звезду зажгу,
Что синяя теперь.
И разорву обет,
Что сам себе я дал,
И получу ответ,
Где я — подлец и хам.
И долгих сотню лет
Я все спешу догнать
Тот ненаглядный свет,
Чтоб к радуге припасть.

7 сентября 2010 года (1-е)

* * *

Поторопится море скрыться
От забот моих, от ресниц,
И, наверно, когда-то приснится
В темно-синем берете принц.

И поднимет он острую шпагу,
И поправит бордовый камзол,
Но а я — не сделаю шагу:
Я на принца этого зол.

Рассекречу его секреты,
Обмакну в чернила перо,
И сниму золотые запреты,
И склоню, босоногий, чело.

Ну, а принц усмехнется надменно,
Обведет своей шпагой круг
И опять пропоет вдохновенно,
Что по-прежнему брат мне и друг.

Только я не поверю камзолу,
И берет не настроит на грусть,
Я все также склоняюсь долу —
Пусть уводит дорога, пусть.

Расстареется принц, воскликнет,
Как ему тяжело так жить!
И в минуту охоту отнимет
И перечить, и плакать, и быть.

И тогда запылится дорога,
Замаячит весь в яблоках конь,
И пойду я натыристым рогом
Приближать бесконечность погонь.

Это принц своим страхом метит,
Вспоминает о детстве — чуть,
И звезда нам обоим светит,
Я опять собираюсь в путь.

Разойдутся пути-дороги,
Память высветит детский стон,
Но по-прежнему я в тревоге
Все взираю на жизни звон.

И опять я хочу увидеть
Золотистый бордовый камзол,
В искаженном памятью виде,
Как когда-то я сильно был зол.

На смешного принца из детства,
Что со шпагой стоял у ворот,
Мне от детства некуда деться,
И за ним — опять поворот,

За которым увижу я море,
И услышу знакомую речь,
И уже не отважится горе
У ворот тех меня подстеречь.

7 сентября (2-е)

* * *

И пел так тоненько,
И выводил ля-ля,
И вился горлинкой,
Влетая в тополя.

И свет косил все вбок,
На радость маменьке.
И я не пек пирог —
Сказался маленьким.

Посыпал горсть муки
И получил сполна,
Но не поднял руки
И выпил яд до дна.

А в темном погребе
Шуршала ночью мышь,
И утром налегке
Я крикнул серой: «Къш!»

И вышел с рюкзаком,
Успеть чтоб к тополю,
И крался босиком
По росам, по полю.

Чтоб разглядеть того,
Что пел так тоненько.
Я увидал его —
Он был весь ровненький.

И странно выводил
Свое ля-ля, ля-ля,
И лес с ума сводил —
Качались тополя.

Мальчонка весь дрожал,
И сам был тоненьким,
И я его прижал —
Не вышли б поминки.

Мы сели у сосны —
Какая синь вокруг!
Проплыли тихо сны —
Он был мне брат и друг.

И голос зазвучал
Легко и пламенно,
И лес вдруг замолчал,
И сам стал маленьким.

14 сентября 2010 года (1-е)

* * *

Не зови меня в ненастье,
Я дождями не пойду,
У меня все в маках платье —
Я с ума тебя сведу.

Выйду в поле, стану плакать,
Обвинять то лес, то луг,
И начнет мне осень капать
Свои капли на испуг.

Платье маками косится,
Ждет, что выйдет гарцевать
Светло-рыжая жар-птица
И затянет погадать.

Погадаю: кто там снится
На коне иль на мече?
Рысью рыжий конь примчится,
На нем всадник без речей.

Оба станут в поле маков,
Примутся ворон считать,
Ах, ты цвет мой ясный маков,
Как тебя не потерять?

Что случится, кто примчится,
Радость или злая весть?
Только до утра мне снится
Злая теща и злой тесть.

Эта теща — мать родная,
Но для милого — Яга,
Как же встретить, облетая
Божью землю, не врага?

Только друга, только брата,
Только милого скорей.
За любовь какая плата? —
Сердце бедное согрей.

Посмотри на платье в маках,
Выйди в поле, конь уж ржет,
Ощути, какой тут запах —
То любовь нас бережет.

14 сентября 2010 года (2-е)

* * *

Заставлю сожалеть о нелюбви,
Гореть в огне и совершать причуды,
Ты пуповины нити оборви
И ожидай причастия от чуда.

Закрой глаза и подави сомненье,
Сожми кулак и выброси мечту.
Найди колокола, чтоб выжать мненье,
Звенящее, как молот за версту.

Не повторяй избитых слов и истин,
Испей любовь и ненависть уйми,
Сложи в рюкзак потертых ручек кисти
И перед росой утра обожди, замри.

Спали мосты, избегни груза смуты,
Засядь за письма о своей любви,
В роскошество сетей твои мечты обуты,
Ты листья о признаньях старые порви.

Не пей вина и поручись за дело,
Сигарный дым навеки разгони,
Услышь весну, чтоб тело пело,
А душу на алтарь прими.

Состарься на сто лет, на двести весен,
Сутулясь, обопрись на то крыльцо,
Где не был он, а если был, несносен,
То приносил заветное кольцо.

Еще придет, еще нагрянет утром,
А вечером сирень вдохнет и сдавит грудь.
Задуй свечу в подтеках перламутра,
И пусть душою завладеет грусть.

14 сентября 2010 года (3-е)

* * *

Ну, растревожьте вы меня молитвой
И перезвоном золотых колоколов,
Иначе рано утром я погибну,
Ну, сколько можно не считать врагов?!

Не видеть снов, не спать рассветным утром,
Не выводить телянка за порог?
Ну, почему должна я поминутно
Бросать вам вызов: Бог вот, вот порог?

Зачем спешите вы меня насытить
Чужой растленной молвой?
Я вам кричу: я не могу предвидеть,
Когда паду я ниц, исполнена мольбой?

Когда за сеновалом стылой ночи
Я упаду, зарывшись в вороха
Сухой соломы, плача, что есть мочи,
До дна души раздавши потроха.

Заставьте сожалеть о дне вчерашнем,
О птичьем пенье, о веселье рос,
О лютиках, попавшихся на пашне,
О красоте багровых роз.

Но только сохраните покаянье
Молиться втайне Богу и любви,
Пусть растревожит позднее свиданье
И запоют, как прежде, соловьи.

14 сентября 2010 года (4-е)

* * *

Листья сыплют,
Осень плачет,
Утра стынут,
Дни — иначе
Озоруют, глядя в зиму,
Не бранятся, не смеются,
А уходят тихим шагом
В неизбежность, в никуда.

Ну, а я под видом мага
Пробираюсь тихо садом,
Тихо садом у калитки,
У звенящего ручья.
В него листья попадают,
Они с кленов облетают,
И встает назло зарницам
Россыпь белая, ничья!
Отодвинув занавеску,
Утра позднюю повестку,
Я стою и замираю
От законов бытия.

Мне бы к суше подобраться,
Мне бы лучше озираться,
Мне б тебя бы не покинуть
На раскопках жития.

Только точит злая птица
Коготки свои в темнице,
Только смотрит и косится
На безумных злых подруг.
Ну, а мне бы исхитриться
Ухватить крыло жар-птицы
И на юг мне устремиться
От морозов и от вьюг.

В том краю мне вдруг приснится,
Что зовет крыло жар-птицы,
Я встаю и собираюсь,
Чтобы двинуться на юг.
Как легко лететь в согласье,
Не обидно разногласье,
И, все кажется, приснится,
Птица белая — мой друг.
Ну, а ночью мне засветит
То фонарь, а то и ветер,
Отзовется шумом ставен,
Измученно отворив
Мои двери громко настезь,
Озарив дождем пропащим,
Небо зноем одарив.

Ах, какая злая вьюга,
Мне — безмолвная подруга,
Улетая в край далекий,
Ввысь взмывает, и смеется,
И поет издалека:

«Я к заутрене вернусь,
Утру, солнцу улыбнусь
И, наверно, на рассвете
И отгаю, и влюблюсь».

Только гонит ветер шумный
С половиц, почти безумный,
Неуклюжую растяпу,
Потерявшую покой.
«Выходи, космач огромный,
Не боюсь тебя, холодный,
Я сегодня в одночасье
Распотешилась сама
И твою подругу-вьюгу
Я отправлю нынче к югу,
А сама вздохну и сяду
У разбитого крыльца.
Причешу вихор упрямый,
Гляну в поле прямо-прямо,
И услышу дивный, пряный
Дух гнедого жеребца.
Он прибьется у забора,
Станет важною персоной
И начнет гулять кругами,
Поджидая молодца».

Да и я сама не медлю,
За обедом — чуть не в петлю —
Все боюсь спугнуть, не встретить
Дорогого удалца.

Он придет в зеленой шапке,
Вынет шпагу с рукояткой,
Схватит и меня в охапку —
До победного конца!

Только бы оно не снилось,
Сбылось, сбылось, сбылось, сбылось,
И ускачем в одночасье,
Встретив по пути гонца.
Он взмахнет рукой могучей,
Станет вдруг чернее тучи
И расправится покруче,
Чем вселенская молва.
Ну, а я совсем поникну,
Брошу белую накидку,
И в орлином его взоре
Вдруг сверкнет: я не права!
Что ж, несусь и я к той туче,
Слышу голос тот могучий
И взбираюсь выше, выше —
Вплоть до синего крыльца.

Мне остались две ступеньки,
Поскорей меня согрей ты,
Я седым дождем умылась —
Нет, не скрыться от гонца.
Он сильнее, он все круче,
Слышу топот я скрипучий —
Это осень попевает,
Пригоршни цветов даря.

Как же верила я лету,
Дожидалась все поэта,
Ну, а он пришел, надменный,
И ударил молодца.
Кончились в то лето сказки,
Опрокинулись салазки,
Горлинки присели к крыше —
Больше нет на мне лица.

Больше не поют рассветы,
Соловьи не шлют приветы,
Только степь стоит, томится,
Поджидая жеребца.

26 сентября 2010 года

* * *

Пытаюсь приоткрыть окно
То в вечность, то в беспечность — все равно,
Мне так поется в тишине двора,
Что сознавать не хочется — пора!

Пора мне быть мудрей и проще
Но не поет тот соловей в пугливой роще,
И катит страхом в белую метель.

Ты слышишь ли меня, мой Лель,
Мой одинокий друг, одетый странно?
Я говорю и думаю пространно,
И сочиняю всеу — день-деньской

Привычный стих свой — дверь открой!
И посмотри, как в небе ясно,
Как шествует луна напрасно
И вдохновенно дождь идет.

А я все знаю наперед,
И, дерзновенная в мечтах, померкну
И допущу опять проверку
На таинство и на любовь.

Мне долгий путь, — и вновь и вновь —
Все шепчет яростное слово,
К нему я все же не готова
И не могу примерить снова
Я новую любовь.

И не могу принять,
И тождества искать,
И драму жизни вить,
И в горести не выть.
И совершать неистовства любви —
Так сердце просит: оборви
Ту нить, что в юности связала,
Но путеводною не стала,
А истончалась и рвалась,
А к дому не подобралась.

14 октября 2010 года

* * *

Шальная музыка стучалась в окна,
Ломилась в двери, выключала свет,
И девочка у дома долго мокла
И превращала чье-то пенье в бред.

Ломило поясницу — звук все резче,
И становилась розыгрышем мысль:
Люби меня как можно крепче
И не зови, как кошку — кыс.

Пеняй погоде, шороху и ветру,
Что так сцепились в битве за любовь.
Шальная ночь под стать стальному фетру,
А шпаги в ножнах — жаждут кровь.

Стихает музыка звучащей ночи,
И девочка не плачет в тишине,
И я кричу так сильно, что есть мочи:
«Ну обернись же, обернись ко мне!»

И стильный запах жареного кофе,
Смешавшись с звуком флейты, истомил,
Ночная свалка отдавала профи,
И чудный звук все таял и манил.

О, вихрь страстей, куда ты задуваешь?
Кого любить прикажешь и жалеть?
Окошко в прошлое тихонько открываешь,
И утро сонное все жаждет заалеть.

Проснемся, отойдем от ночи,
От звуков флейты, запахов любви,
И маг — волшебник слова — напроорочит
Слова из ниточек: смотри, не оборви.

Иду по улице, смолкает смута,
Гляжу в окно: нет девочки в ночи,
И только нежится святое утро,
И по весне слетаются грачи.

1 ноября 2010 года

Прощение

7.9.52.
I

* * *

Застонут, зазвенят колокола,
И я пойму, что сердце не остыло,
И, жизнью переполнена сполна,
Скажу тебе, что счастье было.

И робко потолкавшись у дверей,
Оно сбежать спешило, нас не дожидаясь.
Ладонями своими душу отогрей
И уходи, не глядя, не прощаясь.

А что же птица, что всегда у дома
Плела из прутьев вечный свой покой?
У дома не осталось даже кола,
И птица улетела в край другой.

И только мы,
Натужно улыбнувшись,
Все повторяли колоколу в лад,
Что жизнь уходит, к нам не обернувшись,
А мы смеемся, часу невпопад.

Ну, прилетай же поскорей, синица,
Не изменяй ни дому, ни судьбе,
Дождемся до весны — и наши лица
Укором скорби скажут — быть беде.

Ни ей, ни переносам слухов,
Ни сплетникам, ни даже скрипачам —
Я шел в стремлении собрать всех духов
И наподдать болтливым трепачам.

И жить в угоду чистоте и маю,
Смотреть в окно и видеть синий мир,
И так тебя, родная, умоляю,
Чтоб приготовила на мир ты пир!

6 ноября 2010 года

* * *

Отвага обреченного на смерть
И поцелуй ушедшего в нирвану,
И бой часов — ах, начало темнеть,
И нож — не затянуло рану.

Кому еще сказать о кромке льда,
Что так стремительно несется в море?
Кому запеть, как борзая орда
Лет триста приносила горе?

Не слышит крик ни море, ни земля.
Стоит рассвет, сговариваясь с полднем.
И пролетает синей гущей гля,
И оглушается пространство воплем.

И я — один на дальнем берегу —
Спешу укрыться в шалаше из лени.
И ничего уже не сберегу,
И побоюсь своей же тени.

Стою и жду, как солнце отзовется
На мой призыв исследовать любовь,
Как в мае гром то ливнем обернется,
То вдруг остудит голубую кровь.

И неба, и земли, наград — их мало,
И мне не достучаться до любви.
Беда с печалью заплетают валом.
И я кричу Вселенной: не реви!

Не тереби меня, не пой протяжных песен,
Не складывай в чулан стальной кинжал,
Я буду сам играть и буду весел,
И, может, сберегусь от горьких жал.

А жизнь прекрасна, кто ж об этом спорит?
И так несется в удали своей,
Что уступает закоулки горю
И мчится прочь от игрищ и затей.

15 ноября 2010 года (1-е)

* * *

Сомкнутся небеса, и сон растает смутный,
И волшебство той ночи отойдет,
И станет постепенно приближаться утро,
И станет ясно: солнце вновь взойдет.

И только ночь в мерцанье вечных истин
Царицей вновь восходит на престол,
И не найти в архивах древних кистей,
Запечатлеть, как долог ночи дол.

Как та возможность, что обнимет плечи,
Из Млечного Пути, из звезд и снов,
Вдруг оборвется о несвязность речи,
Запутавшись в обилье слов.

Не спи и ты, ведь сон не будет мудрым,
Оденься и пойдешь во двор,
Где властвует над тихим легким утром
Едва остывший к ночи разговор.

Набрось на плечи пелену тумана,
Услышь, как тополь говорит с травой,
И будет тебе целой жизни мало,
Чтобы в восторге погрузиться с головой

В загадку тайн из злаков и полыни,
Из тихих шорохов зеленых трав,
Я был тогда и буду и поньше,
Хотя и знаю — прав я и не прав.

И все томлюсь несовершенством ночи
И нападаю на свои права,
Она мне раду из снов пророчит,
И кружится от счастья голова.

15 ноября 2010 года (2-е)

* * *

Когда придет мой день, мой час,
Когда наступит осень,
У листьев охровых в тот час
Останемся и спросим,
Кто нас приворожил
И кто кружит по кругу,
Я долго, долго жил,
Превозмогая вьюгу,
А листья все шуршат,
Развенчивая лето,
И ясно — не придет
Веселая пора поэта.
А только древний смысл,
Как таинства искуса,
Как аромат печали,
Еще покручивая ус,
Стремится к обвенчанью.
Желает погрузить в ничто —
Как эта желтая подруга —
Смеется — ей-то хоть бы что,
Она одна всему порука.
Ах, серебристый стон
Желтеющей печали,
Еще прохладен он,
И листья одичали.
Как разгоняет сон
Шершавая погода,
Как осторожен он —
Почти зиме в угоду, —

Что вот уже стоит
На дальнем перекрестке,
И к осени спешит,
И шьет носок в наперстке.
И катится быстрее
Моя бывшая юность,
Как тощий воробей
Хранит беспечно мудрость,
Так поспешаю я
Приблизить к изголовью
То ложе, где зима
Приветствует с любовью.
Ах, осень, погоди,
Ну, дай же насладиться
Еще погожим днем,
Еще с ручья напиться,
Еще не растерять
Щедрот шального лета
И только ждать и ждать
Безумного поэта.
Ну, ладно, отдохни,
Еще придет твой полдень,
Ты руку протяни —
В награду будет орден.
Еще наполнит день
Твоей судьбы середина,
И листья бросят тень
Рябиновой године.

И пропоет свирель
Так нежно и так страстно,
Что шелохнется ель —
Все в жизни не напрасно.
Раскроются черты
Твоих златых узоров,
И задрожат мечты
Перед горящим взором.

15 декабря 2010 года

* * *

Я курила папиросу —
Думала, проходит жизнь,
Выпила в харчевне морсу —
Жизнь моя, продлись, продлись.
Завершая ожиданье
Пламени в душе моей,
Я бросаю состраданье,
Поскорей меня испей.
Солнце воздух озаряет,
Капельки чисты-чисты,
Сердце осень осязает,
Мне остался только ты.
Брошу к черту папиросу,
Жизнь не кончилась, живу
И склоняюсь все к вопросу —
Отчего же я реву?
Посмотрю по сторонам я —
Все ликует и поет —
Навсегда себя отдам я —
Пусть скорей любовь придет.
И тогда ни папироса,
Ни мартини, ни вино —
Задохнусь от купороса —
Вот такое вот кино!

19 декабря 2010 года (1-е)

* * *

Мама радостью неожиданной
Вдруг вошла ко мне в окошко,
Властью, чувствами мне данной,
Я поверю понарошку
В то, что лето возвратится,
Пропоет у солнца птица,
Полнолуние засветится,
Сердце станет громко биться.

Мама была больно-больно,
Я сознание потеряла,
Вспомнила потом невольно,
Как в том сне я пряжу пряла,
Как невольно опоздала
На заветное свиданье,
Ты препятствовать не стала —
Выполню твое заданье.

Мама молча улыбнулась,
Собрала цветы в лукошко,
И, как в детстве, упорхнула
В нераскрытое окошко.

Я смотрела долго-долго,
Подчиняя расстоянье.
И заметила, как колко
Колет взгляд, ища слиянья

С незабвенностью надежды,
Веры, что стреляет в воздух,
С злобной яростью невежды,
Ковыляющей под посох.

Дорогая моя мама.
Замоли на небе слово,
Вся я — ноющая рана,
Ты одна — моя основа.

Завершая танец утра,
Сокращая расстоянье,
Сыплет сверху тихо пудра,
Обещая вечность знанья.

Мама, мамочка, родная,
В небесах сегодня полдень,
Приходила ты из рая
О себе, земной, напомнить.

19 декабря 2010 года (2-е)

* * *

Мне кажется, кокосы не растут в пустыне,
И не плетутся в море кружева,
И чайки не тревожат в небе синем,
И ночь все длится, пока я жива.

И не разбудят на рассвете росы,
И серебро дождя не вспыхнет под луной,
И не подарит мне любимый розы,
И я останусь босой и нагой.

И снег не выпадет ни в декабре, ни позже,
А только шум листвы заставит сожалеть,
Что не стелила я когда-то ложе,
Чтоб от любви незваной ошалеть.

И не случится совершать молитву
И видеть Вифлеемский свет звезды,
Мы оба проиграли нашу битву,
Осталось до дому — лишь две версты.

Уже не слышен звук гортанный горя,
И не ведется тихим следом след,
Такая выпадает в жизни доля,
Какой не същещь сто и тыщи лет.

И так же будет колокольчик виться,
И свет ручья метаться и блуждать,
И дивный месяц будет долго сниться,
А я все так же буду ждать и ждать.

7 января 2011 года

ПЕСНЯ

Над моей головой летят птицы, машут крыльями.
Мне б воды из колодца напиться, да ладони пыльные.
Машут горестно, машут сердцу в такт, словно глянцами,
Не смотри на меня ты так — мне на танцы бы.
Оставляют след в небе ниточкой, испаряется он в мгновение,
Собралась боль моя в медном ситечке, ах, скорей бы ее воспарение!
Еле видно след, еле слышно звук, пахнет пряностью,
И стеной стоит тишина вокруг — пережить ее надо данностью.

Вдруг раздался взрыв — горы сразу в крик, опустело небо бездонное,
Я почувствовал, я всем телом сник, и оно теперь многогонное.
Что же все вокруг растревожилось? Солнце, сделал круг, покорежилось.
Ты смотри, Земля, не стори догла, до малейшей своей до капельки,
Я гляжу окрест и не вижу дна, я теперь стал совсем маленький.
Горы сдули пыль, ветер выгнала, прорастает боль, и не вглубь, а вширь,
Я — без маменьки.

8 января 2011 года

СЛУХИ

* * *

Привычный звук пронзающего лука —
Летящий приговор судьбе.
Мне ждать его — такая мука!
Я адресую знак любви тебе.

Летит стрела и колет приговором
Заметную печаль и точный слух,
Мир полнится стрельбой и оговором,
Беря в свидетели всех слуг.

Не трожь меня и не тревожь укором,
Где пик свинца и жесток, и суров,
Заверь меня, что даже в гневе споров
Я не найду следы зарвавшихся воров,

Которые стремятся опорочить,
Склонять молву глумиться и ругать,
Не лучше ли расплаты день отсрочить
И даже призракам шальным не лгать?

Лети, стрела, пронзая поднебесье,
Держи покрепче нищую молву,
Я к вечеру, надеюсь, вновь воскресну
И волны слухов в ключья разорву!

12 января 2011 года

Не станут листья собираться в стаи,
Не пробежит над озером туман,
И капелька росы в траве истает,
И вновь покажется, что жизнь — обман.

И я не заведу опять романа
И захочу везде успеть,
И звуки деревенского баяна
Мне будут сердце греть.

И маленький рогатый козлик
Опять забьется под мою кровать,
И я не совершу свой постриг
И согрешу с тобой опять.

И солнце покачнется, укоряя.
И вечер подоспеет под окно,
Я выйду в поле босая, нагая,
И не замечу, как сойду на дно

Большого корабля с зеленым стягом,
Где нет ни боцмана, ни моряков,
И дивный воздух не пропитан ядом,
И больше не отыщется врагов.

А только будет зеленеть даль моря,
Моя деревня вспыхнет на заре,
Козленок унесет остатки горя,
И я останусь плыть на корабле.

22 января 2011 года (1-е)

* * *

Из горестей сплету венок,
Из бед и слез — подкову,
Из ножен достаю клинок,
Чтоб обновить обнову.

Взберусь на крышу маленького дома,
Увижу всю деревню и родню,
И захмелею от глоточка рома.
И лихо папироску закурю.

И буду слушать, как трепещет колокольчик,
Как шепчет совушка и вторит ей скворец,
Как пробирается по тропке ёж-игольчик
И как на это смотрит наш творец.

Устану, разморит погода,
Я откажусь от хлеба и халвы
И буду ждать еще полгода,
Придут ли под окно волхвы?

И я поверю, расстелю матрацы,
Зажгу свечу и сяду у окна
И попытаюсь подытожить вкратце
Свои ошибки — что же я одна?

Все так же будет петь в саду синица,
Стеречь мой дом дворняга на снегу,
И я спущусь с крыльца умыться
И никуда уже не убегу.

И тот венок, что я сплела однажды,
Отброшу в сторону — зачем он мне теперь?
Я пью из рук — такая гложет жажда,
И в ножны опускаю нож — не надо мне потерь.

И лишь подкова обретет значенье,
Но без печали и без слез — пускай висит!
На крыше я стою, прошу прощенья,
Я жду на Пасху высших сил визит!

Придет, прикажет сесть, склонится,
Увидит, как послушно я живу,
И больше не позволит мне молиться
И ветвь подарит — я ее сорву.

22 января 2011 года (2-е)

* * *

Рассветным сном закончится, петляясь, ночь,
Сцепив объятия, вмиг отяжелеет,
И синяя печаль начнет качать,
И память о былом посожалеет.

И столь же синий привкус деревянный
Сырых полов и полумокрых стен
Начнет играть свою простую гамму,
По капле возвращая былъ измен.

И возвратится полудремный сумрак,
Что наспех пробежит по крышам дня,
И лучик солнца будет так же юрок,
И я прожду опять надежду зря.

Вот так же, сохранив заранее
И пагубность страстей, и вольный дух,
Я вдруг увижу, что не заметил ранее,
И в упоенье дня рассыплется испуг.

Что стягивал, сжимал запястья
На кистях рук, на памяти и на былом.
Как хочется испить полрюмки счастья
И не заикливаться — что потом?

Потом — мечта, и никуда не деться,
Потом — лишь сон и сладкая постель,
Потом — в сырую мглу одеться
И ждать полжизни всего двух гостей.

6 февраля 2011 года

* * *

А гром все непрерывно громыкает,
И молнии стремятся захватить
Небесное пространство, что пылает,
И дух еще — с ним так легко любить.

Раскаты слышны на земле и в море,
В весеннем сумраке застывших скал,
И молнии уносят гроздь горя.
И вижу только суши злой оскал.

Стремлюсь постичь все тайны, где сокрыты
Отгадки на причуды бытия,
Но тает снег, и карта моя бита,
И мы не слышим гром — ни ты, ни я.

И только бережно ведет под руку полдень,
Давая знать, что дело не в грозе,
Шаги выписывают странный фортель,
И ты по лужам шлепаешь во всей красе.

Ах ты, изменница-природа,
Что учудила в самый пик весны!
Забыв грехи, я припадаю к роду
Всех праведных, что видят сны.

И, осторожно поборов смятенье,
Иду навстречу грому и ветрам,
И вижу: впереди мое спасенье.
И слышу звук — то Бог идет во Храм.

21 февраля 2011 года

* * *

Все прозрачней и прозрачней жизнь,
И поступь ее все нежней и тише,
И сорок раз молитвами клянись,
А золотой итог все ближе.

Земля насушилась холодностью своей,
Не принимает ни листвы, ни солнца,
Хоть пеленой тумана ты ее согрей —
Она промерзла до глубин, до донца.

Уйди, февраль, как мне с тобою трудно —
Ни ласточки, ни солнца у ворот,
Но ты стихаешь медленно и нудно,
Высчитывая дня коловорот.

Но было бы не 28, а 17,
Или еще намного меньше дней,
И мне не 60, а лишь 15 —
Такое превращенье февралей!

Отступит боль, уляжется ненастье,
Давление покинет русло вен,
И вдруг лукаво улыбнется счастье,
И жизнь помчится, как игры рефрен.

22 февраля 2011 года

* * *

Так тоненько, так высоко пел голос,
И сбились птицы, чтобы уберечь
Хотя б один, но нежно-светлый волос,
Который с кудрями скатился с плеч.

Так высоко, так вдохновенно,
Что шаткою казалась твердь земли,
И пели птицы столь же озарено,
И слышен шорох был — внемли!

Послушай, как у дятла на рассвете
Энергия стучится лбом,
Как серый пень под стареньким навесом
Внезапно издает свой стон.

Как полусонная природа
Отряхивает пыль с седых своих ветвей.
Как черноокая погода
Все списывает на погожий день,

Как смятый полдень в ожиданье —
Раскрытых кем-то вдруг дверей —
Стоит почти что виноватый,
Отбрасывая к солнцу тень.

И все становится возможным:
Любовь и дружба, вечная весна,
Что и подсчитывать почти не нужно,
Какая выпадет пора,

Когда с порога снежность покрывала
Закроет шишками сосна,
Я знаю, ты пока не прилетала
И не звенели на церквях колокола.

И только голос, вдохновенно-нежный
Летел над всей зеленою землей.
И птицы улетали в край нездешний,
За ними вился голос мой!

23 февраля 2011 года

* * *

Твой лошадиный абрис,
Густая борода,
Полуфривольный ракурс,
Презренные года,

Энергия походки,
Прищур веселых глаз —
Достойные находки,
Вводящие в экстаз.

Твой взор почти ликует,
В фигуре — сталь и стиль,
И сердце не ревнует,
Что в отношеньях — штиль,

Что величавый полдень
Давно накрыл слова,
Лет двадцать от которых
Кружилась голова,

Что солнце разметало
Все тени от любви,
Ты соткан из металла,
А я лишь пух — лови!

И снова явь воскреснет,
И розы оживут,
И своенравной песней
Поклонники проймут.

И лишь твоя осанка
И широта груди,
Игра в ферзи и дамки —
Остались позади.

Твой профиль из загара,
И пирамидой нос
Любить не перестану
Ни в шутку, ни всерьез!

25 февраля 2011 года

* * *

Предчувствие беды,
Предчувствие любви и горя —
А я плыву все дальше в сине море
И ни о чем не ведаю — одна!
Ну, что же за судьба такая,
Когда, красивая, во цвете лет,
Сижу и жду тебя, нагая,
И дивный голос мой пропет!
А вороны слетаются все ниже,
Все крыши золотым сверкают торжеством.
И кот мой все ладонь мне лижет,
И жизнь благоухает божеством!
Как утерпеть, не застрелиться,
Не спрыгнуть вниз, в веревку не засунуть нос? —
Мне легче было б удавиться,
Чтобы не видеть жизнь всерьез.
Но сон проносится — все мимо,
И птицы верещат опять,
И снова улыбаюсь Риму.
И ум не просится поспать.
И только обретаю твердость,
И легкость взгляда, и речей
И осязаю водяную донность,
Не ощущаю тяжести мечей,
А лишь смотрю в закатную безлунность
И поверяю словом времена.
И только жду, когда придет мудрость,
Чтоб сеять солнца семена.

5 марта 2011 года (1-е)

* * *

Жизнь снова подарила мне права
На радость осязания любви.
Я знаю, как несносно неправа,
И думаю сто тысяч раз — живи!
Я дергаю за ниточку судьбу
И проверяю, так ли поняла тебя?
А ты сложил заботы на арбу
И проживаешь годы, не любя.
Растягиваю ночи за концы
То лунных, то беззвездных покрывал,
И жду, когда пошлют гонцы
Послание, чтоб страх мой покрывал?
В нем только восемь строк любви,
Всего лишь два глагола и упрек,
Прошу тебя сто тысяч раз — живи,
Чтоб сок от страсти не истек.
Когда расступится ночная тьма,
Я вновь пойду по лугу собирать
Ту дань, что поздно отдавать.
В ней — скрежет исковерканных речей
И отголоски прошлогодних снов,
Я догадалась, вспомнила, ты чей,
Все удержать хотела шаткостью основ.
Но на прощанье ветру и судьбе,
Назло всем слухам, странностям молвы
Я подчиняюсь с гордостью тебе
И только жду, когда придут волхвы?

5 марта 2011 года (2-е)

* * *

Мысль капает по капле капля,
Стучится в приоткрытость двери,
А на пороге — чья-то цапля
Считает все мои потери.

Жизнь бьет ключом, а мне — все по лбу,
С сомнением смотрю издалека,
Как в пиве плещется бедняга-вобла
И мир качается слегка.

6 марта 2011 года

* * *

И вновь расщедрилась погода на ненастье,
Опять взываю к небу и мечтам
И уповаю на безмерность счастья,
И пребываю в лесе — где-то там.

И рушатся обломки самовластья —
Спасибо Пушкину, что слово подсказал, —
Я постигаю горечь сладострастья,
И помню слово, то, что ты мне не сказал.

Горю в предчувствии любви и боли,
Печать рисую на своем окне
И не смогу постигнуть вкуса, кроме
Лиловых орхидей в багряности огней.

Зачем припомнился почти забытый образ?
Зачем привиделись те чувства и слова,
Что пробудили мой уснувший возглас,
Зачем опять кружится голова?

12 марта 2011 года

* * *

Незванный гость повадился стучаться,
Ломиться в дверь, заглядывать в окно,
Сегодня рано начало смеркаться —
Он тут как тут — но мне уж все равно.

Летит ли лист в серебряную полночь,
Шумит ли дождь в надежде на тепло,
Или крадется потихоньку полдень —
Я, кажется, живу давным-давно.

И не сгребая одиноких листьев,
И не таю безмолвную печаль,
Спускаются с рассветом наливные кисти,
И мне немного прожитого жаль.

Как жаль тебя, что так исчез внезапно,
Ушел и не захлопнул дверь,
Я все смотрю, и так досадно,
Что бродишь по миру, как одинокий зверь.

И на душе становится тревожно
От стука в незакрытое окно,
Неужто счастье все еще возможно
И встретиться нам все же суждено?

14 июля 2011 года

* * *

Тахикардия. Почти как обстрел.
Ничего не случится —
Только день очень сер.
Только птаха бродила,
Искала семя,
Деток растила,
Целое племя.
Любила очень,
Скоро осень.
А так — благодать,
Почти не видать
Ни цветов,
Ни возгласов пламени —
Все погасли, отравлены
Неприступным снобизмом
И сонмам слов,
Пароксизмом забытых снов,
Изумленным рассветом,
Спустившимся с гор,
Ты где, Пифагор?
Где природная гибкость ума? —
Она сожжена дотла,
До последней песчинки,
До синей кровинки,
До плеч и до губ —
Мне жить не дают.

Мешают избыточно мыслить,
Летать, совершать открытья,
Опрокидывать водку в стакане,
А руки — это темные длани.
Не лучше ли застрелиться —
Или нет. Как у феи — спицей,
А еще — натереть веревку —
И марш в изготовку!

Нет, не годится
Не застрелиться, ни петлей укрыться, —
Мрачно, не эстетично,
И в жизни не пригодится.
А лучше Лучше в морозную полночь
Отыскать быстроногую сволочь,
Оберечь и обхолить — не спится:
Все снова снится синица,
Все скрежет железный изводит
И тихо на мысли наводит.

Не лучше ль водицы напиться,
Чтобы не застрелиться,
Чтобы белой луны колыханье
Продлилось прощаньем,
Но только не с прозрачной жизнью,
Что в белых лугах разместилась,
А с тоненькой белой нитью,
Что сверху спустилась
И стала отмеривать марш хронотопа,
Ромашками луг — словно рота.

Не троньте, не гните последние стебли,
Они вряд ли воскреснут после петли
За призрачным боем.
Ау, не стоните, я стану изгоем,
И опять разорву длиннокрасные стяги,
И задам всем леща, трепеца от отваги.

Я здесь, я еще виноват пред тобою,
И мир из спиралей я все же открою,
Растревожу альпийские синие дали,
Я здесь, не застрелен и нету печали,

И нету разлук, подвывающих тошно,
Я недруг и друг — и иду осторожно,
В венчанье надеясь услышать два слова:
Я здесь, я с тобой, просто я не готова.

15 июля 2011 года

* * *

Наступит судный день, и загорятся очи,
И день отбросит тень, но не сейчас, а к ночи,
И так наступит ночь, свежа и величава,
Кричать уже невмочь, ты где, моя держава?!
Ты что стоишь и спишь, не поводя и бровью?
Смотри, как спит малыш, не обгаренный кровью,
И я опять прошу так сильно, так надсадно,
Я к берегу хочу, но мне туда не надо,
Я лучше притаюсь в закрытом тайном месте,
И больше не домчусь к тебе, моей невесте,
И буду долго ждать, как, истомленный миррой,
Ты все не ляжешь спать, в залог оставив миру
Презвонкий свой накал из воспаленных нервов,
Чужого я не брал — все выгащили стервы.
В далеком далеке еще плывущей лодки
Я еду налегке — смотрю: твоя походка,
Твой устремленный взгляд на обустройство мира —
Не дорог был загад — на голове все лира,
И все ликует жизнь, и родина кружится,
Почти в раздоре мысль, и мне опять не спится.
И этот судный день, что остывает к ночи,
Уже не бросит тень, и гром не прогрехочет,
А только соловьи в своей лесной прохладе
Раскроют «ми — ля — ми», и быть опять в накладе,

И снова тщиться спать, не ведая постели,
Ты видишь — журавли, они ко мне летели,
Они как знак судьбы, и нежный, и опасный,
Летят себе, летят, и жизнь опять прекрасна.
И Родина опять флиртует и взыскует
К высокой ноте «ля», и жизнь во мне ликует.

15 августа 2011 года

СОДЕРЖАНИЕ

С Т И Х И 2005-2011

О. Крюкова. Дорогами любви 5

РАССТРЕЛ – И В ДАМКИ

«Не знаю. Как быть, я не знаю...» 13

«Провозглашаю нелюбовь и безрассудство...» 14

«Признаюсь, я с тобою несвободен...» 16

«Лишь шорохи колеблют ночь...» 17

«Звенит веселая вода в ручье...» 19

«Ни звука, только тишина поет вокруг...» 20

«И воспаряет мысль легко и вдохновенно...» 21

«Пишу вздох о неразумной власти...» 22

«И грянул бой, и разомкнулись руки...» 23

«Я просыпаюсь и тихо взлетаю...» 24

«И явственны, и выпуклы черты...» 26

«Падают звезды, как гроздь граната...» 27

«Пряный привкус красного граната...» 28

«Мир раскололся на две части...» 29

«Ветхозаветная страница...» 31

«И вот уходит день...» 33

«Нет больше гроз...» 34

«Король и шут — дуэт из разногласья...» 37

«Мне жаль моих воспоминаний...» 38

«Прозрачность осени все спорит с фонарями...» 41

И СНИТСЯ СОН...

«Это ангел пролетел...» 45

«Я — двуглавый орел, что летит в поднебесье...» 47

«Я — вислоухий пес, бегущий краем моря...» 49

«Останется лишь ждать апреля...» 50

«Так вдохновенно лгать...» 52

«Я в август не вернусь...» 53

«За окном — ташкентский вид...» 55

«Мне светят фонари со всех вокзалов...»	57
«Я вознесусь и упаду, как птица...»	59
«Останется одно вранье...»	61
«Сарынь на кичку» — и вздохнуло сердце...»	63
«Отступила осень...»	65
«А я покосы собирать устала...»	66
«Звезда погасла...»	68
«Поезд долго все неся куда-то...»	69
«Проходит поезд мимо полустанка...»	70
«Застыл, недвижим, в океане остров...»	71
«Печалится земля, покрытая туманом...»	72
«Кто прав, не разберет и сам Господь...»	73
«Останусь горевать на крыше чердака...»	74
«Учту все промахи, обиды, предсказанья...»	75
«Не появилось в небе точки...»	76

В ЛОДКЕ, ПЛЫВУЩЕЙ ПО НЕБУ

«Я не в ладу с собою и с судьбой...»	79
«Открою заколоченные двери...»	81
«Что смерть? Дыханье, возглас, дух?..»	82
«И желтый лист летит в шершавые ладони...»	86
«Намокшие листы летят и спотыкаются об осень...»	89
«Вторгается декабрь в мою судьбу и в осень...»	91
«И вот опять неспешными шагами...»	93
«Рождается сонет из звуков несогласья...»	94
«Истерта в порошок, я жажду сатисфакций...»	96
«Ну, что за пустота за мною следом...»	97
«Прохожий, оглянись...»	99
«Я сторожу судьбу, как охраняют даты...»	100

ТОРЖЕСТВО ИСКУШЕНИЯ

«Истерта, измята и сжата...»	103
«В живую прелесть плотского начала...»	105
«Искусство — не судьба, а лишь ее замена...»	106

«Я встану на носочки, на пуанты...»	107
«Ни сути, ни корней, ни сердцевины...»	109
«Ни этот сад...»	111
«Уже не спит, покрытый утром, лес...»	114
«Из сплетен и стихов, из наважденья...»	115
«Солнце прощается с морем, уходит за тучи...»	117
«Рассудку вопреки я отдаюсь любви...»	119
«Этой синевой ночью напишу я стихи...»	120
«Раздорами наполнена душа...»	121
«— Скажи, старуха, сколько лет осталось...»	123
«Это колокол звучит, поминая...»	126
«Это ворон все кружит, ищет жертву...»	128
«Дождь поливает землю...»	131
«Смотрела сон про наливные вишни...»	133
«Отпускает. Уже не больно...»	135
«Я помнил слова, но забыл содержание...»	136
«Зол на весь свет...»	137
«Раскованность походки, зренья, слова...»	138
«Мое послание, небесный Бог...»	140
Казнь	141
«В волшебный мир моих качелей...»	143

ПРОСТИ-ПРОЩАЙ

«Плетью руки вдоль тела...»	147
«Раскаянье торопит причаститься...»	151
«Благодарю за ясный день...»	152
«Из Вифлеемских звезд...»	153
«О, Господи, ну чем питаюсь я?..»	154
«Рожденному в неволе, не во снах...»	156
«Ну, кто мне скажет, что такое жизнь и в чем ее основа?..»	158
«Все двадцать дней луна заводит...»	160
«Как беспощаден дух злодейства...»	161
«Какая поступь у метели, какая стать!..»	163

«До слез люблю, до иступления, до боли...»	165
«О разнице в годах не беспокоюсь...»	167
«Как напьюсь я пьяной...»	169

ЗАБВЕНИЕ МЕЧТЫ

«Который год струится мгла в окошко...»	173
«Подай мне, грусть, на утешенье...»	175
«Нет, я не ангел, я только учусь...»	177
«Скажите, я сюда не залетала?...»	179
«Идти до ада далеко...»	181
«Несоответствием наполнен мир...»	183
«В России — мгла, в России — зло...»	185
«Нет, мне не обуздать тебя...»	187
«Я не знаю, как долго продлится весна...»	189
«Неважно, что за свет стучит ко мне в окошко...»	191
«Увижу ль сердцевину у предмета...»	192
«Остыли, отлетели дни печали...»	193

НАЧЕРТАНИЕ ЧУВСТВА

«Не померкнет день, не наступит ночь...»	196
Здесь	199
«Как к берегу гребущие пловцы...»	201
«Ни звезды, ни луна не смогут...»	203
«Я здравствую! Я жив!...»	204
«Я прорасту в кору берез...»	206
«Дым обрывает мысль...»	207
«Застыло утро. Звуков нет...»	209
«Призывный звук проснувшегося леса...»	211
«День в ночь спокойно уплывает...»	213
«Аквамаринный полет все длится, длится, длится...»	214
«Мне 20! — Я влюблен...»	215
«Ты где, пророк и пастырь...»	217
«Я зелье приворотное сварю...»	219

ИГРЫ ПАМЯТИ

«Рассыплются все звуки и слова...»	223
«Белоснежным лицом исчезаешь в тумане...»	225
Я уезжаю	228
«Я отрекаюсь от себя...»	230
«С судьбой играю — тебя не вижу...»	232
Тихо	235
«Возвращаясь в сновиденья...»	237
«Расставив все акценты по углам...»	239
«Нарушив договор о сдаче крови...»	241
«Я книгу старую возьму, зажгу свечу и научусь читать...»	243
«Я Родине махну рукой...»	245

ВЫСТРЕЛЫ ПОД ЛУНОЙ

Когда-то	249
«Встревоженно смотрю вперед...»	251
«Все колокольчики звенят у изголовья...»	253
Гамлет	255
Треплев	260
Время	264
«Я слышу голос вдалеке...»	266
«Шопеновской строкой...»	267

БРИЗ И ТАНЦУЮЩИЕ ПТИЦЫ

Пригча про птицу	271
Размышление о мщении	274
«Погожею январскою погодкой...»	278
«На кладбище покой, который чист и вечен...»	280
«На кладбище дух чист и светел...»	282
«Любовью на любовь твою отвечу...»	285
«Как безутешный гордый нищий...»	287
Луне	288
«Скребется мышь по ложу днища...»	290
«И этот голос голубой...»	292

ПРЕСТРАННОСТИ ЛЮБВИ

«Расстанемся, рассыпшем жизнь в осколки...»	299
«Волна разбрызгана, разбита...»	302
«Волна тихонько вырастает...»	305
«А море искрится, а море хохочет...»	308
«Опять я не в ладу с собою...»	310
«И пенно улыбнется море...»	313
«Янтарным блеском полнится земля...»	315
Подражание Лорке	317
«Я вознесусь и упаду, как птица...»	321
«Шел год за годом, проходила жизнь...»	323
«Заставлю ждать, надеяться и верить...»	326
«И в полночь запрещаю любить...»	328

ДУПЛЕТОМ В УГОЛ

«Я не умру и буду вечно жить...»	331
«Покаянно я отдаю долги...»	333
«На цыпочках тихонько подбиралась осень...»	335
«Немеют от разлуки руки...»	337
«Приветствую молву...»	339
«Безумству непослушных — быть...»	341
«Подожвы разрывают льдинки...»	343
«Осенней партитуры ля-бемоль...»	345
«А я люблю — блю-блю...»	347
«Я клятвою молчу о нашей страсти...»	349
«Я в мирозданье окунусь и сгину...»	351
«Я жду...»	352
«Я на мгновение усну и стану нищей...»	355
«Бог спросит: «Как дела, Наташа?»...»	356
«Я Господу скажу: люблю...»	357
«Пространство разрывает — до — диез...»	358
«Ветер двери раскрывает...»	359
«Зной оплетает ограду сада...»	361
«Растревожу тебя я голосом...»	363
«Я забыла, я все забыла...»	365

«Как тюльпан, что цветет лишь в мае...»	366
«Я напутала, я все напутала...»	368
«Тихо течет вечерний арык...»	369

РИСК МЩЕНИЯ

«Ожиданье невыносимо!..»	373
«Я — февральский снежок...»	377
«Я щедростью твоей обескуражен...»	379
«Законопачен в среде обитания...»	381
«И вот начнет таскать за волосы тревога...»	383
«Я торопился жить...»	384
«Поторопится море скрыться...»	385
«И пел так тоненько...»	387
«Не зови меня в ненастье...»	389
«Заставлю сожалеть о нелюбви...»	391
«Ну, растревожьте вы меня молитвой...»	393
«Листья сыплют...»	394
«Пытаюсь приоткрыть окно...»	399
«Шальная музыка стучалась в окна...»	401

ПРОЩЕНИЕ

«Застонут, зазвонят колокола...»	405
«Отвага обреченного на смерть...»	407
«Сомкнутся небеса, и сон растает смутный...»	409
«Когда придет мой день, мой час...»	411
«Я курила папиросу...»	414
«Мама радостью неожиданной...»	415
«Мне кажется, кокосы не растут в пустыне...»	417
Песня	419
Слухи	420
«Не станут листья собираться в стаи...»	421
«Из горестей сплету венки...»	422
«Рассветным сном закончится, петляясь, ночь...»	424
«А гром все непрестанно громыкает...»	425
«Все прозрачней и прозрачней жизнь...»	426

«Так тоненько, так высоко пел голос...»	427
«Твой лошадиный абрис...»	429
«Предчувствие беды...»	431
«Жизнь снова подарила мне права...»	432
«Мысль капает по капле капля...»	433
«И вновь расщедрилась погода на ненастье...»	434
«Незванный гость повадился стучаться...»	435
«Тахикардия. Почти как обстрел...»	436
«Наступит судный день, и загорятся очи...»	439

Редактор *Крюкова О.С.*
Оригинал-макет *О. Комиссарова*

Сдано в набор 17.10.11. Подписано в печать 25.10.11.

Формат 84x108/32. Гарнитура «Баскервиль».

Тираж 500 экз. Заказ

Печать офсетная. Усл. печ. л. 28.

Научно-издательский центр «Академика»

127254, Москва, ул. Гончарова, 15